

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

839.83

H18 sRc

32
Изданіе Ф. Павленкова.

100
ГОЛОДЪ.

(H U N G E R)

РОМАНЪ

К. Гамсуна.

ПЕРЕВОДЪ

Всеволода Чешихина.

.....
Цѣна 60 коп.
.....

Весь сборъ отъ продажи первыхъ 2½ тысячъ экземпляровъ
этого романа (1000 р.) назначается въ пользу „пострадавшихъ
отъ неурожая“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1892.

ИЗДАНИЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова (Спб., Лештуковъ пер., № 2).

Для дѣтей и юношества.

- ДВА ПРОКАЗНИКА.** Шуточный разсказъ въ стихахъ. В. Буша. Переводъ съ 25 нѣмецк. изданія. Около 100 рис. Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ пер. 1 р. 25 к.
- ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСТЬ!** Дѣтскіе разсказы. А. Лявидэ. Съ рисунками. Ц. 75 к., въ папкѣ — 1 р., въ переплетѣ — 1 р. 25 к.
- РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ ВЪ СТИХАХЪ.** А. Брянчанинова. Съ предисловіемъ Тургенева и 50 рисунками. Ц. 2 р., въ пап. 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.
- ЧЕРНЫЕ БОГАТЫРИ.** Е. Конради. Съ 53 рисунк. Ц. 2 р. Въ перепл. — 2 р. 75 к.
- ЗАДУШЕВНЫЕ РАЗСКАЗЫ.** П. Засодимскаго. Два тома съ 136 рис., цѣна кажд. въ папкѣ 1 р. 50 к. Въ перепл. — 2 р.
- ХОРОШІЕ ЛЮДИ.** В. Острогорскаго. 45 рис. Въ пап. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
- ИЗЪ ЖИЗНИ И ИСТОРИИ.** А. Арсеньева. Съ рис., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
- ПОСЛУШАЕМЪ!** Разсказы. А. Нольде. 28 рис. Въ папкѣ 1 р. Въ пер. 1 р. 50 к.
- ДѢТСКІЙ МАСКАРАДЪ.** Н. Азбелева. Съ 16 рис. Цѣна 20 к.
- НАГЛЯДНЫЯ НЕСООБРАЗНОСТИ.** (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) Ф. Павленкова. 200 рисунковъ на 10 листахъ Ц. 1 р. "Объясненіе" въ нимъ 5 к.
- ТРОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА.** В. Обреимова. Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рисун. и 39 кастетами. Ц. 1 р.
- МАТЕМАТИЧЕСКІЕ СОФИЗМЫ.** 50 теоремъ, доказывающихъ, что $2 \times 2 = 5$, часть больше своего цѣлаго, и пр. Составилъ В. Обреимовъ. 2-е изд. Ц. 40 к.
- ИСКРЫ БОЖЬИ.** Биографическіе очерки А. Островинской. Цѣна 1 р. 25 к.
- 20 БЮГРАФИЙ ОБРАЗЦОВЫХЪ РУС. ПИСАТЕЛЕЙ** Составилъ В. Острогорскій. Съ 20 портретами. 2 изд. Ц. 50 к.
- СКАЗКИ ГУСТАФСОНА.** Ц. 1 р. 25 к., въ пап. — 1 р. 50 к., въ перепл. — 1 р. 75 к.
- ИСТОРИЯ ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ.** Ламефлэри. Съ 52 рис. 2-е изд. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.
- ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ ДИККЕНСА** въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой: 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большия надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Холодный домъ, 8) Николай Нивльби, 9) Крошка Дорритъ, 10) Двагорода. Цѣна каждого романа — 40 к. Въ папкѣ 50 к.
- ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.** С. Ворисгофера. Съ 73 рис. Ц. 2 р. Въ папкѣ 2 р. 25 к., въ пер. — 2 р. 50 к.
- ЧРЕЗЪ ДѢБРИ И ПУСТЫНИ.** С. Ворисгофера. Съ иллюстраціями. Ц. 2 р., въ пап. — 2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 75 к.
- СКАЗОЧНАЯ СТРАНА.** С. Ворисгофера. Съ иллюстр. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 75 к.
- ПРИКЛЮЧЕНІЯ КОНТРАБАНДИСТА.** С. Ворисгофера. Съ иллюстрац. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.
- МУЧЕНИКИ НАУКИ.** Г. Тисандье. Переводъ подъ ред. Ф. Павленкова. Съ 55 рис. Ц. 2 р. Въ пер. 2 р. 50 к.
- НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ.** Тисандье. Пер. подъ редакціей Ф. Павленкова. 353 рис. Ц. 2 р., въ перепл. — 2 р. 75 к.
- МАТЕМАТИЧЕСКІЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ.** Люкаса. Съ франц. Ц. 1 р.
- ВЕЧЕРНИЕ ДОСУГИ.** А. Круглова. Съ 70 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. — 2 р.
- РЫБІЙ ГРАФЪ. НЕРАЗЛУЧНИКИ. ДОЧЬ УГОЛЬЩИКА.** П. Засодимскаго. Съ рисун. Ц. каждой книжки по 35 к.
- ЖИВЫЯ КАРТИНКИ.** А. Смирнова. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переплетѣ — 2 р.
- ЯНКИ ВОЛОГДСКАГО УЪЗДА.** А. Круглова. Съ 6 рис. Ц. 25 к.
- НЕЗАБУДКИ.** А. Круглова. Сборникъ разсказовъ. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ — 1 р. 75 к., въ перепл. — 2 р.
- ПРИКЛЮЧЕНІЯ СВЕРЧБА.** Э. Кавадеза. 67 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ — 2 р. 25 к., въ переплетѣ — 2 р. 50 к.

Иллюстрированные романы ВАЛЬТЕРЪ СКОТТА,

въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой:

- 1) Беверлей, 2) Антикварій, 3) Робъ-Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская невѣста, 10) Легенда о Монроувѣ и др. Цѣна каждого романа 40 к., въ папкѣ 50 к., въ переплетѣ по 5 романовъ. Цѣна 2 р. 80 к.

ГОЛОДЪ.

РОМАНЪ

К. Гамсуна.

ПЕРЕВОДЪ

Всеволода Чешихина.

.....
Цѣна 60 коп.
.....

Весь сборъ отъ продажи 2500 экземпляровъ этого романа
назначается въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Ф. Павленкова.

1892.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, публицистика и законовѣдѣніе.

- СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА.** Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ томѣ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 картин.—2 р. 50 к. На лучшей бумагѣ—на 50 и дороже. За переплетъ: для 1-томнаго изданія—40 к. и 1 р. Для 10-томнаго (5 переп.) 1 р. и 2 р.
- СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА.** Полное собраніе стихотвореній и вся беллетристика въ прозѣ. Въ 1 томѣ. Съ біографіей, портретами. и пр. Ц 1 р. Съ карт.—2 р.
- СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА.** Полное собраніе съ портретами, біографіей и пр. Въ одномъ томѣ (770 стр.) Цѣна безъ картинъ—75 к. Съ картин.—1 р. 50 к.
- БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ** къ „Сочиненіямъ Пушкина“. 44 иллюстраціи съ подписями и портретоми. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.
- МАЛЫЙ АЛЬБОМЪ** къ „Сочиненіямъ Пушкина“. Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Рѣзаны на деревѣ. Ц. въ коленкор. переплетѣ—1 р. 25 к.
- КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА.** Повесть А. Пушкина. Роскошное изданіе съ 188 рис. Ц. 60 к. Въ папкѣ—75 к. въ переп. 1 р.
- СОЧИНЕНІЯ ГЛѢБА УСПЕНСКАГО.** Съ портретоми автора и статей Н. Михайловскаго. Ц. за два тома—3 р. Переплеты въ 50 к. и въ 1 р.
- СОЧИНЕНІЯ А. М. СКАБИЧЕВСКАГО.** Критич. очерки, публицист. этюды, литерат. характеристики. Цѣна за все собраніе въ 2 большихъ томахъ 3 р.
- РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО МНѢНІЯ** въ государственной жизни. Профес. Гольцендорфа. Ц. 75 к.
- СОЧИНЕНІЯ Ф. РѢШЕТНИКОВА** Въ 2 томахъ. Съ портретоми автора и статьей М. Протопопова. Цѣна 2 р 50 к. Переплеты въ 50 к и 1 р.
- СОЧИНЕНІЯ Н. В. ШЕЛГУНОВА.** Въ 2 томахъ. Съ портр. автора и стат. Н. Михайловскаго. Цѣна за оба тома 3 р. Въ переп. 3 р. 50 к. и 4 р.
- ГУРГЕНЕВЪ О РУССКОМЪ НАРОДѢ.** Съ портретоми Тургенева. Ц. 15 к.
- ВЪ ПОИСКАХЪ ЗА ИСТИНОЮ.** Максима Нордау. Перев. Э. Зауеръ. Ц. 2 р.
- БЕСѢДЫ О ЗАКОНАХЪ И ПОРЯДКАХЪ.** С. Горянской. Ц. 15 коп.
- ЗАКОНЫ О ГРАЖДАНСКИХЪ ДОГОВОРАХЪ,** общепонятно изложенные и объясненные. Составилъ В. Фармаковский. Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к.
- НОВѢЙШІЕ РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.** Хрестоматія для старшихъ классовъ гимназій и книга для домаш. чтенія. А. Цвѣткова. Съ портретами. Ц. 3 р.
- ОЧЕРКИ САМОУПРАВЛЕНІЯ.** С. Приклонскаго. Ц. 2 р.
- БОРЬБА СЪ ЗЕМЕЛЬНЫМЪ ХИЩНИЧЕСТВОМЪ.** Бытовые очерки И. Тимошенкова. Ц. 1 р.
- БРЮХО ПЕТЕРБУРГА.** А. Бахтіарова. Цѣна 1 р.
- СЧАСТЬЕ И ТРУДЪ.** П. Мантегацца. Ц. 75 к.
- БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ.** Гигіеническій романъ П. Мантегацца. Ц. 50 к.
- НАШИ ОФИЦЕРСКІЕ СУДЫ.** Ф. Павленкова. Цѣна 35 к.
- ВЯТСКАЯ НЕЗАБУДКА.** 2-е изд. Ц. 75 к.
- ИСТОРИЯ КНИГИ НА РУСИ.** А. Бахтіарова. Со мног. рис. Ц. 1 р 50 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

- Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками, ц. 10 к.—Кавказскій плѣнникъ. Съ 3 карт. ц. 3 к.—Братья Разбойники. Съ 3 карт. ц. 2 к.—Бахчисарайскій фонтанъ. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Цыганы. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Полтава. Съ 5 карт., ц. 6 к.—Галубъ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказна о царѣ Салтантѣ. Съ карт., ц. 4 к.—Сказна о попѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказна о мертвой царевнѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказна о золотомъ пѣтушкѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказна о рыбацкѣ и рыбацѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Пѣсни западныхъ славянъ. Съ 3 карт., ц. 4 к.—Евгеній Онегинъ. Съ 11 карт., ц. 20 к.—Графъ Нулинъ. Съ 3 карт., ц. 2 к.—Домикъ въ Коломнѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Мѣдный всадникъ. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Анджело. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Борисъ Годуновъ. Съ 9 карт., ц. 10 к.—Скупой рыцарь. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Моцартъ и Сальери. Съ карт., ц. 2 к.—Каменный гость. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Пиръ во время чумы. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Русалка. Съ 4 карт., ц. 3 к.—Выстрѣлъ. Съ 2 карт., ц. 3 к.—Метель. Съ 2 карт., ц. 3 к.—Гробовщикъ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Станціонный смотритель. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Барышня-крестьянка. Съ 2 карт. ц. 4 к.—Пиковая дама. Съ 3 карт., ц. 5 к.—Дубровскій. Съ 5 карт., ц. 10 к.—Арапъ Петра Великаго. Съ 3 карт., ц. 6 к.—Капитанская дочка. Съ 11 карт., ц. 20 к.—Исторія Пугачев. бунта. Съ мног карт., ц. 20 к.—Всѣ поэмы. Съ 21 карт., ц. 25 к.—Всѣ сказки. Съ 6 карт., ц. 10 к.—Всѣ баллады и легенды. Съ 4 карт., ц. 10 к.—Всѣ драмат. произведенія. Съ 17 карт., ц. 20 к.—Повѣсти Бѣлкина. Съ 7 карт., ц. 10 к.—Всѣ письма. Съ 26 портретами, ц. 25 к.

839.83

H 182 R c

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Новѣйшее произведеніе К. Гамсуна сразу выдвинуло молодого норвежца изъ неизвѣстности. Какъ психологической этюдъ, книга Гамсуна безукоризненна. Авторъ съ большимъ талантомъ изображаетъ не только физическій, но и весь психическій процессъ, сопутствующій голоду: мастерскими, смѣлыми штрихами психологъ голодныхъ отмѣчаетъ упадокъ и безсиліе воли, усиленную дѣятельность воображенія и связанное съ нею развитіе гордости, побуждающее человѣка отвращаться отъ ближняго и общества и опускаться все ниже и ниже, до границъ смерти или безумія.

Появленіе перевода «Голода» въ дни нашего народнаго бѣдствія можетъ быть полезно тѣмъ, что, раскрывая передъ читателемъ душевное состояніе своего героя, авторъ помогаетъ сытому уразумѣть голоднаго.

Всеволодъ Чехихинъ.

*

11 May 1956 g. Somers Fitzman

Популярно-научныя книги.

- ПРЕДСКАЗАНИЕ ПОГОДЫ.** Далле. Перев. съ франц. Съ 41 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
- ФИЗИОЛОГИЯ ДУШИ.** А. Герцена. профессора Лозан университета. Предисл. Герцена-отца. Съ франц. Ц. 1 р.
- МИРЪ ГРЕЗЪ.** Д-ра Симона. Сновидѣн. галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Съ франц. Ц. 1 р.
- РУЧНОЙ ТРУДЪ.** Составилъ Графинья Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.
- ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА.** П. Мантегацца. Пер. съ 5-го итальян. изд. Ц. 1 р. 50 к.
- ПРОГРЕССЪ ПРАВСТВЕННОСТИ.** Летурно. Перевела съ франц. Эл. Зауэръ. Ц. 1 р. 50 к.
- УМСТВЕННЫЙ ЭПИДЕМИИ.** Д-ра Реньяра. Перевела съ франц. Эл. Зауэръ. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.
- КОТОРЫЙ ЧАСЪ? И.** Вавилова. Проверка часовъ безъ помощи часовщика и устройство солнц. часовъ. Съ 13 рис. Одобрено Академіей Наукъ. Цѣна 30 к.
- СВѢТЪ БОЖІЙ.** Популярныя очерки міровѣдѣнія. 5-е изданіе, въ первый разъ иллюстрированное 60 рис. Ц. 30 к.
- ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ.** Фламаріона. Съ франц. 100 рис. Ц. 1 р. 25 к.
- ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ.** Э. Ренье. Перевелъ и дополнилъ Д. Головъ. Съ 76 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
- ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ ВЪ ЧИКОЛЕВА.** съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.
- ЧУДЕСА ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА.** В. Чиколева. Ц. 30 к.
- О БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРИЧ. ОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ЧИКОЛЕВА.** Ц. 25 к.
- ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНИТИЗМЪ** А. Гано и Ж. Маневрье. Перев. Ф. Павленкова, В. Черкасова и С. Степанова. Съ 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.
- СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКѢ.** В. Чиколева. Ц. 75 к.
- ЗАКОНЫ ПОДРАЖАНІЯ.** Тарда. Переводъ съ француз. Ц. 1 р. 50 к.
- ДОМАШНІЙ ОПРЕДѢЛИТЕЛЬ ПОДЪЛОЖЬ.** А. Альмедингена. Ц. 60 к.
- НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ!** Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. А. Альмедингена. Ц. 50 к.
- НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ!** А. Альмедингена. Ч. II. Ц. 50 к.
- БЕРЕГИТЕ ЛЕРКІЯ!** Гигиен. бесѣды доктора Пимейера. Съ 30 рис. Ц. 75 к.
- ГИГИЕНА ЖЕНЩИНЫ.** М. Тило. Ц. 40 к.
- СОХРАНЕНІЕ ЗДОРОВЬЯ.** Общая гигиена въ примѣненіи къ обыденной жизни. Доктор Эйдмаа. Съ 7 рисунками. Ц. 40 к.
- ДАРВИНИЗМЪ.** Э. Ферьера. Перев. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60 к.
- ЖИЗНЬ НА СѢВЕРѢ И ЮГѢ.** (Отъ полюса до экватора). А. Грема. Дополненіе къ его сочиненію „Жизни животныхъ“. Со многими рис. Ц. 2 р.
- ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ И МАГНИТИЗМѢ.** О. Хвольсона. Съ 230 рис. 2-е изданіе. Ц. 2 р.
- ГЛАВНѢЙШІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА.** Э. Госпиталье. Пер. С. Степанова, со 145 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
- ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ.** Э. Госпиталье. Пер. съ франц. С. Степанова. Со 157 рис. Ц. 2 р.
- ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ.** Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Перев. съ англійскаго и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р.
- СОВРЕМЕННЫЯ ПСИХОПАТЫ.** Д-ра Кюйлера. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
- ПСИХОЛОГИЯ ВНИМАНІЯ.** Д-ра Рибо. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 к.
- ПСИХОЛОГИЯ ВЕЛИК. ЛЮДЕЙ.** Жоли. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.
- ГЕНИАЛЬНОСТЬ И ПОМѢШАТЕЛЬНОСТЬ.** Ц. Ломброзо. Съ рис. Ц. 2 р.
- ЧТО СДѢЛАТЬ ДЛЯ НАУКИ Ч. ДАРВИНЪ?** Съ портретомъ Дарвина. Переводъ Г. Лопатина. Ц. 75 к.
- ХЛѢБНЫЙ ЖУКЪ.** Чтеніе для народа, съ 3 рис. Барона Н. Корфа. Ц. 10 к.
- ВРЕДНЫЯ ПОЛЕВЫЯ НАСѢКОМЫЯ.** Сост. Иверсенъ. Съ 43 рис. Ц. 80 к.
- ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО.** Н. Жуковского. Съ 72-мя рис. Ц. 60 к.
- ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ.** Сост. Г. Гьяндье. Съ рис. Переводъ съ француз. Ц. 50 к.
- СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ.** Эспинаса. Перев. съ франц. Ф. Павленкова. 500 стр. Ц. 2 р. 50 к.
- ЧАСТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДИАГНОСТИКА.** Профес. Да-Коста. Съ нѣм. 704 стр., 43 рис. Ц. 3 р. 50 к.
- ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ.** Опытъ популярно-научной философіи. А. Секки. Перев. съ франц. Ф. Павленкова. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
- ПЕРВОБЫТНЫЯ ЛЮДИ.** Дебьера. Перевелъ съ француз. и дополнилъ М. Энгельгардъ. Со многими рисунк. Ц. 1 р.
- ФАБРИЧНАЯ ГИГИЕНА.** В. В. Святловскаго. 720 стр. и 153 рисунка. Ц. 4 р.
- ОГОРОДНИЧЕСТВО.** Практическія наставленія для народныхъ учителей. Ф. Шублера. Съ 137 рис. Ц. 60 к.
- ТЕЛЕФОНЪ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРИМѢНЕНІЯ.** Майра и Писса. Перевелъ съ нѣмецк. и англійскаго Д. Головъ. Съ 293 рисунками. Ц. 2 р. 50 к. Одобрено Морскимъ Ученымъ Комитетомъ.
- ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ.** Сочиненіи Нюде. Перевелъ и дополнилъ Д. Головъ. Со многими рисунками. Ц. 2 р.
- ШКОЛЬНЫЙ САДОВОДЪ.** Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началомъ садоводства. А. Волотовскаго. Ц. 20 к.

I.

Это было тогда, когда я жилъ и голодалъ въ Христианіи, въ томъ страшномъ городѣ, который на всякаго кладетъ свою печать

Я лежалъ на своемъ чердакѣ и слушалъ, какъ надо мной часы били шесть; было уже довольно свѣтло и по лѣстницамъ началась бѣготня. Внизу, подлѣ моихъ дверей, гдѣ вмѣсто обоевъ были наклеены старыя газеты, я ясно различалъ подпись инспектора маяка и жирное объявленіе о продажѣ хлѣба у пекаря Фабіана Ольсена.

Какъ только открылъ я глаза, я сталъ, по старой привычкѣ, думать, что пріятнаго предстоитъ мнѣ сегодня. Въ послѣднее время мнѣ приходилось туговато: все мое имущество, вещь за вещь, перебралось къ «дядюшкѣ», я сталъ нервенъ и раздражителенъ, а раза два мнѣ уже пришлось пролежать весь день, вслѣдствіе головокруженія. По временамъ, когда улыбалось счастье, мнѣ удавалось заработать въ какомъ нибудь уличномъ листкѣ кронъ пять за фельетонъ *).

Совсѣмъ разсвѣло; я уже могъ свободно читать объявленіе подлѣ дверей и даже различать тощія, какъ бы осклабленныя буквы надписи: «Саваны у дѣвицы Андерсенъ, направо въ воротахъ». Это меня занимало долгое время; внизу пробило восемь часовъ, когда я наконецъ всталъ и одѣлся.

Затѣмъ я отворилъ окно и выглянулъ на улицу. Я

---

*) Норвежская крона — около полтинника. Въ ней 100 ёръ (оере); ёра — около поль-копѣйки.

увидѣлъ веревку съ бѣльемъ и чистое поле; вдали, подлѣ кузницы, работники сгребали золу. Я оперся локтями о подоконникъ и заглядѣлся на небо. День обѣщаль быть прекраснымъ; была осень, нѣжная, прохладная пора, когда все мѣняетъ краски—и умираетъ.—Шумъ, доносившійся снизу, манилъ меня на улицу; пустая коморка съ шатавшимися при каждомъ шагѣ половицами напоминала гробъ: ни замка у дверей; ни печи; я не снималъ ночью чулокъ, иначе они не высохали къ утру. Единственно, что мнѣ нравилось—это красная качалка; на этомъ стулѣ я любилъ мечтать по вечерамъ о томъ, о семь... При всякомъ порывѣ вѣтра и стуканьи дверьми въ нижнемъ этажѣ по комнатѣ разносились стонущіе звуки и въ газетахъ появлялась новая трещина.

Я поднялся и порылся въ узелкѣ подъ кроватью,—нѣтъ ли тамъ чего съѣстного; ничего; затѣмъ я снова пошелъ къ окну.

Богъ вѣсть,—думалъ я, —удастся ли мнѣ найти какое нибудь занятіе. Отрицательные отвѣты, полуобѣщанія, прямые отказы, новыя, обманутыя, надежды и новыя попытки, кончавшіяся ничѣмъ,—все это уже сломило мое мужество. Въ послѣднее время я искалъ мѣсто кассира въ лавкѣ, но опоздалъ, да и не могъ представить требуемаго обезпеченія въ пятьдесятъ кронъ. Всюду какая нибудь помѣха.—Я собирался даже въ пожарные. Насъ стояло пятьдесятъ человѣкъ въ передней и мы колотили себя кулаками въ грудь, чтобы смотрѣть молодцами. Чиновникъ ходилъ между нами, набиралъ годныхъ къ службѣ, ощупывалъ ихъ руки и предлагалъ различные вопросы; онъ прошелъ мимо меня, покачавъ головой, и сказалъ, что я въ очкахъ и потому не гожусь. Я пошелъ еще вторично, на этотъ разъ безъ очковъ, нахмурилъ брови, сдѣлалъ взоръ острѣе ножа—но чиновникъ опять прошелъ мимо и только улыбнулся: онъ меня узналъ.—Самое скверное было то, что мое платье стало приходиться въ упадокъ, такъ что я не могъ уже искать мѣста въ качествѣ приличнаго молодого человѣка.

Какъ правильно и постоянно возвращалась нищета! Въ концѣ концовъ я сталъ голъ, какъ соколъ: нѣтъ грѣбешка, нѣтъ даже книги, чтобы почитать съ тоски! Впродолженіе всего лѣта я шатался по кладбищамъ или городскому парку, гдѣ писалъ статьи для газетъ, столбецъ за столбцомъ, о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, странныхъ мысляхъ, причудахъ и фантазіяхъ моего безпокойнаго мозга; съ отчаянія я принимался за самыя нелѣпыя темы, съ которыми долго возился для того, чтобы ихъ потомъ не принимали къ печатанію. Кончивъ одно, я принимался за другое, постоянно повторяя себѣ: когданибудь да посчастливится! И дѣйствительно, въ случаѣ удачи, я зарабатывалъ въ день до 5 кронъ.

Я отошелъ отъ окна, подошелъ къ умывальнику и плеснулъ водой на колѣни — чтобы брюки казались чернѣе и новѣе. Сдѣлавъ это, сунулъ, по привычкѣ, бумагу и карандашъ въ карманъ и вышелъ. Тихонько прокрался я внизъ по лѣстницѣ, чтобы меня не замѣтила хозяйка; срокъ найма окончился дня два тому назадъ, а у меня нечѣмъ было ей заплатить.

Было 9 часовъ. Трескъ колесъ и голосовъ наполнялъ воздухъ какимъ-то колоссальнымъ утреннимъ хоромъ, въ который врѣзались шумъ, ходьба и хлопанье извозчичьихъ бичей. Эта громкая суета меня тотчасъ же развеселила и я сталъ чувствовать себя лучше. Я никакъ не ожидалъ, что вышелъ на утренній, свѣжій воздухъ для прогулки. Очень мнѣ нужна такая прогулка! Я силенъ, какъ великанъ, и могъ бы на своихъ плечахъ вывезти любую телѣгу. — Нѣжное, тихое настроеніе, чувство веселой беззаботности овладѣло мною. Я сталъ наблюдать встрѣчныхъ; читалъ афиши на стѣнахъ; поймалъ взглядъ, брошенный изъ-за окна пробѣжавшей конки; отдавался дѣйствию всякой мелочи ислучайности, встрѣчавшейся и исчезающей на моемъ пути.

Если бы въ такой прекрасный день было что поѣсть! Но впечатлѣніе яснаго утра преобладало, я былъ необычайно возбужденъ и отъ радости напѣвалъ про

себя. Передъ мясною лавкою стояла женщина съ корзинкою на рукѣ и торговала колбасу на обѣдъ; когда я проходилъ, она взглянула на меня. У нея былъ только одинъ передній зубъ. Лицо этой женщины произвело на меня отвратительное впечатлѣніе — очень ужъ я изнервничался за послѣднее время; длинный, желтый зубъ торчалъ изъ десны, какъ мизинецъ, а во взглядѣ ея чувствовалась жирная колбаса. Я тотчасъ потерялъ аппетитъ и почувствовалъ дурноту. Проходя мимо базара, я напился воды изъ фонтана; посмотрѣлъ вверхъ — на башнѣ Спасителя было 10 часовъ.

Я пошелъ бродить далѣе по улицамъ, постоялъ на одномъ углу безъ всякой надобности, завернулъ въ переулокъ, тоже безъ необходимости. Я старался быть веселымъ въ это веселое утро и потолкаться счастливымъ человекомъ между счастливыми людьми; воздухъ былъ легокъ и прозраченъ, и на душѣ моей — ни облачка.

Уже минутъ десять ковылялъ передо мною какой-то старикъ. Въ одной рукѣ его былъ узелъ и онъ шелъ, работая всѣмъ тѣломъ. Я слышалъ, какъ онъ кряхтѣлъ отъ усилія; мнѣ пришло въ голову, что я могъ бы понести его узелъ — но я не пробовалъ догнать его. — Вверху на «Границѣ» встрѣтился мнѣ Гансъ Паули, поклонился и пробѣжалъ мимо. — Куда онъ такъ торопится? У меня и въ умѣ не было просить у него займы кроны и я имѣю твердое намѣреніе отослать ему въ самомъ непродолжительномъ времени одѣяло, которое онъ мнѣ одолжилъ. Конечно, какъ только я заживу мало — мальски почеловѣчески, я никому не стану обязываться одѣялами. Можетъ быть, сегодня же напишу статью о «преступленіяхъ будущаго» или о «свободѣ воли», или чтонибудь въ этомъ родѣ, порядочное, по крайней мѣрѣ на 10 кронъ... И при мысли о статьѣ я почувствовалъ внезапно стремленіе начать и создать ее, не медля; я думалъ отправиться въ дворцовый паркъ, отыскать тамъ подходящую скамейку и встать не ранѣе, пока вся статья не будетъ окончена.

Но передо мной, на улицѣ, продолжалъ ковылять

старый калѣка. Меня раздражалъ видъ этого, торчавшаго передо мною, безобразія. Его странствію и конца, казалось, не было; онъ шель по тому же направленію, какъ и я, и мнѣ предстояло имѣть его передъ своими глазами всю дорогу. Къ моей досадѣ, мнѣ казалось, что онъ нарочно останавливался на каждомъ перекресткѣ, съ цѣлью убѣдиться, какою дорогою пойду я, а затѣмъ закидывалъ за спину свой узелъ и шель изо всей силы, забѣгая мнѣ впередъ. Уродъ начиналъ меня бѣсить; я чувствовалъ, какъ мое прекрасное настроеніе уносилось по клочкамъ, какъ на чистое, ясное утро набѣгали со всѣхъ сторонъ тѣни. Онъ походилъ на огромное, нескладное наскломое, которое распростерлось, распласталось на весь тротуаръ. Дойдя до конца улицы, я уже не могъ долѣ выносить этой пытки; я остановился у окна магазина, чтобы дать ему возможность пройти мимо. Когда я, черезъ нѣсколько минутъ, двинулся впередъ,—уродъ снова шель передо мною. Не задумываясь, я въ три-четыре бѣшеныхъ шага догналъ его, и ударилъ по плечу.

Онъ тотчасъ же остановился. Мы уставились другъ на друга.

— Подайте на молоко! — сказалъ онъ наконецъ и склонилъ голову на бокъ.

Такъ; ну, теперь все прекрасно! — Я пошарилъ въ карманахъ и сказалъ:

— На молоко, да. Гмъ! Времена нынче трудныя, а я не знаю, насколько вы нуждаетесь.

— Со вчерашняго дня ничего не ѣлъ, — отвѣтилъ тотъ.— У меня нѣтъ ни гроша, а работы я до сихъ поръ не могъ достать.

— Вы ремесленникъ?

— Да, игольщикъ.

— Кто?

— Игольщикъ. Впрочемъ умѣю тачать сапоги.

— Это дѣло другое, — сказалъ я.— Подождите здѣсь минутку, я принесу вамъ денегъ, нѣсколько ерѣ.

Съ величайшей поспѣшностью пошелъ я внизъ по

Пилестреде, гдѣ зналъ закладчика во второмъ этажѣ; впрочемъ до сихъ поръ я еще къ нему не заглядывалъ. Пройдя въ ворота, я снялъ поспѣшно жилетку, свернулъ ее и сунулъ подъ мышку; затѣмъ поднялся на лѣстницу и позвонилъ въ ссудную кассу. Я поклонился и бросилъ жилетку на прилавокъ.

— Полторы кроны,—сказалъ закладчикъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ я.—Если бы она не жала мнѣ подъ мышками, то я конечно не отдалъ бы ея!

Онъ вручилъ мнѣ деньги и расписку, и я поспѣшилъ назадъ. Эта процедура съ жилеткой—великолѣпная мысль! У меня останется денегъ на роскошный завтракъ, а къ вечеру поспѣетъ статья о преступленіяхъ будущаго. Я тотчасъ же сталъ смотрѣть свѣтлѣе на жизнь и поторопился поскорѣе развязаться съ калѣжкой.

— Пожалуйста!—сказалъ я.—Очень радъ, что вы обратились ко мнѣ.

Тотъ взялъ деньги и испытующе посмотрѣлъ на меня.—Чего онъ такъ таращить глаза? Мнѣ показалось, что онъ разсматриваетъ мои колѣнки, и назойливость его взбѣсила меня. Или этотъ плуть воображаетъ, что я дѣйствительно такъ же бѣденъ, какъ кажусь? Развѣ я почти что не написалъ статьи въ 10 кронъ? Чего мнѣ бояться будущаго, если во мнѣ такъ и клокочетъ вдохновенье? Какое кому бы то ни было дѣло до того, выбрасываю ли я изъ своего кармана деньги по-пустому, или нѣтъ?—Взглядъ этого человѣка былъ невыносимъ, и я рѣшилъ передъ уходомъ хорошенько его проучить. Я пожалъ плечами и сказалъ:

— Послушайте, любезный, у васъ прескверная привычка смотрѣть на колѣни тѣхъ, кто подаетъ вамъ крону.

Онъ коснулся затылкомъ стѣны и разинулъ ротъ. Въ его нищенскомъ мозгу работала мысль; онъ рѣшилъ что я надъ нимъ смѣюсь и протянулъ мнѣ обратно монету.

Я затопалъ ногами и съ ругательствами велѣлъ ему удержатъ ее у себя. Думаетъ ли онъ, что я предпринялъ всю эту возню напрасно? Можетъ быть я лично долженъ

ему эту крону; я прекрасно помню свои старые долги; онъ стоитъ передъ человѣкомъ, который честенъ отъ головы до ногъ. Словомъ, деньги принадлежатъ ему... Не за что благодарить! Мнѣ самому это доставило удовольствіе. Прощайте.

Я пошелъ своею дорогою. Наконецъ-то я освободился отъ своего искалѣченнаго мучителя, и теперь могу быть спокоенъ!—Снова отправился я внизъ по Пилестреде и остановился передъ колониальной торговлей. Въ окнѣ я увидѣлъ съѣстное и рѣшилъ купить себѣ что-нибудь на дорогу.

— Кусокъ сыру и французскую булку!—сказалъ я и бросилъ свои полъ-кроны на прилавокъ.

— Сыру и булку на все?—спросила прикащица съ усмѣшкой, не глядя на меня.

— Да, на всѣ 50 ёръ,—отвѣтилъ я.

Я получилъ требуемое, сказалъ старой, толстой прикащицѣ — «до свиданья», и сломя голову помчался по дворцовой горѣ въ паркъ, гдѣ отыскалъ скамейку поудобнѣе и съ жадностью принялся за ѣду. Какъ это было хорошо! Уже давно я не ѣлъ такъ вкусно и мало по малу мною овладѣвалъ тотъ сытый покой, который наступаетъ послѣ долгаго плача. Мужество мое возросло; я нашелъ, что не стоитъ писать на такую простую и всѣмъ понятную тему, какъ «преступленія будущаго», такъ какъ ихъ можетъ предугадать всякій, маломальски знакомый съ исторіей; я чувствовалъ себя способнымъ на нѣчто большее и рѣшилъ написать трактатъ въ трехъ частяхъ о «философскомъ познаваніи». Конечно я при этомъ удобномъ случаѣ разобью въ прахъ нѣсколько софизмовъ Канта.... Когда я вытащилъ изъ кармана бумагу и думалъ уже начать работу, то не нашелъ карандаша; онъ остался у ростовщика, въ моемъ жилетѣ.

Господи, все опять пошло вверхъ дномъ! Я пробормоталъ нѣсколько ругательствъ, вскочилъ со скамьи и забѣгалъ взадъ и впередъ по дорожкѣ. Всюду было тихо; далеко, у королевской дачи, двое нянекъ везли дѣтскія

колясочки, а кромѣ нихъ—ни души. Я былъ внѣ себя и бѣгалъ, какъ помѣшанный, взадъ и впередъ передъ своею скамейкой. Все пошло прахомъ! Статья въ трехъ частяхъ была убита такимъ ничтожнымъ обстоятельствомъ, какъ исчезновеніе карандаша въ 10 ѳрб. — Пойти опять на Пилестреде и просить назадъ свой карандашъ? Все таки, еще останется время для статьи, пока гуляющіе не наполнили паркъ. Отъ этого трактата о «философскомъ познаниіи» зависитъ столь многое! Можетъ быть, счастье весьма многихъ—кто знаетъ! Можетъ быть я окажу нравственную поддержку молодымъ людямъ. — Пораздумавъ, я рѣшилъ не трогать Канта; этого можно избѣжать, стоитъ только ловко обойти вопросъ о времени и пространствѣ; однако я не соглашусь съ Ренаномъ, старымъ ксендзомъ Ренаномъ.... Вся суть въ томъ, чтобы написать статью въ столько-то строчекъ; незаплаченная квартира, наглый взглядъ хозяйки, встрѣченной мною поутру на лѣстницѣ, мучили меня цѣлый день и всплывали откуда-то въ самыя веселыя мои минуты. — Я послѣшилъ покинуть паркъ и помчался къ закладчику за своимъ карандашемъ.

Когда я спускался по дворцовой горѣ, то догналъ двухъ дамъ. Проходя мимо ихъ, я задѣлъ одну рукавомъ и оглянулся; у нея было полное, немножко блѣдное лицо. Внезапно она покраснѣла и похорошѣла несказанно; отчего? я не зналъ—можетъ быть отъ слова, услышаннаго отъ прохожаго, можетъ быть отъ своей неожиданной мысли. Или оттого, что я коснулся ея руки? Ея высокая грудь раза два поднялась и опустилась, рука сжала зонтикъ. Что съ ней?

Я приостановился и пропустилъ ихъ впередъ; я не могъ идти далѣе—все это казалось мнѣ столь страннымъ! Я былъ въ самомъ раздраженномъ настроеніи, ужасно сердить на себя за исторію съ карандашемъ, и въ высшей степени возбужденъ сытнымъ завтракомъ натошакъ. Мои мысли внезапно приняли самое неожиданное направленіе, подъ вліяніемъ какого-то каприза; мнѣ вдругъ захотѣлось напугать этихъ дамъ, попреслѣдовать ихъ подольше и

вообще понагличать по мѣрѣ возможности.—Я снова догоняю ихъ, внезапно оборачиваюсь и смотрю на нихъ въ упоръ. Встрѣтивъ ея взоръ, я вдругъ выдумываю для нея имя, котораго я никогда не слыхалъ, нервное и протяжное слово: Илайяли!—Когда она уже совсѣмъ близка, я присаниваюсь и съ настойчивостью заявляю:

— Вы потеряете вашу книгу, барышня!

Я слышу при этихъ словахъ біеніе собственнаго сердца.

— Какую книгу? — спрашиваетъ ея спутница, и обѣ идутъ далѣе.

Моя злость возросла и я погнался за дамами, ясно сознавая въ это мгновеніе, что безъ всякой причины дѣлаю величайшую глупость; но въ головѣ подымался туманъ, въ ушахъ раздавался безумный шепотъ. Напрасно твердилъ я себѣ, что поведеніе мое—самое нелѣпое; я корчилъ идіотскія гримасы за спиною дамы и крякнулъ раза два, какъ изъ бочки, проходя мимо нея. Медленно подвигаясь впередъ и чувствуя взглядъ ея на своей спинѣ, я вдругъ сгорѣлъ отъ стыда за свою неслышанную наглость. Мало по малу мнѣ стало казаться, что я исчезъ, куда-то ушелъ въ другое мѣсто, что это совсѣмъ не я иду по троттуару, согнувшись отъ смущенія.

Минуты черезъ двѣ дама подошла къ книжной торговлѣ Паши; я остановился у перваго окна, и когда она приблизилась, снова зашелъ впередъ и произнесъ:

— Вы потеряете вашу книгу, барышня.

— Да какую же однако книгу? — спросила она съ испугомъ — Не знаешь-ли ты, о какой книгѣ онъ говоритъ?

И она останавливается. Я чувствую жестокое наслажденіе при видѣ ея смятенія, безпомощное выраженіе ея лица восхищаетъ меня. Она никакъ не можетъ сообразить моего настойчиваго возгласа; съ ней нѣтъ никакой книги, даже ни единого листка бумаги, и всетаки она ищетъ въ своихъ карманахъ, оглядываетъ нѣсколько разъ свои руки, поворачиваетъ голову, озирается на мостовую и напрягаетъ свой маленькій, нѣжный мозгъ для того,

чтобы понять, о какой книгѣ я говорю. Она измѣняется въ лицѣ, то краснѣетъ, то блѣднѣетъ и тяжело дышетъ; пуговицы ея пальто устали на меня, какъ рядъ испуганныхъ глазъ.

— Что ты его слушаешь,—говорить ея спутница и увлекаетъ ее за собою,—вѣдь онъ пьянъ; развѣ ты не видишь, что у него двоится въ глазахъ?

Хотя я и былъ совершенно чуждъ самъ себѣ, находясь во власти странныхъ и неизъяснимыхъ вліяній — но я прекрасно подмѣчалъ все, вокругъ меня происходившее. Большая бурая собака бѣжала внизъ по улицѣ къ Тиволи, съ узкимъ ошейникомъ изъ новаго серебра. Далѣе, вверхъ по улицѣ, открылось окошко во второмъ этажѣ, высунулась дѣвушка и стала мыть стекла сваружи. Ничто не ускользало отъ моей внимательности, все такъ и кидалось мнѣ въ глаза со всѣхъ сторонъ, какъ будто всюду распространился новый, яркій свѣтъ. У обѣихъ дамъ передо мною было по голубому птичьему крылу на шляпкахъ, а у одной — шотландскій бантъ на шеѣ. Я считалъ ихъ сестрами.

Онѣ завернули, остановились подлѣ нотной торговли Эйслера и стали разговаривать. Остановился и я. Затѣмъ онѣ пошли назадъ, тѣмъ же путемъ, прошли мимо меня и направились прямо вверхъ на площадь Святого Олафа. Все время я слѣдовалъ за ними по пятамъ. Однажды онѣ обернулись и бросили на меня полуиспуганный, полулюбопытный взоръ; на лицѣ ихъ не было гнѣва, и брови не хмурились. Это терпѣніе къ моей шалости окончательно пристыдило меня, и я опустилъ глаза. Я не думалъ ихъ болѣе преслѣдовать, но хотѣлъ просто, изъ чувства благодарности, не терять ихъ изъ виду.

Передъ номеромъ вторымъ, большимъ, четырехэтажнымъ домомъ, онѣ еще разъ обернулись и вошли въ подъѣздъ. Опершись на газовый фонарь подлѣ фонтана, я прислушивался къ шуму ихъ шаговъ на лѣстницѣ; во второмъ этажѣ они затихли. Я отошелъ отъ фонаря и поглядѣлъ вверхъ, на домъ.—Тогда произошло нѣчто не-

понятное. Штора взлетѣла наверхъ, открылось окно, показалась женская головка и испытующій взоръ остановился на мнѣ.

— Илайяли!—прошенталь я и почувствовалъ, какъ покраснѣлъ. Отчего она не позвала на помощь? Отчего она не сбросила на меня цвѣточнаго горшка, или не выслала кого нибудь прогнать меня?—Мы, не двигаясь, смотрѣли другъ другу въ глаза; мысли мѣшались, летали съ улицы въ окно и обратно, но мы оба не произнесли ни слова.

Она отвернулась, я содрогнулся и почувствовалъ какой-то толчокъ въ сердцѣ; я видѣлъ плечо и спину, затѣмъ все исчезло. Этотъ медленный уходъ отъ окна, выраженіе, читавшееся въ движеніи ея плеча, казалось мнѣ ласковымъ кивкомъ; это нѣжное привѣтствіе загло кровь и я почувствовалъ вдругъ себя необычайно веселымъ. Затѣмъ пошелъ внизъ по улицѣ.

Я не смѣлъ оглянуться и не зналъ, подошла-ли она еще разъ къ окну; чѣмъ болѣе занималъ меня этотъ вопросъ, тѣмъ я становился нервнѣе и тревожнѣе. Можетъ быть, въ этотъ мигъ она стоитъ тамъ, наверху, и слѣдитъ за каждымъ моимъ движеніемъ. Навѣрное такъ. И мнѣ казалось невыносимымъ это наблюденіе сзади. Я перемогъ себя и пошелъ далѣе; ноги мои дрожали и походка была нетверда, такъ какъ я слишкомъ заботился о ея изяществѣ. Чтобы показаться спокойнымъ и равнодушнымъ, я размахнулъ руками, сплюнулъ и закинулъ голову, но ничего не помогло. Я чувствовалъ за собою преслѣдующіе меня глаза и холодъ пробѣгалъ по моей спинѣ. — Наконецъ, я скрылся въ переулокъ и побѣжалъ на Пилестреде добывать свой карандашъ.

Онъ былъ возвращенъ мнѣ безъ всякихъ затрудненій. Закладчикъ самъ вынесъ мнѣ жилетъ и попросилъ обыскать карманы; я нашелъ пару квитанцій изъ ссудныхъ кассъ и поблагодарилъ за любезность. Этотъ человѣкъ нравился мнѣ все болѣе и болѣе, и я постарался произвести на него хорошее впечатлѣніе. Я сдѣлалъ шагъ къ двери, но по-

томъ повернулся къ прилавку, какъ будто что-то забылъ; я счелъ себя обязаннымъ объяснить ему все и началъ мурлыкать пѣсенку, чтобы обратить на себя вниманіе. Затѣмъ я взялъ карандашъ и махнулъ имъ по воздуху.

Мнѣ и въ голову бы не пришло возвращаться за такою мелочью, какъ карандашъ,—объяснялъ ему я; но это совершенно особенный карандашъ. На видъ онъ невзраченъ, но этотъ обломокъ сдѣлалъ меня тѣмъ, что я есть, проложилъ мнѣ, такъ сказать, дорогу въ жизнь.

И я примолкъ. Человѣкъ подошелъ къ прилавку.

— Вотъ какъ?—сказалъ онъ и посмотрѣлъ на меня съ любопытствомъ.

— Да! Этимъ самымъ карандашомъ я написалъ большое сочиненіе о философскомъ познаваніи въ трехъ томахъ, разглагольствовалъ я. Не слышалъ-ли онъ объ этомъ?

Ему кажется, что заглавіе и имя автора ему знакомо.

Вотъ, вотъ. Поэтому пусть онъ не удивляется тому, что я вернулся за такою бездѣлкой; этотъ карандашъ имѣетъ для меня огромное значеніе, кажется мнѣ чуть-ли не человѣкомъ. Во всякомъ случаѣ, я весьма ему благодаренъ за любезность, которую не забуду — да, конечно не забуду: онъ вполне заслуживаетъ благодарности! До свиданія!

Я пошелъ къ дверямъ съ такою осанкой, какъ будто могъ доставить этому человѣку мѣсто въ пожарной командѣ. Добродушный закладчикъ поклонился мнѣ дважды, прежде чѣмъ я успѣлъ выйти, а я обернулся къ нему еще разъ и сказалъ: «до свиданья!»

На лѣстницѣ встрѣтилась мнѣ женщина съ дорожнымъ мѣшкомъ. Она съ робостью посторонилась, давая мнѣ дорогу, и я невольно схватился за карманъ, чтобы сунуть ей какую нибудь мелочь; такъ какъ я ничего не нашелъ, то огорчился и прошелъ мимо нея, опустя голову. Вскорѣ послѣ того я услышалъ, какъ она стучалась въ кассу; тамъ была желѣзная рѣшетка и я ясно различалъ поскребыванье пальцами

Солнце было на югѣ; полдень. Городъ начиналъ приходить въ движеніе, приближалось время прогулки, и привѣтливые, смѣющіеся прохожіе зашныряли по улицѣ Карла-Югана. Я прижалъ къ себѣ локти, съежился и проскользнулъ мимо нѣсколькихъ знакомыхъ, которые стояли на углу университетской площади и глазѣли на толпу. Задумчиво брелъ я по дворцовой горѣ.

Всѣ эти люди, которыхъ я встрѣчалъ—какъ легко и весело кивали они головами. Они бросались въ жизнь, словно въ бальную залу! Ни въ одномъ взорѣ—печали, ни на одной спинѣ—бремени; ни одной мрачной мысли, ни одного тайнаго мученія въ этихъ беззаботныхъ сердцахъ. А я, бродящій среди нихъ, въ цвѣтѣ силъ и юности, уже успѣлъ и забыть, что такое счастье!

Я лелѣялъ эту мысль и находилъ, что судьба ко мнѣ несправедлива. Отчего въ послѣдніе мѣсяцы мои обстоятельства изъ рукъ вонъ плохи?

Въ эту минуту я не узнавалъ самого себя—со всѣхъ сторонъ надвигались на меня новыя страданія. Я уже не могъ болѣе сѣсть на скамейку, или идти куданибудь безъ того, чтобы меня не мучили мелкія, незначительныя случайности, злосчастнѣйшія впечатлѣнія, бросавшія на вѣтеръ всѣ мои силы. Собака, пробѣгавшая мимо, желтая роза въ петличкѣ важнаго господина заставляли вибрировать мои нервы и долго занимали мое вниманіе.—Что такое со мною? Или я отмѣченъ перстомъ Провидѣнія? Почему же именно я, а не какойнибудь южно-американскій негръ?—Чѣмъ болѣе я задумывался, тѣмъ болѣе непостижимымъ казалось мнѣ это гоненіе судьбы. Съ какой стати рокъ перескочилъ черезъ все человѣчество, чтобы сразить именно меня; вѣдь книгопродавецъ Паша и пароходный экспедиторъ Геннехенъ ничѣмъ не лучше и не хуже меня!

Я блуждалъ безъ цѣли, разсуждая все объ одномъ и томъ же, и находилъ, что это ужасный произволъ со стороны Провидѣнія—взваливать чужіе грѣхи на меня!—Даже отыскавъ себѣ мѣсто и усѣвшись на скамейкѣ, я про-

должалъ задавать себѣ эти вопросы, мѣшавшіе мнѣ думать о болѣе существенномъ.

Съ того самаго майскаго дня, когда начались мои злключенія, я чувствовалъ эту нравственную слабость, невозможность управлять собою и ставить себѣ опредѣленные цѣли; цѣлый рой мельчайшихъ вредныхъ насѣкомыхъ поселился въ моемъ «я» и выѣлъ его до-чиста.

Что если, дѣйствительно, воля Божья — погубить меня? — Я всталъ и заходилъ взадъ и впередъ около своей скамейки.

Я чувствовалъ себя воплощеніемъ страданія; даже руки болѣли и я едва могъ двигать ими. Послѣ своего завтрака я чувствовалъ себя особенно нехорошо, особенно возбужденнымъ и раздраженнымъ, и всѣ гуляющіе казались мнѣ какими-то тѣнями. На мою скамейку усѣлись два господина, закурили сигары и стали болтать; я разсердился и хотѣлъ обругать ихъ, но одумался и пошелъ въ противоположный конецъ парка отыскивать себѣ мѣсто. Тутъ я и усѣлся.

Я уже замѣтилъ, что когда мнѣ приходилось долго голодать, то весь мой мозгъ какъ бы высыхалъ и голова становилась пуста. Теперь я не чувствовалъ ея вовсе на своихъ плечахъ и мнѣ казалось, что я смотрѣлъ на прохожихъ какимъ-то совершенно особеннымъ, легкимъ взглядомъ.

Я сидѣлъ на скамѣ и становился все желчнѣе за всѣ тѣ страданія, которыя посылаетъ мнѣ Провидѣніе.

Школьные отрывки пришли мнѣ на умъ. Въ моихъ ушахъ звучалъ тонъ проповѣдника и я заговорилъ самъ съ собою, склонивъ съ умиленіемъ голову на бокъ. — Зачѣмъ забочусь я о томъ, что буду ѣсть, что пить и чѣмъ прикрывать грѣшное тѣло свое? Не позаботится-ли обо мнѣ Отецъ Небесный, безъ воли Котораго не пропадетъ и птица небесная, колыми паче я! Господь коснулся перстомъ моей нервной ткани и медленно смѣшалъ волокна ея. И Онъ отвлекъ персть Свой и нѣжныя волокна повисли на немъ. И персть Божій оставилъ рану въ моемъ мозгу. Но Господь, коснувшись меня, уже не сдѣлалъ

мнѣ ничто дурного, но отпустилъ меня съ миромъ и повелѣлъ идти дорогою своею. И все ко благу моему сдѣлалъ Милосердый...

Изъ студенческой роци донеслась съ вѣтромъ музыка; было значить 2 часа. Я вынулъ свою бумагу, чтобы пописать; вмѣстѣ съ нею выпалъ изъ кармана абонементный билетъ изъ цирюльни. Я сосчиталъ: оставалось еще 6 карточекъ.—Слава Богу! могу еще недѣли двѣ бриться и выглядѣть прилично!—Это неожиданное приобрѣтеніе сейчасъ же привело меня въ лучшее настроеніе духа; я старательно разгладилъ билетъ и положилъ его обратно въ карманъ.

Но писать я все-таки не могъ. Послѣ двухъ строчекъ всѣ мои мысли изсякли; всѣ онѣ куда-то разбрелись и я никакъ не могъ уже собрать ихъ. Рѣшительно все окружающее занимало меня и отвлекало отъ работы. Мухи и комары сажались на бумагу и мѣшали мнѣ; я дулъ на нихъ безпрестанно, но совершенно безуспѣшно. Насѣкомья осаживали все туловище назадъ, упирались своими тонкими ножками—и ни съ мѣста. Они цѣплялись за запятую или неровность на бумагѣ и сидѣли до тѣхъ поръ, пока сами не заблагоразсуживали удалиться.

Меня начали забавлять эти звѣрушки, я скрестилъ ноги и сталъ наблюдать.—Внезапно изъ роци донеслись двѣ высокихъ ноты кларнета и разсѣяли меня.—Недовольный невозможностью писать свою статью, я сунулъ бумагу назадъ въ карманъ и откинулся на спинку скамьи. Въ этотъ мигъ голова моя была настолько свѣтла, что я могъ предаваться самымъ отвлеченнымъ мыслямъ безъ всякаго утомленія.—Раскинувшись въ такой позѣ, я вдругъ замѣтилъ дрожаніе своего сапога при каждомъ біеніи пульса. Я засмотрѣлся на свои ноги и вотъ внезапно охватываетъ меня никогда еще неиспытанное фантастическое, непонятное настроеніе: по моимъ нервамъ проходитъ тихій, странный ударъ, похожій на ощущеніе какого-то холоднаго свѣта. Взглянувъ опять на сапогъ, я вдругъ нашель въ немъ своего стараго друга, часть самого себя; новизна

открытія, радость свиданія вызываютъ слезы на мои глаза и мнѣ кажется, что мои сапоги начинаютъ что-то мнѣ шептать.

— Слабость!—сказаль я громко и стиснувъ кулаки, повторилъ: слабость!—Я осмѣиваль самого себя за недостатокъ твердости, твердилъ, что я самъ себя дурачу, укоряль себя серьезно и строго и зажималь вѣки, удерживая слезы. Однако я продолжалъ изучать свои сапоги, какъ будто видѣль ихъ въ первый разъ—мимику ихъ при движеніи ноги, ихъ фізіономію,—потому что складки и швы ихъ даютъ имъ дѣйствительно опредѣленную фізіономію. Въ эти сапоги перешла часть моеѣ личности, они живутъ, дышутъ моею жизнью.

Чуть ли не цѣлый часъ наблюдаль я такимъ образомъ свою обувь. Тѣмъ временемъ какой-то старичекъ сѣль на другой конецъ моеѣ скамьи; усѣвшись, онъ прокашлялся послѣ ходьбы и пробормоталь: «да, да, конечно».

При звукахъ этого голоса въ моеѣ головѣ пронесся цѣлый ураганъ. Я вдругъ забыль весь свой разговоръ съ сапогами, какъ будто онъ происходилъ года два тому назадъ и еле-еле брезжить въ памяти. Я сталъ наблюдать старика.

Какое мнѣ дѣло до этого человѣка? Никакого. Ни малѣйшаго. Но у него что-то въ рукахъ: пакетъ, обернутый старой газетой, объявленіями наружу.—Я заинтересовался и уже не могъ отвести глазъ отъ газеты; мнѣ пришла въ голову шальная мысль: это вѣроятно какая нибудь совершенно особая газета, единственная въ своемъ родѣ; любопытство мое росло и я заёрзалъ отъ нетерпѣнія. Вѣроятно, тамъ документы, важныя рукописи, украденныя изъ архива,—трактаты, заговоры!

Старикъ сидѣль тихо и задумчиво.—Отчего газета обернута объявленіями наружу? Дѣло нечистое. Онъ не хочетъ выпускать изъ рукъ своего пакета, ни за что на свѣтѣ; онъ не смѣеть довѣрить его даже собственному своему карману. Я бы рискнулъ своеѣ жизнью—только бы узнать, что тамъ такое!

Какъ тутъ быть? Невозможность разслѣдовать это таинственное обстоятельство только разжигало мое любопытство. Я пошарилъ въ карманахъ: не предложить ли чего нибудь старику для начала разговора? Я нашель только билетъ изъ цирюльни, но долженъ былъ сунуть его обратно. Однако я почувствовалъ въ себѣ такой запасъ наглости, что хлопнулъ себя по пустому карману и сказалъ:

— Не позволите-ли предложить вамъ сигаретку?

Спасибо; онъ не курить; онъ долженъ былъ оставить эту привычку щадя зрѣніе, такъ какъ онъ почти слѣпъ. Впрочемъ, весьма благодаренъ за любезность.

Давно ли онъ страдаетъ глазами? Значить, онъ не можетъ и читать? даже газету?

Къ сожалѣнію, даже и газету.

Старикъ взглянулъ на меня. Больные глаза были тусклы и казались стеклянными, взглядъ его былъ тупъ и производилъ отвратительное впечатлѣніе.

— Вы не здѣшній? — спросилъ онъ.

Не здѣшній. — Но развѣ онъ не можетъ прочитать даже заголовка своей газеты?

Нѣтъ. — Онъ сейчасъ угадалъ, что я не здѣшній, по звуку моего голоса. Слухъ его очень тонокъ; ночью, когда всѣ спятъ, онъ слышитъ дыханіе изъ сосѣдней комнаты...

— Я хотѣлъ спросить, гдѣ вы живете?

Ложъ была у меня уже на готовѣ. Невольно, безъ всякаго умысла и задней мысли, я совралъ:

— Площадь Олафа, домъ 2-й.

Въ самомъ дѣлѣ? Онъ знаетъ каждый камень на площади Олафа. Тамъ фонтанъ, два газовыхъ канделябра, нѣсколько деревьевъ, — онъ помнитъ. — Какой номеръ, вы сказали?

Мнѣ это уже страшно надоѣло и я вскочилъ съ мѣста, одержимый своей *idée fixe* на счетъ газеты. — Я долженъ проникнуть въ эту тайну во что бы то ни стало:

— Но если вы не можете читать газету, почему...

— Вы сказали второй номеръ? — продолжалъ тотъ, не

замѣчая моего безпокойства.—Я когда-то зналъ жильцовъ въ номерѣ второмъ. Какъ зовутъ вашего хозяина?

Я выдумалъ наскоро фамилію, чтобы только отвязаться отъ своего мучителя, и буркнулъ:

— Гапполати!

— Ахъ да, Гапполати,—и старикъ кивнулъ головой, сразу запоминая фамилію.

Я посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ; онъ сидѣлъ съ серьезнымъ и задумчивымъ лицомъ. Не успѣлъ я выдумать такую дурацкую фамилію—а старикъ уже приспособился къ ней, какъ будто онъ раньше ее слышалъ!— Между тѣмъ онъ положилъ свой пакетъ на скамью; всѣ мои нервы дрожали отъ любопытства. Я замѣтилъ на газетѣ нѣсколько жирныхъ пятенъ.

— Онъ не морякъ?—спросилъ старикъ безъ малѣйшаго признака ироніи въ голосѣ.—Насколько мнѣ помнится, тотъ былъ морякомъ.

— Морякомъ? Вы ошибаетесь; вы вѣроятно знаете его брата, а этотъ—торговый агентъ.

Я думалъ, что тѣмъ дѣло и кончится, но старикъ всему вѣрилъ; если бы я назвалъ ему фамилію вродѣ Вараввы Бутонова, то и это бы, вѣроятно, ни мало его не изумило.

— Гапполати, говорятъ, порядочный человѣкъ,—сказалъ онъ. Но я его перебилъ:

— Продувной малый, дѣлецъ чистой воды, агентъ на всѣ руки: китайская брусника, русскій пухъ, кожи, дерево, чернила...

— Хе-хе! Вотъ онъ каковъ! — прервалъ меня въ свою очередь старикъ, веселѣя.

Меня самого начинало это интересовать. Я увлекся своимъ вымысломъ и сталъ городить ложь за ложью. Я усѣлся опять, забылъ и о газетѣ, и о важныхъ документахъ—словомъ вошелъ въ роль. Легковѣріе стараго карлика подливало масла въ огонь; я рѣшилъ придавить его, уничтожить грандіозностью своего вранья.

Не слышалъ ли онъ объ электрическомъ молитвенникѣ, изобрѣтенномъ Гапполати?

— Какъ вы говорите? Элек...

— Да, объ электрическомъ! Электрическія буквы, которыя свѣтятся въ темнотѣ! Огромное предпріятіе, несчетные милліоны кронъ въ оборотѣ, словолитни и типографіи, механики на солидномъ содержаніи, числомъ 700!

— Скажите на милость!—отозвался старикъ, и замолчалъ; онъ продолжалъ вѣрить каждому моему слову и ничему не изумлялся. Я былъ немножко разочарованъ, потому что надѣялся вывести его изъ себя своими импровизаціями.

Я выдумалъ еще нѣсколько подобныхъ же подробностей и съ отчаяніемъ сталъ увѣрять, что Гапшолати былъ девять лѣтъ персидскимъ министромъ

— Знаете-ли вы, что такое персидскій министръ? Все равно, что султанъ! Гораздо важнѣе какого-нибудь европейскаго монарха. Да, онъ былъ девять лѣтъ министромъ и не слетѣлъ съ этого поста!

И я сталъ рассказывать объ Илайяли, дочери его, принцессѣ, у которой было триста рабынь и которая почивала на ложѣ изъ желтыхъ розъ—объ Илайяли, этой красавицѣ, какой еще на свѣтѣ не бывало, какой я еще ни разу не видывалъ, ей Богу не видывалъ!

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ хороша?—сказалъ старикъ съ разсѣяннымъ видомъ и опустилъ голову.

Хороша? Прекрасна, обольстительно прекрасна! Глаза—шелкъ-сырецъ, руки чѣ твой янтарь! Взглядъ ея соблазнителенъ, какъ поцѣлуй, а когда она говоритъ—душа загорается, какъ фосфоръ отъ искры!—Да и почему бы ей не быть такой красавицей? Развѣ отецъ сажалъ ее когда-нибудь за кассу или посылалъ служить въ пожарной командѣ?—Она просто сказка во плоти, честное слово!

— Да, да,—отвѣтилъ старичокъ, въ нѣкоторомъ смущеніи отъ моего пыла.

Спокойствіе его злило меня; я возбуждался отъ звука собственнаго своего голоса и говорилъ очень серьезнымъ тономъ. Украденные архивные документы, трактаты съ

изостранными державами были уже позабыты; плоскій, ничтожный пакетикъ лежалъ между нами на скамьѣ, но у меня уже пропалъ всякій интересъ къ нему. Я весь ушелъ въ собственныя росказни, наслаждаясь смѣною мною же создаваемыхъ картинъ; кровь приливала къ головѣ, а горло сжималъ хохоть.

Старикъ захотѣлъ уйти. Онъ поднялся и чтобы не обрывать слишкомъ круто, сказалъ:

— Должно быть у него колоссальное состояніе—у этого Гапполати.

Какъ онъ только могъ обходиться съ *моимъ* словомъ такъ свободно, этотъ слѣпой, противный стариканка? Или онъ думаетъ, что такую фамилію можно прочесть на любой вывѣскѣ?—Онъ не спотыкался ни на одной буквѣ и не пропускалъ ни одного слога; это слово крѣпко застѣло въ его мозгу и пустило тамъ корни. Я по этому поводу сейчасъ же разсердился; злость забирала при видѣ человѣка, котораго нельзя было пробрать никакою чужью!

— Я не знаю этого,—возразилъ я быстро,—ничего вамъ не могу объ этомъ сказать. Но я вамъ говорю разъ навсегда, что этого человѣка зовутъ Іоганъ Арендтъ Гапполати!

— Іоганъ Арендтъ Гапполати,—повторилъ тотъ, нѣсколько изумленный моею горячностью. И замолчалъ.

— Вы, вѣроятно, видѣли его жену,—воскликнулъ я съ бѣшенствомъ, толстая особа...—Или вы не согласны съ тѣмъ, что она, дѣйствительно, толста?

Онъ отнюдь не отрицаетъ этого; весьма возможно, что у такого важнаго господина весьма толстая жена.

Старикъ отвѣчалъ спокойно и ясно на всѣ мои выходки и, возражая мнѣ, выбиралъ слова и выраженія, видимо боясь раздражить меня.

— Чортъ васъ побери,—заоралъ я, какъ бѣсноватый,—ужь не думаете ли вы, что я съ начала до конца лгалъ? Ужь не сомнѣваетесь ли вы, что существуетъ на свѣтѣ человѣкъ съ фамиліей Гапполати? Въ жизнь свою

я еще не видывалъ этакого ядовитаго старикашки! — О чемъ вы теперь думаете? Вы пожалуй воображаете, что я не приличный молодой человекъ, а голышъ, у котораго въ карманѣ нѣтъ даже портсигара? Я къ такому обращенію не привыкъ и никому не позволю вести себя такимъ образомъ—ни вамъ, ни кому бы то ни было! Зарубите это себѣ на носу!

Старикъ всталъ. Ни слова не говоря, разинувъ ротъ, онъ выслушалъ меня до конца и затѣмъ поспѣшно взялъ свой пакетъ и пошелъ, или, скорѣе, побѣжалъ, зачастивъ, мелкими, старческими шажками.

Я остался и смотрѣлъ на его спину, которая все болѣе сгибалась по мѣрѣ того, какъ онъ исчезалъ изъ виду. Мнѣ казалось почему-то, что никогда я еще не видѣлъ столь преступной и позорной спины, и я радовался тому, что разобралъ этого человека...

День клонился къ вечеру, солнце опускалось, вѣтеръ шелестѣлъ въ вѣтвяхъ и няньки, сидѣвшія толпами внизу, у качелей, задвигали дѣтскими колясочками по направленію къ выходу. Я чувствовалъ себя спокойнымъ и радостнымъ. Возбужденіе мое мало по малу улеглось и меня стало клонить ко сну; большое количество хлѣба, съѣденное мною, не осталось безъ послѣдствій. Въ самомъ благодушномъ настроеніи я развалился на скамьѣ и сомкнулъ глаза; я уже дремалъ и совсѣмъ-было засыпалъ, какъ вдругъ парковый сторожъ ударилъ меня по плечу и сказалъ:

— Здѣсь нельзя спать

— Знаю,—сказалъ я и всталъ.

И въ ту же минуту ко мнѣ вернулось сознаніе моего безвыходнаго положенія.—Надо же дѣлать что нибудь, на чемъ нибудь остановиться! Найти мѣсто мнѣ до сихъ поръ не посчастливилось; рекомендаціи мои уже начинали старѣть, да и къ тому же онѣ даны слишкомъ неизвѣстными лицами, чтобы имѣть какую либо силу; а главное—отказы со всѣхъ сторонъ окончательно убили во мнѣ именно теперь всякое мужество.—Какъ бы то ни было, срокъ

найма кончился и я какъ нибудь долженъ раздобыть денегъ для хозяйки. Остальное потерпеть.

Бессознательно взялся я за бумагу и карандашъ и принялся механически писать цифру 1848. Хотя бы одна счастливая мысль пришла въ голову и хоть бы что нибудь написать! Уже не разъ случалось это со мною, что на меня находило настроеніе, когда я могъ писать сразу большіе отрывки и притомъ очень удачно.

Я сидѣлъ на скамьѣ и писалъ несчетное число разъ 1848, вдоль и поперекъ листа, на разные лады, все ожидая, не придетъ ли вдохновеніе. — Рой разрозненныхъ мыслей носился въ моей головѣ, видъ умирающаго дня нагонялъ на меня тоску, приводилъ въ сантиментальное настроеніе. — Осень пришла—и все мало по малу засыпаетъ. Мошки и букашки первая чувствуютъ дыханіе ея; въ деревьяхъ и въ травѣ слышны звуки борьбы со смертью, безпокойные, грустные, упорные. Раздавленные черви вытягиваются въ послѣдній разъ, высовываютъ изо мха желтыя головки, подымаютъ ножки, вытягиваютъ переднюю часть тѣла, внезапно корчатся, кувыркаются и умираютъ. Каждое растеніе принимаетъ окраску перваго холода; блѣдныя былинки тянутся къ солнцу и въ опавшихъ листьяхъ слышится шелестъ, какъ будто тамъ кишать могильные черви. Осень празднуетъ карнавалъ смерти; румянецъ осенней розы—это чахоточный блескъ на розовой щечкѣ.

Захваченный дыханіемъ осенней природы, я самъ почувствовалъ себя умирающимъ насѣкомымъ въ порывѣ безочетнаго страха всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по дорожкѣ.

— Нѣтъ!—воскликнулъ я и сжалъ кулаки:—пора себя взять въ руки!

И я снова усѣлся, взялся за карандашъ и принялся за свою статью.—Тутъ не до поэтическаго отчаянія, когда надо платить за квартиру!

Кое какъ, медленно стали собираться мои мысли и я написалъ двѣ страницы введенія; но къ чему?—они годи-

ись для чего угодно. Затѣмъ я задумался о самой темѣ—но не могъ остановиться ни на чемъ опредѣленномъ. Во время этихъ бесплодныхъ усилій мозга, мои мысли снова разбрелись въ безпорядкѣ; я чувствовалъ, что умъ мой отказывается мнѣ служить, и снова ощущение отсутствія оловы на плечахъ поразило меня своею странностью. Я ощущалъ эту зіяющую пустоту не только въ головѣ, но и во всемъ тѣлѣ, какъ будто я выдолбленъ отъ головы до пяты.

— Боже, Боже!—воскликнулъ я съ горечью, и повторилъ это восклицаніе много разъ.

Вѣтеръ шумѣлъ въ листьѣ, надвигалась непогода. Еще въ минуту посидѣлъ я, смотря бессмысленно на бумагу, но затѣмъ сложилъ ее и съ неохотой сунулъ въ карманъ. Вѣжѣло, а на мнѣ не было жилета; я застегнулъ пиджакъ до самой шеи и сунулъ руки въ карманы. Затѣмъ однялся и пошелъ.

Если бы мнѣ хоть разъ посчастливилось—хоть динъ этотъ разъ! Два раза уже хозяйка глазами напоминала мнѣ объ уплатѣ, и я долженъ былъ ежиться и съ муценнымъ поклономъ проходить мимо нея. Этого мнѣ уже не удастся сдѣлать въ третій разъ. Если я еще разъ встрѣчусь съ этими глазами, то откажусь отъ найма, предварительно расплатясь; долженъ же придти конецъ той пытки!

Проходя къ выходу парка, я снова увидѣлъ стараго карлика, котораго недавно съ такимъ обѣщанствомъ обратилъ въ бѣгство. Таинственная газета лежала рядомъ съ нимъ на скамьѣ: на ней лежала какая-то ѣда, которую онъ и ничтожалъ съ аппетитомъ. Я хотѣлъ подойти къ нему и попросить извиненія за свое поведеніе, но меня оттолкнулъ голодный аппетитъ; старые пальцы, впивавшіеся, какъ когти, въ жирный бутербродъ, возбуждали тошноту—и я пролепелъ мимо него, не сказавъ ни слова. Онъ меня не узналъ; еревяннымъ взоромъ уставился онъ въ пространство, а на лицѣ его покоилось одно застывшее выраженіе.

Я продолжалъ свой путь.

По привычкѣ я остановился у вывѣшенныхъ газетъ, мимо которыхъ проходилъ, чтобы посмотрѣть—не предлагаетъ ли кто нибудь мѣста. На этотъ разъ я былъ настолько счастливъ, что нашелъ подобное объявленіе: купецъ въ Гренландслеретѣ ищетъ молодого человѣка для занятій втеченіе двухъ вечернихъ часовъ бухгалтеріею; вознагражденіе—посоглашенію. Я отмѣтилъ адресъ публикатора и втихомолку помолился Богу объ этомъ мѣстѣ; я хотѣлъ просить вознагражденія менѣе всякаго другого: 50 ёръ въ лучшемъ случаѣ, а то и 40.

Придя домой, я засталъ на столѣ записку отъ хозяйки, въ которой она просила меня или заплатить за квартиру впередъ, или выѣхать въ возможно скорѣйшій срокъ. Я не долженъ оскорбляться этимъ—необходимость побуждаетъ ее заявить это мнѣ. Уважающая меня мадамъ Гундерсенъ.

Я написалъ предложеніе своихъ услугъ купцу Христи, Гренландслеретъ, № 31, сунулъ его въ карманъ и снесъ въ почтовый ящикъ, на углу. Затѣмъ я снова вернулся въ свою комнату и усѣлся въ качалку.—Темнѣло и темнѣло.—Я уже больше не могъ держаться на ногахъ.

На слѣдующій день я проснулся очень рано. Было совсѣмъ темно, когда я раскрылъ глаза и лишь долгое время спустя услышалъ какъ часы въ нижнемъ этажѣ пробили пять. Я хотѣлъ снова заснуть, но мнѣ это не удалось; я становился все веселѣе и думалъ о всякой всячинѣ.

Внезапно мнѣ пришли въ голову двѣ темки, годныя для очерка или для фельетона, двѣ очень счастливыя мысли; никогда я еще не изобрѣталъ ничего подобнаго!—Я лежу и повторяю отдѣльныя фразы и нахожу, что онѣ великолѣпны. Мало по малу къ нимъ присоединяются еще другія; внѣ себя отъ восторга, я вскакиваю и хватаюсь за карандашъ и бумагу. Во мнѣ точно что-то прорвалось—слово слѣдуетъ за словомъ, отдѣльная фраза приспособляется къ общей связи, сцена слѣдуетъ за сценой—и мною овладѣваетъ полное благодущіе. Я пишу, какъ

ошалѣлый, и исписываю листъ за листомъ. Мысли такъ, нахлынули, что мнѣ приходится опускать много частныхъ несмотря на самую усиленную работу; я совершенно проникаюсь предметомъ своего изложенія и не задумываюсь ни надъ одной строчкой.

Этотъ восхитительный мигъ продолжается неслыханно долго; пятнадцать, двадцать кругомъ исписанныхъ листовъ лежатъ передо мной на колѣняхъ; я наконецъ бросаю карандашъ. Если эти листы, дѣйствительно, имѣютъ какое либо достоинство, то я спасенъ!—Я вскакиваю съ постели и одѣваюсь. Разсвѣло. Я уже могу различать объявленіе инспектора маяка у своей двери, а у окна настолько свѣтло, что можно свободно переписывать рукопись; я принимаюсь за эту работу.

Станный, пронизывающій туманъ, полный свѣта и красокъ, подымается отъ моихъ фантазій; я пробѣгаю одну мысль за другою и нахожу, что никогда еще не писалъ лучше. Я пьянѣю отъ самодовольства, надуваюсь отъ самолюбія и кажусь себѣ великолѣпнымъ; взвѣшиваю на рукѣ рукопись — и оцѣниваю ее по меньшей мѣрѣ въ 5 кронъ. Никто и торговаться не станетъ; напротивъ взять и 10 кронъ—значитъ продать дешевле грибовъ—принимая, разумѣется, во вниманіе содержаніе. Не отдавать же задаромъ такое своеобразное произведеніе; такихъ романовъ на улицѣ не подынешь. И я остановился на 10 кронахъ.

Совсѣмъ разсвѣло; я уже могъ различать долговязья, костлявыя буквы портнихи для мертвецовъ, дѣвицы Андерсенъ, направо въ воротахъ; гдѣ-то било семь.

Я всталъ и заходилъ по комнатѣ. По зрѣломъ обсужденіи, отказъ мадамъ Гундерсенъ отъ квартиры пришелся довольно кстати. Эта комната—совсѣмъ не для меня; въ ней нѣтъ даже обыкновеннѣйшей зеленой занавѣски у окна и простѣйшихъ гвоздей для платя въ стѣнѣ. Качалка въ углу это такая пародія на качалку, отъ которой можно помереть со смѣху! Она слишкомъ низка и до крайности мала. Словомъ, комната менѣе

всего способствуетъ занятіямъ интеллигентнаго чело-
вѣка и я не оставляю ее за собою. Ни подъ какимъ ви-
домъ! Довольно я уже натерпѣлся и намаялся въ этой
конурѣ!

Полный надеждъ и самодовольства, и все еще заня-
тый своимъ чудеснымъ очеркомъ, который я поминутно
вытаскивалъ изъ кармана и перечитывалъ, я рѣшился
немедленно же приняться за дѣло всерьезъ и начать
переѣздъ. Я вытащилъ свой узелокъ—красный фуляръ,
въ которомъ была пара чистыхъ воротничковъ и помя-
тая бумага съ крошками хлѣба,—свернулъ свое одѣяло и
сунулъ остатки писчей бумаги. Затѣмъ пошарилъ на
всякій случай по угламъ,—не забылъ ли чегонибудь,—
и ничего не найдя, подошелъ къ окну.—Мрачное, сырое
утро; на кузницѣ ни кого нѣтъ; веревка для бѣлья во
дворѣ, стянутаая сыростью, натянута отъ стѣны до стѣны.
Все это мнѣ давно знакомо; поэтому я отошелъ отъ окна,
взявъ свой узелъ подъ мышку, кивнулъ головой инспек-
тору маяка и саванамъ дѣвицы Андерсенъ и отворилъ
дверь

Внезапно мнѣ пришла на мысль хозяйка; долженъ же
я увѣдомить ее о своемъ отѣздѣ; должна же она знать,
что имѣетъ дѣло съ порядочнымъ человекомъ Я рѣшилъ
поблагодарить ее письменно за тѣ два дня, которые
пробылъ въ ея домѣ сверхъ истекшаго срока. Увѣрен-
ность, что теперь я спасенъ на болѣе или менѣе продол-
жительное время, до такой степени овладѣла мною, что
я даже общалъ этой женщинѣ лишнихъ 5 кронъ, кото-
рыя вручу ей на-дняхъ, если буду въ этихъ мѣстахъ; мнѣ
хотѣлось во что бы то ни стало поставить ей на видъ, ка-
кого честнаго человека имѣла она у себя въ домѣ въ лицѣ
своего жильца.

Я оставилъ эту записку на столѣ.

Еще разъ остановился я у дверей и оглянулся во-
кругъ себя. Эта сіяющая надежда снова выкарабкается
изъ нищеты размягчила меня, наполнила любовью
къ человѣчеству; я склонился у постели и громкимъ го-

лосомъ возблагодарилъ Провидѣніе за милость ко мнѣ. Я зналъ, несомнѣнно зналъ, что этотъ порывъ вдохновенія, уловленный мною, былъ дѣломъ Божьимъ, отвѣтомъ на мой вчерашній отчаянный возгласъ. «Никто, какъ Богъ!»—восклицалъ я и плакалъ отъ умиленія; по временамъ я умолкалъ и прислушивался къ шуму на лѣстницѣ. Наконецъ, я всталъ и вышелъ, незамѣтно проскользнулъ по ступенямъ и достигъ, никого не встрѣтя, выходныхъ дверей.

Улицы блестѣли отъ дождя, выпавшаго утромъ; грязноватое небо низко разстлалось надъ городомъ, — ни луча солнечнаго свѣта!—Который часъ? По обыкновенію я направился къ ратушѣ и увидѣлъ, что — половина девятаго. Мнѣ оставалось часа два ожиданья; ранѣе одиннадцатаго часа въ редакцію не стоитъ и заглядывать; до той поры приходилось бродить и раздумывать о томъ, какъ-бы раздобыть себѣ завтракъ. Я былъ увѣренъ, что на этотъ разъ уже не лягу спать голоднымъ: тѣ времена, слава Богу, прошли! Все это прошедшее, смутное сновидѣніе; теперь я опять пойду въ гору!

Тѣмъ временемъ я началъ стыдиться зеленаго одѣяла; не могу-же я показаться съ такимъ тюкомъ передъ прохожими! Что они подумаютъ обо мнѣ? Я сталъ раздумывать куда-бы снести его на сохраненіе. Мнѣ пришло вдругъ въ голову, что я могу сходить въ магазинъ Земба и попросить завернуть его въ бумагу. Вышло-бы гораздо приличнѣе. Я зашелъ въ лавку и изложилъ прикащику свою просьбу.

Сначала онъ взглянулъ на одѣяло, потомъ на меня; мнѣ показалось, что онъ пренебрежительно пожалъ плечами, принимая отъ меня тюкъ. Меня взорвало.

— Чортъ возьми! Будьте поосторожниѣе! — воскликнулъ я. — Тутъ завернуты двѣ дорогихъ фарфоровыхъ вазы; пакетъ поѣдетъ въ Смирну!

Это помогло—произвело неожиданный эффектъ. Каждый своимъ движеніемъ, которое онъ затѣмъ дѣлалъ, прикащикъ просилъ извиненія за то, что никакъ не пред-

полагалъ въ этомъ одѣялѣ столь драгоценныхъ товаровъ. Когда онъ кончилъ, я поблагодарилъ его за трудъ съ видомъ человѣка, уже не впервые отправлявшаго подобные товары въ Смирну; онъ отворилъ мнѣ дверь и поклонился дважды, выпуская меня.

Я пошелъ шататься по Стортову, держась вблизи цвѣточницъ. Тяжелыя, алыя розы, лепестки которыхъ горѣли грубымъ, кровавымъ блескомъ въ сырости утра, возбуждали во мнѣ грѣшныя вождельнія — украсть какой-нибудь цвѣтокъ; я нарочно спросилъ о цвѣтѣ, чтобы подойти поближе къ нимъ. Я задумалъ купить ихъ при первой возможности, во что бы то ни стало; можетъ быть, мнѣ удастся сдѣлать какія-нибудь сбереженія.

Было десять часовъ, когда я подымался въ редакцію. Человѣкъ съ ножницами копался въ кипѣ старыхъ газетъ; редактора еще не было. Я выдалъ ему свой манускриптъ, далъ понять ему о его экстра-ординарномъ характерѣ и настоятельно попросилъ непременно отдать самому редактору лично, какъ только тотъ придетъ. Я навѣдаюсь позже.

— Хорошо! — сказалъ человѣкъ съ ножницами и снова зарылся въ свои газеты. Мнѣ показалось, что онъ слишкомъ равнодушно отнесся къ этому обстоятельству, но я ничего ему не сказалъ, поклонился и вышелъ.

Опять приходится убивать время. Если-бы хоть полгода прояснилась! — Была ужасная слякоть, безъ дождя и вѣтра; дамы на всякій случай ходили подъ зонтиками, шерстяныя шапки мужчинъ имѣли самый плачевный видъ. Я пошелъ опять на рынокъ бродить среди розъ.

Вдругъ я почувствовалъ на своемъ плечѣ прикосновеніе руки. Пріятель, прозвищемъ «Красотка», здоровался со мною.

— Здравствуйте, — отвѣтилъ я вопросительнымъ тономъ, желая поскорѣе узнать, чего онъ хочетъ. Я не любилъ «Красотку».

Онъ взглянулъ на мой новенькій пакетъ подъ мышкой и спросилъ:

— Что это у васъ?

— А вотъ, купилъ у Земба сукна на костюмъ, — отвѣтилъ фатовскимъ тономъ: — нельзя-же вѣчно ходить оборванцемъ; къ своей наружности надо относиться съ нѣкоторымъ вниманіемъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ.

— Ну, какъ поживаете? — спросилъ онъ медленно.

— Лучше, чѣмъ можно бы предполагать.

— Есть у васъ какое-нибудь постоянное занятіе?

— Занятіе? — спросилъ я удивленно. — Я бухгалтеръ большой торговой фирмы Христи.

— Вотъ какъ! — сказалъ онъ и отступилъ немного назадъ. — Я очень, очень радуюсь за васъ! Смотрите только, чтобы онъ какъ-нибудь не оттягалъ вашего заработка! До свиданья.

Онъ повернулъ, но сейчасъ-же вернулся и, указывая на мой пакетъ палкой, сказалъ:

— Могу вамъ рекомендовать своего портного. Вы лучше Изаксена никого не найдете. Скажите вашъ адресъ, и его къ вамъ пошлю.

Это уже было слишкомъ. — Съ какой стати суется онъ не въ свое дѣло? Что ему до того, какой портной будетъ шить мнѣ платье? — Я пришелъ въ бѣшенство при видѣ этого пустого, франтоватаго и сытаго малаго, и довольно грубо напомнилъ ему о десяти кронахъ, которыхъ онъ мнѣ не отдалъ до сихъ поръ.

Онъ не успѣлъ отвѣтить, какъ я уже раскаялся, смугился и опустилъ глаза. Въ это время проходила мимо насъ дама, я посторонился и воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ улизнуть.

Гдѣ теперь коротать время? Сидѣть въ кафе съ пустыми карманами нельзя; къ тому же у меня не было ни одного знакомаго, къ которому я могъ-бы зайти въ это время. Я побродилъ безсмысленно по городу, прошелъ отъ рынка до «границы», прочелъ «Вечернюю почту»,

только-что вывѣшенную на столбѣ, спустился по улицѣ Карла-Югана, повернулъ и отправился на кладбище Спасителя, гдѣ и нашелъ спокойный уголокъ на холмѣ, подлѣ часовни.

Тамъ сидѣлъ я недвижимо, окутанный сыростью, мечталъ, дремалъ и мерзъ. Время шло.— Да полно, дѣйстви-тельно-ли мой фельетонъ — мастерская миниатюра? Кто знаетъ, сколько въ немъ ошибокъ? Можетъ быть его просто на-просто забракують— да, забракують! Можетъ быть, онъ написанъ очень посредственно, или даже совсѣмъ плохо; кто поручится мнѣ въ томъ, что онъ не лежитъ въ настоящую минуту въ сорной корзинѣ?

Увѣренность моя была поколеблена, я вскочилъ и побѣжалъ вонъ съ кладбища.

Внизу, въ Акерсгагенѣ, въ окнѣ часовщика, я уви-дѣлъ, что еще только двѣнадцать часовъ. Это привело меня въ совершенное отчаяніе, такъ какъ я былъ вполне увѣренъ, что уже далеко за-полдень, а ранѣе четырехъ часовъ разыскивать редактора было бы бесполезно. Судьба моего фельетона наполняла сердце мое мрачными пред-чувствіями. Чѣмъ больше я раздумывалъ надъ нимъ, тѣмъ мнѣ казалось сомнительнѣе, чтобы я могъ написать порядочную вещь въ полуснѣ, одурманенный лихорадкой. Все это было только самообманъ, и я напрасно предавался цѣлое утро радужнымъ мечтаніямъ!

Я прошелъ по Уллевольдвейну, прямо въ чистое поле, затѣмъ завернулъ въ узкіе, причудливые переулки мимо лѣсопилокъ, забрелъ въ какіе-то огороды и на-конецъ вышелъ на столбовую дорогу, теряющуюся вдаль, но здѣсь остановился и рѣшилъ вернуться. Я былъ разгоряченъ ходьбою и медленно брелъ въ городъ, пону-ря голову.

Мнѣ встрѣтились два воза съ сѣномъ; извозчики ле-жали наверху, на брюхѣ, и тянули пѣсню; оба были безъ шапокъ, съ краснощеками, беззаботными лицами. Мнѣ показалось, что они хотятъ поболтать со мною, бросить мимоходомъ какое-нибудь замѣчаніе или мѣткое словцо,

я подошелъ ближе; одинъ изъ нихъ спросилъ, что у меня подъ мышкой.

— Одѣяло, — отвѣтилъ я.

— А который часъ?—спросилъ онъ.

— Не знаю; часа три вѣроятно.

Тутъ они оба засмѣялись и проѣхали мимо. Въ тотъ-же мигъ я почувствовалъ боль отъ удара кнутомъ по уху, и моя шляпа слетѣла съ головы; молодые парни не могли пропустить меня, не потѣшившись.

Оглушенный, схватился я за голову, отыскалъ на краю рва свою шляпу и продолжалъ путь. На Гансгаузенѣ я узналъ отъ прохожаго, что уже пятый часъ.

Пятый часъ! Я побѣжалъ со всѣхъ ногъ въ редакцію. Вѣроятно редакторъ уже ушелъ.—Я то шелъ, то бѣжалъ, наталкивался на телѣги, обгонялъ прохожихъ, извозчиковъ, и какъ безумный неся впередъ, боясь опоздать. Я вскочилъ въ подъѣздъ, взлетѣлъ въ нѣсколько прыжковъ на лѣстницу и постучался.

Нѣтъ отвѣта.

Ушелъ! Ушелъ! — думалъ я. — Я берусь за ручку, дверь отворяется; стучу еще разъ, и вхожу.

Редакторъ сидитъ за столомъ, лицомъ къ окну и что-то пишетъ. Услыша мое покашливанье, онъ въ поль-оборота смотритъ на меня, качаетъ головой и говоритъ:

— Я не успѣлъ еще прочесть вашъ очеркъ.

Я такъ радъ тому, что онъ его не забраковалъ, что считаю нужнымъ заявить:

— Это естественно, сударь. Мнѣ не къ спѣху. Можетъ быть дня черезъ два...

— Посмотримъ. Впрочемъ, вашъ адресъ мнѣ извѣстенъ.

И я совершенно забылъ предупредить его, что у меня уже нѣтъ болѣе адреса.

Аудіенція окончена, я кланяюсь и выхожу. Надежда снова загорается въ душѣ; ничего не потеряно — напротивъ, еще все можно выиграть! И мнѣ представился соборъ небесныхъ силъ, опредѣляющій въ этотъ мигъ, что я долженъ заработать десять кронъ за свой фельетонъ.

Но гдѣ-бы укрыться на ночь! Я раздумываю, кто-бы могъ меня пріютить у себя, и этотъ вопросъ занимаетъ меня въ такой мѣрѣ, что я останавливаюсь среди улицы... забываю о всемъ на свѣтѣ и стою, точно предостерегательный знакъ на морѣ, вокругъ котораго шумятъ и катятся волны. — Разнощикъ предлагаетъ мнѣ номеръ «Викинга». Какъ это забавно!—Но я озираюсь и прихожу въ ужасъ: передо мною опять магазинъ Земба.

Я поворачиваю назадъ, прячу по-мѣрѣ возможности пакетъ и спѣшу внизъ по церковной улицѣ, въ смущеніи и боязни: только-бы не увидѣлъ мой прикащикъ!— Я прохожу по Ингебрету мимо театра, заворачиваю въ сторону крѣпости, выхожу къ морю и отыскавъ здѣсь скамейку, снова погружаюсь въ раздумье.

Гдѣ-же мнѣ въ самомъ дѣлѣ найти пріютъ на ночь? Неужели нѣтъ на свѣтѣ дыры, куда-бы я могъ забраться, чтобы вылѣзти изъ нея по-утру?

Гордость не позволяла мнѣ вернуться въ старое мое жилище: мнѣ и въ голову не приходило нарушить свое слово. Самую мысль объ этомъ я считалъ позорной и улыбнулся снисходительно при воспоминаніи о качалкѣ.

И вдругъ, по связи мыслей, я очутился въ комнатѣ съ двумя окнами, которую нанималъ когда-то на Гегдегаугенѣ; на столѣ стояла тарелка съ аппетитными бутербродами. Вдругъ тарелка обратилась въ блюдо съ соблазнительнымъ, дымящимся бифштексомъ; тутъ-же сіяла снѣжно-бѣлая салфетка, темнѣла груда хлѣба и блестѣлъ серебряный приборъ. Затѣмъ отворилась дверь, вошла хозяйка и предложила мнѣ закусить...

Дурацкія грезы! Я сталъ увѣрять себя, что если-бы поѣлъ, то снова-бы закружилась у меня голова, снова лихорадка овладѣла-бы моимъ мозгомъ и мнѣ пришлось-бы бороться съ прежними нелѣпыми поползновеніями и капризами.—Я не переносу пищи,—ужъ такова моя натура; я созданъ совершенно иначе, чѣмъ всѣ; я единственный въ своемъ родѣ!

Тревожиться о пріютѣ мнѣ нечего. Еще не поздно, а

въ худшемъ случаѣ можно переночевать въ лѣсу; вся окрестность въ городѣ въ моемъ распоряженіи; ночи еще довольно теплы.

Передо мной разстилалось море въ грузномъ покоѣ. Корабли и широконосые, неуклюжіе пароходы рыли борозды по свинцовой поверхности, рѣзали полосы направо и налево; дымъ пароходовъ валилъ тяжелыми, какъ шерсть, клубами и стукъ машинъ глухо разносился по сырому воздуху. Ни солнца, ни вѣтра; деревья мокры, скамья подо мной холодна и скользка.

Время шло, а я все мечталъ, изнемогая отъ усталости и страдая отъ холода, разливавшагося по спинѣ. Глаза мои стали смыкаться и я заснулъ.

Когда я проснулся, кругомъ было темно; ошалѣлый, иззябшій, я схватилъ свой пакетъ и побѣжалъ. Я бѣжалъ все скорѣе и скорѣе и, чтобы согрѣться, похлопывалъ руками и теръ себѣ ноги, которыя совсѣмъ одеревенѣли. Наконецъ я добѣжалъ до пожарной сторожки. Было 9 часовъ: я проспалъ долго.

Что теперь мнѣ дѣлать? Куда-нибудь надо же приткнуться! Я стоялъ и смотрѣлъ на пожарную сторожку: не удастся-ли мнѣ забрести въ корридоръ, улуча минуту, когда часовой повернется ко мнѣ спиной. — Я вхожу наверхъ, и пытаюсь пуститься въ разговоръ съ часовымъ; онъ дѣлаетъ мнѣ на караулъ и ждетъ, что я ему скажу,

Этотъ приподнятый топоръ, обращенный ко мнѣ лезвиемъ, производитъ ужасное дѣйствіе на мои нервы; я нѣмѣю отъ страха при видѣ оружія и невольно пчусь назадъ; я ничего не говорю, но удираю во все лопатки, для приличія потирая лобъ, какъ будто что забылъ. Внизу, на троттуарѣ, я чувствую себя свободнымъ, какъ будто только что избавился отъ страшной опасности. Затѣмъ бѣгу дальше.

Мнѣ было холодно, и голодно, и страшно; въ такомъ состояніи неся я впередъ, по улицѣ Карла Югана, бранясь вслухъ и не заботясь о томъ, что меня слышали прохожіе. Внизу, у зданія стортинга, какъ-разъ

у перваго льва, мнѣ вдругъ вспомнился живописецъ, котораго я какъ-то спасъ въ Тиволи отъ пощечины и раза два посѣтилъ въ послѣдствіи. Я прищелкнулъ пальцами спустился по Торденскельдсгаде, и отыскавши дверь съ визитною карточкою «Захарій Бартель», постучался.

Онъ вышелъ ко мнѣ; отъ него пахло пивомъ и табакомъ.

— Здравствуйте,—сказалъ я.

— Добрый вечеръ. Ахъ, это вы? — Но отчего же такъ поздно? При искусственномъ освѣщеніи это совсѣмъ не эффектно. Съ того времени я нарисовалъ стогъ сѣна и кое-что подмазалъ. Вы должны взглянуть днемъ, а теперь это совсѣмъ не эффектно.

— Все-таки покажите,—сказалъ я; я рѣшительно не понималъ, о какой картинѣ онъ говоритъ.

— Сейчасъ невозможно!—возразилъ онъ.—Все кажется желтымъ! И вотъ еще что. — Тутъ онъ наклонился, къ моему уху:—у меня теперь дѣвица, и вы сами понимаете...

Ну, да, разумѣется.

Я пожелалъ ему покойной ночи и вышелъ.

И такъ, мнѣ оставалось только одно: переночевать въ лѣсу. Если бы только земля не была такъ ужасно сыра! Я потрогалъ свое одѣяло и мало по малу освоился съ мыслью спать подъ открытымъ небомъ. Я настолько измучился въ этихъ поискахъ ночлега, что для меня было наслажденіе — покориться судьбѣ и прекратить безцѣльную бѣготню.—Я пошелъ къ университетскимъ часамъ, увидѣлъ, что было десять, и снова вернулся во внутренней городъ.—На Гегдегауэнѣ я остановился передъ мелочною лавкою, въ окнѣ которой выставлено было съѣстное. Подлѣ круглаго французскаго хлѣба лежала и спала кошка; около нея стоялъ горшокъ съ саломъ и нѣсколько стакановъ съ кашей. Я остановился, и поглядѣлъ на пищу, но опомнился и отошелъ поскорѣе прочь...—Я шелъ медленно, шагъ за шагомъ, пока не добрался до городского, буковаго лѣса, послѣ чего со-

шелъ съ дороги и сѣлъ отдохнуть. Затѣмъ сталъ разыскивать удобное для ночлега мѣсто, набралъ вереска и можжевельника, и на холмикѣ, гдѣ посуше, смастерилъ себѣ ложе, потомъ развернулъ пакетъ и досталъ одѣяло. Я чувствовалъ себя усталымъ и разбитымъ отъ дальняго пути а потому тотчасъ же улегся спать, но долго ворочался съ боку на бокъ, располагаясь поудобнѣе; ухо мое еще болѣло, оно распухло отъ удара, и я не могъ лежать на немъ. Сапоги я снялъ и положилъ себѣ подъ голову, прикрывъ ихъ предварительно бумагой Земба.

Величавое ощущеніе мрака царило вокругъ; все было тихо. Но далеко въ вышинѣ слышалось вѣчное пѣніе, вѣяніе вѣтра, далекое, беззвучное, неумолкавшее жужжанье. То были, можетъ быть, симфоніи катящихся надо мною міровъ, гармоніи сферъ.

— Къ чорту!—воскликнулъ я и громко засмѣялся, чтобъ расхрабриться.—Просто совы!

И я вставалъ, и снова падалъ на землю, боролся и мучился, въ страхъ и гнѣвъ, и только подъ утро заснулъ.

Былъ уже ясный день, когда я раскрылъ глаза; мнѣ казалось, что уже полдень. Я надѣлъ сапоги, подхватилъ свое одѣяло и направился назадъ въ городъ.

И на этоль разъ не было солнца,—я мерзъ, какъ собака; ноги мои окоченѣли, а глаза начали слезиться, будто перестали переносить дневной свѣтъ.

Было 3 часа. Голодь начиналъ уже заявлять себя очень настойчиво я ослабѣлъ и по временамъ ощущая приступъ тошноты, побрелъ къ народной столовой, но прочтя вывѣшенное меню, пожалъ плечами, какъ будто бы вовсе не ѣмъ солонины; затѣмъ пошелъ къ вокзальной площади.

Вдругъ у меня закружилась голова; я двинулся дальше, стараясь вначалѣ не обращать на это вниманія, но мнѣ становилось все хуже и я принужденъ былъ присѣсть на лѣстницу. Мнѣ почудилось, что, какъ будто земля ускользаетъ

изъ подъ моихъ ногъ, или въ мозгу порвалась какая-то ткань. Я раза два глотнулъ воздуха и самъ изумился своему состоянію. Сознаніе не оставляло меня, потому что когда мимо меня прошелъ знакомый, я тотчасъ узналъ его, всталъ и поклонился.

Что же такое случилось со мной, вдобавокъ ко всему предыдущему? Послѣдствіе ли это сна на сырой землѣ, или того, что сегодня я вовсе не завтракалъ?—Нѣтъ, это просто бессмыслица продолжать такую жизнь, ей Богу! Пора, пора покончить съ нею!

Внезапно мнѣ пришло въ голову снести одѣяло къ погребокъ «дядюшки». Я могу заложить его за крону, позавтракать трижды и какъ нибудъ продержаться до поры до времени. Гансу Паули всегда можно что-нибудь соврать. Я уже былъ на пути къ погребу, но остановился у входа, покачалъ головою и повернулъ назадъ.

Чѣмъ дальше я отходилъ, тѣмъ болѣе радовался тому, что вышелъ побѣдителемъ изъ этого искуса. Сознаніе, что я еще чистъ и честенъ, вскружило мнѣ голову, наполнило меня гордостью: я, нѣкоторымъ образомъ, бѣло-снѣжный маякъ среди грязныхъ волнъ и обломковъ кораблекрушенія! Пройсть чужую собственность, а вмѣстѣ съ нею пожрать и собственное къ себѣ презрѣніе, запятнать душу первымъ грязнымъ проступкомъ, назвать себя мошенникомъ и потупить взоръ къ землѣ предъ собственнымъ приговоромъ.—никогда! Никогда! Впрочемъ таково и не могло быть мое намѣреніе, ничего подобнаго мнѣ и въ голову не приходило; человѣкъ не можетъ отвѣчать за случайныя, разсѣянныя мысли, въ особенности когда у него болитъ голова и онъ такъ утомленъ тасканіемъ этого чужого одѣяла.

Но тутъ я вспомнилъ о кущѣ въ Гренландслеретѣ. Развѣ я забѣгалъ къ нему каждый часъ послѣ отправки своего письма? Я даже ни разу не видѣлъ его. Надо непременно попытаться; можетъ быть, судьба какъ-разъ теперь станетъ ко мнѣ благосклонна; мало ли на свѣтѣ счастли-

выхъ случайностей! — Я отправился въ Гренландслереть.

Послѣдняя встряска, причиненная мнѣ голодомъ, значительно ослабила меня; я шелъ очень медленно и раздумывалъ, что бы сказать купцу. Можетъ быть, онъ добрый человѣкъ; можетъ быть, онъ въ хорошемъ настроеніи духа, и самъ дастъ мнѣ крону въ счетъ будущаго заработка; подобные люди бывають способны на великодушнѣйшіе порывы.

Я завернулъ въ переулочекъ, для приличія помазалъ брюки на колѣнкахъ слюнями, засунулъ свое одѣяло въ уголокъ за какой-то ящикъ, перешелъ улицу и подошелъ къ маленькой лавкѣ.

Тамъ сидѣлъ человѣкъ, клеившій изъ бумаги трубочки.

— Я бы хотѣлъ говорить съ господиномъ Христи, — сказалъ я.

— Это я и есть, — возразилъ человѣкъ.

— Меня зовутъ такъ-то; я позволилъ себѣ послать вамъ предложеніе своихъ услугъ, но не знаю результата.

Онъ повторилъ раза два мою фамилію и вдругъ разсмѣялся. — Взгляните-ка, — сказалъ онъ и вынулъ письмо изъ кармана. — Взгляните сами, какъ вы обращаетесь съ числами, сударь. Вы помѣтили свое письмо 1848 годомъ!

И купецъ отъ души расхохотался

— Да, конечно, — отвѣтилъ я въ смущеніи, — это разсѣянность, но случайная!

— Видите-ли, мнѣ нуженъ человѣкъ, твердый въ цифрахъ, — сказалъ онъ. — Мнѣ очень жаль. Вашъ почеркъ очень разборчивъ, и вообще ваше письмо..

Не можетъ быть, чтобы это было его послѣднее слово! — Не тотъ снова принялся за свои трубочки.

— Это очень, очень досадно, — прибавилъ я, — но этого уже не повторится. Маленькая описка не должна возбуждать сомнѣній въ моихъ бухгалтерскихъ способностяхъ.

— Я и не сомнѣваюсь въ нихъ, — возразилъ купецъ. — Во всякомъ случаѣ, для меня ваша ошибка имѣла столь

рѣшающее значеніе, что я остановился на другомъ предложеніи.

— Значить, мѣсто уже занято?

— Да.

— Боже мой! Въ такомъ случаѣ, мнѣ ничего болѣе не остается...

— Нѣтъ. Мнѣ очень жаль, но...

— Прощайте,—сказалъ я.

Мною овладѣла кипучая, звѣрская ярость. Я досталъ свой пакетъ изъ переулка и помчался далѣе, стиснувъ зубы, толкая прохожихъ съ тротуара и не прося у нихъ извиненія. Какой-то господинъ остановился и сдѣлалъ мнѣ по этому поводу замѣчаніе; я обернулся, прокричалъ ему нѣсколько бессмысленныхъ словъ подъ самое ухо, сунулъ ему къ носу свой кулакъ и побѣжалъ далѣе. Тотъ закричалъ городского, и я уже ликовалъ, предвкушая драку съ послѣднимъ, даже нарочно пошелъ медленнѣе. Но городской не шелъ.

Ну, слыханное-ли это дѣло, чтобы человѣка преслѣдовали до такой степени неудачи? Съ какой стати написалъ я цифру 1848? Откуда взялось это злосчастное число?—И вотъ, опять я голодаю такъ, что кишки, словно черви, переворачиваются во мнѣ, и мнѣ не суждено ѣсть. Богъ вѣсть еще сколько времени! Съ каждымъ днемъ я чувствую себя и физически и умственно безсильнѣе, съ каждымъ днемъ я опускаюсь все ниже и ниже!—Я лгалъ направо и налево, не краснѣя, обманывалъ бѣдныхъ людей, не платя имъ за квартиру, чуть-было не укралъ чужого одѣяла —и все это безъ раскаянія, безъ угрызений совѣсти! Сердце мое походить на старый грибъ, который гниетъ, разрастаясь все шире и шире.—А съ неба глядитъ на меня Провидѣніе и даетъ гибнуть мнѣ по всѣмъ правиламъ искусства, шагъ за шагомъ, не сбиваясь съ такта. А въ адской безднѣ бѣгають черти и сердятся, что я не совершаю крупнаго преступленія, непростимаго грѣха, за который буду сверженъ съ неба на вѣчную муку!

Я шелъ все скорѣе и скорѣе, и вдругъ, ни съ того ни съ

сего, завернулъ въ ярко освѣщенный, красиво декорированный подъездъ. Я взлетѣлъ по лѣстницѣ, невольно подмѣчая по дорогѣ всякую подробность убранства, растеній и рѣзьбы. Во второмъ этажѣ я съ силою дернулъ за колокольчикъ. — Почему остановился я во второмъ этажѣ? И почему дернулъ именно за этотъ колокольчикъ, самый далекій отъ дверей? — Неизвѣстно.

Молодая дама, въ сбромъ платьѣ съ черными кружевами, отворила дверь; она посмотрѣла на меня со вниманіемъ, затѣмъ покачала головой и сказала:

— Сегодня у насъ ничего нѣтъ. — И затѣмъ хотѣла запереть дверь.

Съ какой стати вздумалъ я разглагольствовать? — Но она сочла меня за нищаго — и ко мнѣ вдругъ вернулось вмѣстѣ съ самообладаніемъ желаніе разуверить ее. Я снялъ шляпу, сдѣлалъ почтительный поклонъ, и, какъ будто не слышавъ ея словъ, сказалъ очень вѣжливо:

— Простите, сударыня, что я такъ сильно позвонилъ, но я не зналъ звонка. Здѣсь вѣроятно живетъ больной господинъ, искавшій черезъ газету человѣка, который могъ-бы его катать въ креслѣ.

Она остановилась, и сейчасъ же повѣрила; ея мнѣніе обо мнѣ поколебалось.

— Нѣтъ, — сказала она наконецъ, здѣсь нѣтъ больныхъ.

— Больного старика нѣтъ? Катать ежедневно, по два часа, по 40 ерѣ въ часъ?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте еще разъ извиниться, — сказалъ я: — можетъ быть, это въ первомъ этажѣ. Я хотѣлъ рекомендовать на это мѣсто человѣка, которымъ очень интересуюсь. Зовутъ меня Ведель-Ярмбергъ.

Я поклонился еще разъ и отошелъ; молодая дама покраснѣла какъ огонь, и отъ смущенія не могла сойти съ мѣста, — все стояла и смотрѣла, какъ я спускался по лѣстницѣ.

Я успокоился, и голова моя прояснилась. Слова да-

мы: «сегодня у насъ нѣтъ ничего» поддѣйствовали на меня, какъ холодный душъ. — До чего уже дошло! всякій встрѣчный теперь думаетъ про меня: вотъ одинъ изъ тѣхъ нищихъ, которому выносить пищу въ корридоръ!

Въ Меллергаде я остановился предъ какою-то кухней. откуда доносился запахъ жаркого и уже положилъ руку на дверную защелку, намѣреваясь войти, какъ во время одумался и отошелъ.

Когда я достигъ Стортова и сталъ высматривать мѣста для отдыха, оказалось, что всѣ скамейки были заняты, и я понапрасну обѣжалъ всю церковь, ища себѣ уголка. «Разумѣтся, — мрачно повторялъ я: Разумѣтся!» — и снова начиналъ скитаться. Я забрелъ на базаръ, вышилъ глотокъ воды изъ фонтана и двинулся дальше, медленно переставляя ноги, останавливаясь у каждой витрины, зѣвая на каждую проѣзжавшую мимо телѣгу.

Голова моя полыхаетъ пылала, въ вискахъ стучало невыносимо; выпитая вода причиняла мнѣ страшныя боли.

Въ такомъ состояннн пришелъ я на кладбище Спасителя. Я сѣлъ, уперся локтями въ колѣни и опустил голову на руки; въ скрюченномъ положеннн тѣла я чувствовалъ себя лучше: ослаблялось ощущение грызни въ желудкѣ.

Неподалеку отъ меня, на гранитной плитѣ, лежалъ каменьщикъ и высѣкалъ надпись. У него были синіе очки и онъ напомнилъ мнѣ вдругъ одного полузабытаго знакомаго, служащаго въ банкѣ, съ которымъ я не такъ давно встрѣтился въ кафе.

Если бы только заглушить чувство стыда и обратиться къ нему съ просьбою! Сказать ему всю правду—что мнѣ приходится плохо и даже невозможно поддерживать брентное свое тѣло! Я бы могъ дать ему свою карту изъ цирюльни... Да, чортъ возьми, карту изъ цирюльни! Билетовъ чуть ли не на цѣлую крону! — Я съ живостью схватился за эту драгоцѣнность и скоро нашелъ ее на днѣ своего бокового кармана вмѣстѣ съ другими чистыми и исписанными бумагами. Я сосчиталъ эти шесть

метовъ нѣсколько разъ, съ начала и съ конца. Зачѣмъ ни мнѣ? Развѣ не можетъ мнѣ придти въ голову капризь—спустить себѣ бороду? Такимъ образомъ я добуду поль-роны, поль хорошей, серебряной кроны! — Банкъ запи-ается въ шесть часовъ; значить, въ восьмомъ часу я могу надѣяться встрѣтить своего знакомаго въ кафе.

Долго сидѣлъ я и радовался этой мысли. Время шло. аверху, въ каштанахъ, шумѣлъ вѣтеръ, и день клонился въ концу.

Можетъ быть это слишкомъ мало — билетъ изъ цирюльни — для молодого человѣка, служащаго въ банкѣ? Можетъ быть у него въ карманѣ топырятся двѣ огромныхъ связки такихъ билетовъ, почище и потоньше моихъ? Это знаетъ! — И я сталъ шарить въ карманахъ: не найдется ли еще чего нибудь на придачу, но не нашелъ ничего. — А не предложить ли ему свою манишку? Я могу легко обойтись безъ нея, если застегну свой пиджакъ до самаго горла — что я уже и сдѣлалъ, за неимѣніемъ плета.

Я снялъ манишку — тряпку, покрывавшую мнѣ всю голову — почистилъ ее рукавомъ и старательно завернулъ билетъ съ билетомъ изъ цирюльни въ листъ бѣлой бумаги. Затѣмъ покинулъ кладбище и пошелъ въ кафе.

На ратушѣ было 7 часовъ. Я завертѣлся вокругъ кафе, передъ желѣзною рѣшеткою, поглядывая на всѣхъ входящихъ и уходящихъ. Наконецъ, около восьми, показался егерьски, съ иголки одѣтый молодой человѣкъ, направлявшійся вверхъ по улицѣ къ кафе. Сердце мое трепетало, какъ птица въ клеткѣ, и не здороваясь, я скинулся на него.

— Поль-роны, дружище! — сказалъ я развязно. — Вотъ вамъ и залогъ, — и я всунулъ ему въ руку пакетикъ.

— Нѣтъ у меня, — отвѣтилъ онъ, — ей Богу, нѣтъ — онъ вывернулъ кошелекъ передъ моими глазами. — Вчера вечеромъ я малость погулялъ и по этому случаю упалъ, какъ соколъ. Повѣрьте мнѣ, нѣтъ у меня ничего!

— Что жъ, это возможно, мой другъ! — отвѣтилъ я.

Я повѣрилъ ему на слово. Онъ не сталъ бы лгать изъ-за такого пустяка; мнѣ даже показалось, что голубые глаза его увлажились слезами, когда онъ сталъ рыться въ карманахъ. — Вы меня извините, — прибавилъ я: — я на время оскудѣлъ!

Я уже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ онъ позвалъ меня, указывая на мой пакетъ.

— Возьмите это себѣ, — отвѣтилъ я — Я вамъ дарю. Здѣсь двѣ бездѣлушки — все мое имущество! — И эти слова такъ меня разжалобили, такъ безнадежно звучали они въ сумеркахъ, что я заплакалъ.

Вѣтеръ крѣпъ; тучи дико мчались; холодѣло и темнѣло. Я медленно шелъ по улицѣ и плакалъ; безконечное состраданіе къ самому себѣ разрывало мнѣ сердце, и я повторялъ слова, каждый разъ вызывавшія новый притокъ слезъ: — Боже, какъ грустно! Боже, какъ грустно!

Прошелъ часъ — медленный, тяжелый часъ. Я забрѣлъ въ Торвгаде и сѣвъ на какое-то крыльцо, прятался въ сѣни каждый разъ, когда кто-нибудь проходилъ мимо меня. Безмысленно уставился я на ярко освѣщенные магазины, гдѣ блестѣли деньги и товары, но наконецъ отыскалъ — таки спокойный уголокъ на дровяномъ складѣ, между церковью и базаромъ.

Нѣтъ, сегодня я уже не пойду въ лѣсъ, будь что будетъ! У меня нѣтъ болѣе силъ на это, да и путь слишкомъ далекъ. Лучше провести ночь гдѣ угодно! Можно остаться и здѣсь, гдѣ я теперь сижу. Если станетъ холодно — пройдусь вокругъ церкви. Мнѣ не приходится много разбирать. — Я усѣлся поудобнѣе и погрузился въ дремоту.

Шумъ кругомъ умолкалъ, лавки запирались, шаги прохожихъ раздавались все рѣже, и мало-по-малу въ окнахъ гасли огни.

Я открылъ глаза и увидѣлъ передъ собою темную фигуру; по пуговицамъ, блестѣвшимъ въ темнотѣ, я узналъ городоваго, но лица его не могъ разобрать.

— Добрый вечеръ! — сказалъ онъ

— Добрый вечеръ! — отвѣтилъ я. — Мнѣ стало страшно,

и я поднялся въ смущеніи. Онъ стоялъ передо мною неподвижно.

— Гдѣ вы живете?—спросилъ онъ.

По привычкѣ, и долго не раздумывая, я назвалъ ему адресъ своей мансарды

Онъ все не уходилъ.

— Развѣ я дѣлаю что-нибудь противузаконное? — спросилъ я съ робостью.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,— но лучше бы вамъ идти домой; здѣсь холодно лежать.

— Да, это правда,—холодно.

Я пожелалъ ему спокойной ночи и по инстинкту отправился въ свое старое логовище. Если осторожно взобраться, то меня никто не замѣтитъ; къ тому же ступеньки не скрипятъ, кромѣ самыхъ верхнихъ.

Я снялъ передъ дверью сапоги и взошелъ наверхъ. Всюду тишина; во второмъ этажѣ тикаютъ часы и тихо плачетъ ребенокъ, а больше—ни звука. Я отыскалъ свою дверь, поднялъ ее на петляхъ, отворилъ, вошелъ въ комнату и тихо заперъ ее за собою.

Все осталось въ томъ же видѣ, въ какомъ было при моемъ уходѣ. Занавѣска у окна была отдернута и кровать пуста. Со стола что-то бѣлѣло — вѣроятно, моя записка хозяйкѣ; значить, она не была здѣсь со времени моего ухода.—Я провелъ рукою по бѣлому пятну и нащупалъ, къ изумленію своему, письмо. Письмо?—Я поднесъ его къ окну, кое-какъ разобралъ въ темнотѣ адресъ: мнѣ! «Ага,—подумалъ я,—отвѣтъ отъ хозяйки, запрещеніе возвращаться назадъ въ эту комнату, на всякій случай!»

Тихо, безшумно спустился я по лѣстницѣ, держа въ одной рукѣ сапоги, въ другой письмо, и одѣяло подъ мышкой. Я становлюсь легче пуха, кусая губы при каждомъ трескѣ ступенекъ, спускаюсь счастливо по нѣсколькимъ лѣстницамъ внизъ, и снова стою у выходной двери. Здѣсь я одѣваю сапоги и отдыхаю отъ своего подвига, глядя безмысленно въ пространство. Затѣмъ иду по улицѣ.

Я подхожу къ газовому фонарю, упирая свой тюкъ о столбъ, и открываю письмо очень медленно, съ неохотой.

Вдругъ точно море свѣта вспыхнуло вокругъ; я испускаю слабый, радостный крикъ: письмо было отъ редактора. Мой фельетонъ принятъ къ печатанію и сданъ въ типографію. «Двѣ-три стилистическихъ поправки.. талантливо написано... завтра будетъ напечатано... 10 кронъ.»

Я смѣялся, бѣгалъ по улицѣ въ припрыжку, останавливался, падалъ на колѣни и молился, глядя въ небо. И такимъ образомъ шли часы.

Всю ночь напролетъ до разсвѣта метался я по улицамъ, и повторялъ, ошалѣвъ отъ радости: «талантливо написано!»

Значить, нѣкоторымъ образомъ, художественное, геніальное произведеніе!

И десять кронъ!

II.

Прошло двѣ недѣли; я опять былъ выброшенъ на улицу.

Мнѣ опять пришлось на кладбищѣ писать статью для газеты. Пока я занимался этимъ, пробило десять часовъ, стемнѣло и стали запираеть ворота.— Я былъ голоденъ, очень голоденъ; отъ десяти кронъ давно ужъ не осталось и воспоминанія. Я опять не ѣлъ уже два три дня и чувствовалъ себя слабымъ, утомленнымъ своимъ писаньемъ. Въ карманѣ были у меня перочинный ножъ и связка ключей,—но ни гроша денегъ.

Когда ворота кладбища заперли, я долженъ бы былъ, въ сущности, идти домой; но изъ инстинктивнаго страха передъ своей комнатою, темной и пустой (на этотъ разъ мнѣ пришлось пристроиться въ покинутой мастерской жестянника) я рѣшился побродить по улицамъ и пошелъ наудачу къ ратушѣ, послѣ чего спустился къ морю и сѣлъ на скамью, на желѣзнодорожномъ мосту.

Я не былъ грустенъ, забывъ на минуту свою нищету, и почувствовалъ нѣкоторое успокоеніе при видѣ моря, мирно и прекрасно разстилавшагося въ темнотѣ.— По старой привычкѣ, я хотѣлъ насладиться перечитываніемъ только что написанныхъ строкъ, каждый разъ казавшихся моему большому мозгу лучшимъ изъ всего, написаннаго мною. Я вытащилъ рукопись изъ кармана, поднесъ ее къ своимъ глазамъ и сталъ просматривать одну страницу за другою. Наконецъ я усталъ и сложилъ листы.— Кругомъ царил тишина; море переливалось блестящей лазурью какъ перламутръ, и вокругъ меня неслышно мелькали

птицы. — Вдали стоять на посту городской; кромѣ него нигдѣ — ни живой души, и вся гавань спитъ въ глубокомъ покоѣ.

Я пересчиталъ еще разъ свои богатства: поломанный перочинный ножъ, связка ключей, и — ни гроша.

Вдругъ я схватился за карманъ и вытащилъ оттуда бумагу. То былъ совершенно механическій поступокъ — просто по нервамъ дернуло. Я отыскалъ чистый листикъ, Богъ вѣсть почему и для чего сдѣлалъ цилиндрикъ, осторожно закрылъ его, такъ что онъ казался полнымъ, и бросилъ его на мостовую; вѣтеръ отнесъ его на небольшое разстояніе.

Голодь опять заявилъ о себѣ. Глядя на бѣлый свертокъ, какъ будто наполненный монетами, я убѣдилъ себя въ томъ, что онъ дѣйствительно полонъ и старался угадать, какая сумма умѣщается въ немъ. Если это монеты по десяти ёръ — столько-то; если червонцы... сколько-бы могло быть тамъ червонцевъ? Я смотрѣлъ на свертокъ широко раскрытыми глазами и убѣждалъ себя подкрасться къ нему и похитить.

Городовой вдругъ кашлянулъ. Мнѣ захотѣлось сдѣлать тоже, и я закашлялъ, приподнявшись на скамьѣ, чтобы онъ меня увидѣлъ. Онъ теперь замѣтитъ свертокъ и накинется на него! Я былъ въ восторгѣ отъ этой проказы, потиралъ руки и ругалъ городского на всѣ корки. — То-то останешься, подлець, въ дуракахъ!

Я опьянѣлъ отъ голода.

Городовой подошелъ черезъ нѣсколько минутъ, смотря по сторонамъ; и звякая подкованными каблуклами по мостовой. Онъ не торопится: еще вся ночь у него впереди! — Онъ не видитъ свертка, а ужъ совсѣмъ близокъ къ нему.

Ага! Увидѣлъ. Останавливается и смотритъ. Бѣлый, солидный свертокъ. Ужъ не деньжонки ли въ немъ — этакая кругленькая сумма, — э? — Вотъ поднимаетъ. Гмъ! Легко, что-то очень легко! Пожалуй какое нибудь дорогое перо? Вотъ открываетъ осторожно своими толстыми пальцами и заглядываетъ въ середину.

Я хохоталъ и билъ себя по лямкамъ, хохоталъ безъ конца, какъ безумный, но беззвучно, тихимъ, чахоточнымъ смѣхомъ, — внутреннимъ, похожимъ на проглоченныя слезы.

Снова — звяканье по мостовой, и городской всходитъ на мостъ. Я ситѣль со слезами на глазахъ задыхаясь, внѣ себя отъ лихорадочнаго веселья. Я говорилъ самъ съ собою, рассказывалъ себѣ всю исторію съ бумажнымъ цилиндрикомъ, подражалъ движеніямъ дурака-городового, заглядывалъ въ ладонь, свернувъ ее трубкой, и болталъ. «Онъ кашлянулъ, когда отбрасывалъ свертокъ въ сторону! Отбрасывая его въ сторону, онъ кашлянулъ!» И я размазывалъ весь комизмъ этого происшествія, варіировалъ его на всѣ лады и наконецъ закончилъ: «Онъ кашлянулъ *однажды* — кхе-кхе!»

Тѣмъ временемъ стемнѣло окончательно. Мечтательное спокойствіе, сладостная истома овладѣли внезапно мною. Перламутръ моря бороздился ночнымъ вѣтеркомъ, корабли вдали казались мнѣ черными, ошетинившимися морскими чудовищами.

Я болѣе не чувствовалъ боли, голодъ поулегся; напротивъ, опять ощущалъ пріятную пустоту и легкость существованія. Я положилъ ноги на скамейку и прилегъ; въ этой позѣ всего полнѣе чувствовалось мною блаженство одиночества. На душѣ — ни облачка, ни малѣйшаго страданія; мой умъ сталъ выше міра, думъ и страстей. — Я лежалъ съ открытыми глазами, точно какой-то чужой самъ себѣ человѣкъ: меня же самого совсѣмъ не существовало. — Ни звука, ни движенія во мракѣ — лишь тихій плескъ моря.

Но вотъ ко мнѣ подплываютъ черныя чудища. Они несутъ меня въ дальнія страны, за тридевять земель, къ замку принцессы Илайяли. Тамъ ждетъ меня неслыханное, нечеловѣческое блаженство — Она возсѣдаетъ въ залѣ, сіяющей аметистами, на тронѣ изъ желтыхъ розъ, и протягиваетъ мнѣ руку при встрѣчѣ. Я подхожу, склоняю передъ нею колѣни, и слышу: «Привѣтъ тебѣ отъ меня и отъ царства моего, рыцарь! Я жду тебя ужъ не

одну весну, я звала тебя въ звѣздныя ночи, я плакала надъ тобою, когда ты печалился, и навѣвала на тебя сны, когда ты падалъ отъ усталости!» И красавица беретъ меня за руку, и ведетъ, ведетъ черезъ безконечныя залы, гдѣ толпы народа кричатъ и ликують при видѣ ея, черезъ свѣтлыя сады, гдѣ играютъ и рѣзвятся триста молодыхъ дѣвушекъ,—и вотъ, мы въ другомъ залѣ, гдѣ все сверкаетъ смарагдами. Солнце сіяетъ сквозь прозрачный потолокъ, издали доносятся нѣжныя звуки незримыхъ хоровъ и въ воздухѣ носятся опьяняющіе ароматы. Я беру ее за руку — страсть разливается по крови, и она улыбается мнѣ, и ведетъ въ третью залу, гдѣ блещутъ рубины съ сладострастною роскошью, и руки ея обвиваются вокругъ моей шеи, дыханіе скользитъ по моему лицу, и она шепчетъ: «Привѣтъ тебѣ, возлюбленный! Цѣлуй меня! Цѣлуй меня!»

И я вижу надъ своей головою звѣзды небесныя, и мысли утопаютъ въ морѣ ихъ блеска...

Меня разбудилъ городской.—Снова лежалъ я на скамейкѣ, безжалостно выброшенный въ житейское море. Первымъ моимъ ощущеніемъ было изумленіе, что я нахожусь подъ открытымъ небомъ. Затѣмъ я разсердился и готовъ былъ плакать отъ злости, зачѣмъ я снова живу!—Пока я спалъ, выпалъ дождь; платье мое промокло, и холодъ пронизывалъ меня до костей. Было настолько темно, что городской не могъ видѣть моего лица.

— Ну-у!—воскликнулъ онъ,—убирайся!

Я повиновался; если бы онъ приказалъ мнѣ сѣсть, то я сѣлъ бы. Я совершенно обезсилѣлъ; къ тому же меня опять начиналъ мучить голодъ.

— погоди,—закричалъ мнѣ городской въ догонку,—шляпу забылъ! Ишь, дуракъ какой! Ладно, проваливай!

— То-то мнѣ казалось, будто я что-то забылъ,—бормоталъ я, не помня себя.— Благодарю васъ. Доброй ночи.

Я, шатаясь, побрелъ дальше.

Ахъ, будь теперь у меня хоть маленькій кусочекъ хлѣба! Хоть маленькій ломтикъ, отъ котораго можно было

бы откусывать на ходу! — И я представилъ себѣ тотъ сортъ ржаного хлѣба, котораго я бы поѣлъ теперь съ особеннымъ удовольствіемъ.—Голодь терзаль невыносимо. Я расчувствовался и заплакалъ: нѣтъ конца и мѣры моимъ страданьямъ!

Вдругъ я остановился, топнулъ ногой и пробоморталь проклятіе. Какъ меня назваль городской? Дуракомъ?—Я ему покажу, какой я дуракъ!

Я повернулъ обратно и побѣждалъ, внѣ себя отъ ярости. Пробѣжавъ немного, я упалъ; однако это не остановило меня; я вскочилъ, и побѣждалъ дальше; но дойдя до желѣзнодорожной площади, до такой степени усталъ, что уже не могъ добраться до моста; къ тому же, и ярость моя поутихла. — Не все ли мнѣ равно, что сказаль городской? Однако нельзя же позволять всякому грубить! Впрочемъ, вѣдь онъ не зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло.—И я повторилъ, успокоивая себя: «вѣдь онъ не зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло», и снова повернулъ назадъ. Охота тоже бѣжать въ такой темнотѣ, въ грязи по колѣно, чортъ знаетъ куда!

Голодь опять загрызъ, засосаль меня, не давая ни минутки покоя. Я глоталь слюну, чтобы обмануть такимъ образомъ желудокъ, и мнѣ казалось, что это помогаетъ.

Я плохо ѣлъ впродолженіе нѣсколькихъ недѣль до послѣдняго лѣта, когда вдругъ пришлось такъ опуститься. Это-то и плохо,—я уже потерялъ свои прежнія силы и каждую новую голодовку переношу все съ бѣльшими страданьями! Только заработаешь пять кронъ, не успѣешь отѣсться и запасться силою, какъ уже опять приходится голодать!

На этотъ разъ особенно болятъ плечи и спина; съ свербѣніемъ въ груди я еще могу справиться,—можно прокашляться покрѣпче, согнуться пониже;—но что дѣлать со спиной и плечами?

И отчего это мнѣ такъ не везеть? Развѣ я имѣю правъ на жизнь меньше, чѣмъ, напримѣръ, книгопродавецъ Паша или парходный экспедиторъ Геннехень? — Развѣ мои

плечи и руки негодны для физическаго труда? Развѣ не пытался я уже наниматься дровосѣкомъ въ Меллергаде, чтобы по крайней мѣрѣ хоть на пропитаніе заработать? Развѣ я лѣнивъ? Развѣ я не искалъ всевозможныхъ занятій, не слушалъ публичныхъ лекцій, не писалъ газетныхъ статей, не работалъ день и ночь, не читалъ до одури? И развѣ не жилъ я, какъ скряга, питаюсь хлѣбомъ и молокомъ—въ минуты достатка; не питался однимъ хлѣбомъ въ обыкновенное время, и не голодалъ—въ минуты нужды? Обиталъ ли я когданибудь въ палаццо, или занималъ цѣлый бельэтажъ?—Въ покинутой мастерской жестяника, забытый Богомъ и людьми, устроилъ я себѣ берлогу!— Словомъ, я ничего не понимаю въ своей судьбѣ!

Я предавался на ходу такимъ мыслямъ, но въ нихъ не было отбѣнка горести или желчи.

Передъ какимъ-то магазиномъ съ полупривторенными ставнями я остановился и сталъ смотрѣть въ щелку, но ничего не могъ разглядѣть. Сердясь на себя за эту глупую мысль и на невозможность удовлетворить свое любопытство, я стукнулъ кулакомъ въ ставень и пошелъ дальше. Вдали я замѣтилъ городского, ускорилъ свой шагъ и сказалъ ему безъ всякихъ обиняковъ:

— Теперь десять часовъ.

— Нѣтъ, два часа, —отвѣтилъ онъ съ изумленіемъ.

— Нѣтъ, десять, —повторилъ я.—И застонавъ отъ бѣшенства, я сжалъ кулаки и закричалъ: —Эй вы, послушайте! Теперь десять часовъ!

Онъ задумался на минуту, посмотрѣлъ на меня внимательно и произнесъ спокойнымъ тономъ:

— Во всякомъ случаѣ настолько поздно, что вамъ пора идти домой. Проводить васъ?

Его добродушіе обезоружило меня; я почувствовалъ слезы на глазахъ и успѣшилъ сказать:

— Нѣтъ, благодарю васъ. Я просто малость погулялъ... въ кафе... благодарю васъ.

Онъ сдѣлалъ мнѣ подъ козырекъ, когда я уходилъ. Великодушіе городского такъ тронуло меня, что я запла-

каль: какъ это нѣтъ у меня даже пяти кронъ, чтобы отблагодарить этого достойнаго человѣка? Я долго смотрѣлъ издали, какъ онъ расхаживалъ на перекресткѣ; я билъ себя по лбу и плакалъ тѣмъ неутѣшнѣе, чѣмъ больше отъ него удалялся. Я бранилъ себя за ничету, выдумывалъ самыя унижительныя ругательства и честилъ себя беспощадно.

Такимъ образомъ я дошелъ до своей квартиры, но только у самыхъ дверей замѣтилъ вдругъ, что потерялъ ключъ.

«Еще бы! — воскликнулъ я съ горечью, — мнѣ слѣдовало во что бы то ни стало потерять ключъ!» — Я жилъ во дворѣ, на которомъ съ одной стороны была конюшня, съ другой — мастерская жестянника; ворота на ночь запирались. — Никто, никто не можетъ теперь открыть мнѣ ихъ: почему же въ самомъ дѣлѣ, и не потерять бы мнѣ ключа? Я промокъ, какъ собака, немножко проголодался, этакъ чуточку проголодался, и до смѣшного усталъ, — почему бы мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, и не потерять ключа? Даже изумительно, почему при приближеніи моемъ весь домъ не передвинулся дальше въ поле? — И я засмѣялся язвительно.

Я слышалъ ржавіе лошадей въ стойлѣ, видѣлъ сквозь рѣшетку свое окно, но всетаки не могъ попасть внутрь. Пришлось волей-неволей идти обратно на мостъ и искать потерянныхъ ключей.

Опять пошелъ дождь и я чувствовалъ, какъ за мою шею забѣгала струйка за струйкой. — У ратуши мнѣ пришла въ голову счастливая мысль: обратиться къ полиціи и попросить отворить мнѣ ворота. Я тотчасъ же изложилъ эту просьбу городовому, приглашая его немедленно слѣдовать за собою.

Это совершенно бесполезно, такъ какъ у него нѣтъ ключей. Полицейскіе ключи находятся въ сыскомъ отдѣленіи.

Что же мнѣ дѣлать?

Идти въ гостиницу и переночевать тамъ.

Я не могу идти въ гостиницу: у меня нѣтъ денегъ. Я погулялъ малость... въ кафе... вы понимаете!

Мы постояли нѣкоторое время на ступеняхъ, у ратуши. Онъ осматривалъ меня съ ногъ до головы. Дождь лилъ какъ изъ ведра.

— Ступайте въ дежурное отдѣленіе и назовитесь безпріютнымъ,—сказалъ онъ.

Безпріютнымъ? Это мнѣ еще не приходило въ голову. Прекрасная, чортъ возьми, мысль! Весьма, весьма благодаренъ! Это какъ же — просто войти и сказать, что я безпріютенъ?

Совершенно просто ...

— Ваше имя?—спросилъ дежурный.

— Тангенъ. Андреасъ Тангенъ.

Не знаю, съ какой стати я лгалъ. Мысли мои кружились въ беспорядкѣ, и у меня не было силъ съ ними совладать; по какому то бессмысленному, но непреодолимому капризу, безъ всякой необходимости, я долженъ былъ лгать.

— Ваше занятіе?

Вотъ, что говорится, изъ огня да въ полымя!—Занятіе? Чѣмъ же я однако занимаюсь?—Сначала я хотѣлъ назваться жестянникомъ, но нашелъ, что выдуманная мною фамилія слишкомъ благозвучна для человѣка подобной профессіи; къ тому же я ношу очки. Мнѣ захотѣлось порисоваться; я сдѣлалъ шагъ впередъ и провозгласилъ торжественно:

— Журналистъ.

Дежурный вытаращилъ на меня глаза, а я принялъ позу безпріютнаго статскаго совѣтника. Онъ повѣрилъ мнѣ сразу.—Это было удивительноезрѣлице—безпріютный журналистъ, ночью въ ратушѣ!

— Въ какой газетѣ вы сотрудничаете, господинъ Тангенъ?

— Въ «Утреннемъ листкѣ». Къ сожалѣнію, сегодня вечеромъ я малость погулялъ...

— Объ этомъ не стоитъ говорить, перебилъ меня

отъ.—Въ ваши годы это вполне извинительно.—Затѣмъ онъ позвалъ городского и, вѣжливо приподнявшись, приказалъ: «Отведите этого господина въ особое отдѣленіе, наверхъ. Спокойной ночи».

Меня морозъ по кожѣ дралъ при мысли о собственной дерзости, и я сжималъ на самого себя кулаки. И съ какой стати было прилетать сюда еще «Утренній листокъ»? Редакторъ только зубами закрежететь—какъ скрежететь вотъ этотъ замокъ при поворотѣ ключа.

— Газъ горитъ десять минутъ,—сказалъ мнѣ городской въ дверь.

— А затѣмъ погаснетъ?

— Да, его потушатъ.

Я сѣлъ на постель и услышалъ новой поворотъ ключа въ замкѣ. Свѣтлая камера имѣла довольно уютный видъ; я чувствовалъ себя, какъ дома, и съ наслажденіемъ прислушивался къ шуму дождя на дворѣ. Лучше этой славной комнатки ничего нельзя было и придумать для меня.

Съ большимъ удовольствіемъ, глядя на газовое пламя, со шляпою въ рукахъ, присѣлъ я на кровать. Я думалъ о различныхъ подробностяхъ моего разговора съ дежурнымъ полицейскимъ чиновникомъ. Первое объясненіе съ полиціей—и проведено мастерски!—Журналистъ Тангенъ—э? И «Утренній листокъ»? Въ самое сердце поразили я этого человѣка «Утреннимъ листкомъ!» Послѣ этого нечего и разговаривать, не такъ ли?—До двухъ часовъ ночи, во всемъ парадѣ, я сидѣлъ «въ Стифсгарденѣ» и забылъ тамъ свои ключи, а бумажникъ съ тысячею кронъ остался у меня дома!—Отведи-ка господина въ особое отдѣленіе наверхъ!

Тутъ газъ потухъ,—такъ странно, неожиданно, не уменьшаясь, потухъ. Я сижу въ глубокой темнотѣ, не вижу ни своей руки, ни бѣлыхъ стѣнъ комнаты. Мнѣ остается только ложиться спать—и я раздѣваюсь.

Но заснуть не удавалось. Долгое время лежалъ я и смотрѣлъ въ темноту, въ эту тяжкую, бездонную, непостижимую темноту. Мысль моя не могла объять ее. Было свыше

всякаго вѣроятія темно, и это удручало меня. Я закрыль глаза, принялся пѣть въ полголоса, заметался на нарахъ, для разнообразія, — но безуспѣшно. Мракъ поглотилъ все мои думы и не давалъ мнѣ ни минуты покоя. — Что если я распушусь, расту въ этой тѣмѣ, сольюсь съ нею въ одно? — Я вскочилъ на постели и распротеръ свои руки.

Безпокойство овладѣло мною, и какъ я ни боролся со своими нервами — ничто не помогало. Я сталъ жертвою нелѣпѣйшихъ фантазій и только потѣлъ отъ усилій придти въ нормальное состояніе.

Я уставился въ пространство и находилъ, что въ жизни своей не видалъ еще такого мрака. Конечно, я нахожусь теперь въ совершенно особенномъ мракѣ, въ ужасномъ элементѣ, о которомъ никто до сихъ поръ не имѣлъ еще ни малѣйшаго понятія. И я мучился несказанно.

Маленькая ямка въ стѣнѣ около наръ обратила на себя все мое вниманіе. Я оцупалъ ее, подулъ въ нее и сталъ изслѣдовать ея глубину. Это очевидно не была обыкновенная дыра — то была какая-то особенная, таинственная, никѣмъ еще не виданная дыра. И внѣ себя отъ страха и любопытства, я вытащилъ изъ кармана свой сломанный перочинный ножикъ, желая убѣдиться въ томъ, что это отверстіе не сквозное и не выходитъ въ сосѣдную камеру.

Я снова улегся для того, чтобы уснуть, а на самомъ дѣлѣ — чтобы бороться съ мракомъ. — Дождь пересталъ и все было тихо. На улицѣ раздались вдругъ мѣрные шаги, и я не успокоился до тѣхъ поръ, пока не узналъ по походкѣ городского.

Тутъ я прищелкнулъ пальцами и засмѣялся. Ахъ, какъ славно! Я изобрѣлъ новое слово. — Я вскочилъ на постели и сказалъ:

— Этого слова еще не было, я самъ его выдумалъ. Кубоа! Да, да это настоящее слово изъ настоящихъ буквъ! Молодецъ! Ты выдумалъ слово; оно имѣетъ огромное значеніе для грамматики! Кубоа!

И широко раскрывъ глаза, изумленный своимъ открытіемъ, я засмѣялся и затѣмъ сталъ шептать: меня

могутъ подслушать, а это открытіе надо держать въ строжайшей тайнѣ!

Опять я былъ въ состояніи веселаго безумія, вызваннаго голодомъ, снова чувствовалъ себя пустымъ и свободнымъ отъ всякихъ мученій, и опять потерялъ всякую власть надъ своими мыслями.

Я сталъ держать самъ съ собою совѣтъ. Надо во что-бы то ни стало открыть значеніе новаго слова. Оно не значитъ ни Тиволи, ни животное; это совершенно ясно.— По зрѣломъ обсужденіи я нашель, что оно не можетъ также обозначать ни висячаго замка, ни солнечнаго восхода.— Впрочемъ подыскать значеніе для такого великолѣпнаго слова совсѣмъ нетрудно. Стоитъ только подождать немного—и это значеніе само придетъ въ голову. А тѣмъ временемъ можно соснуть.

Я легъ на нары, засмѣялся и порѣшилъ не думать болѣе о своемъ словѣ. — Проходитъ нѣсколько минутъ, и я опять прихожу въ нервное разстройство. Слово мучить меня, терзаетъ, все возвращается въ память, овладѣваетъ всѣмъ моимъ мышленіемъ—и я становлюсь серьезенъ.— Я раздумывалъ до сихъ поръ о томъ, чего оно не можетъ обозначать, но вѣдь нужно сначала подумать, что оно можетъ обозначать. «Впрочемъ не бѣда!» восклицаю я и повторяю себѣ, что это не бѣда. — Слово, благодаря Бога, изобрѣтено и въ этомъ вся суть. Можно успокоиться.

Но необычайное слово не даетъ покоя. Я вскакиваю съ постели, охватываю голову обѣими руками и начинаю вслухъ убѣждать себя:

— Не можетъ же оно обозначать эмиграцію или табачную фабрику! Если бы такъ, то я давно бы уже успокоился на этомъ. Нѣтъ, слово это должно выражать нѣчто духовное: чувство, состояніе,—какъ это мнѣ не было ясно до сихъ поръ?

И я принимаюсь думать о чувствахъ и состояніяхъ, какъ вдругъ мнѣ начинаетъ казаться, что кто-то посторонній вмѣшивается въ разговоръ, и я съ бѣшенствомъ возражаю ему:

— «Наплевать»? Ну, нѣтъ, извини; за дурака ты меня считаешь, что ли? «Гарусь»? Убирайся ко всѣмъ чертямъ! Вѣдь это просто смѣшно! Обязанъ я что ли согласиться съ тѣмъ, что Кубоа значитъ—гарусь? Я самъ изобрѣлъ для себя слово и имѣю полное право придавать ему то значеніе, какое лично мнѣ заблагоразсудится? Какъ тебѣ, дураку, извѣстно, я еще самъ не знаю, что это значитъ!

Но тутъ мозгъ мой приходитъ въ окончательное разстройство. Я подымаясь и иду искать водопроводнаго крана. Пить мнѣ не хочется, но голова горитъ, какъ въ огнѣ, и мнѣ необходимо освѣжить ее.

Освѣжившись, я опять легъ и попробовалъ заснуть во что бы то ни стало. Долгое время лежалъ я неподвижно, съ закрытыми глазами, но только вспотѣлъ и чувствовалъ толчки, съ которыми кровь моя неслась по жиламъ.

Нѣтъ, это была чудесная минута, когда онъ искалъ денегъ въ цилиндрикѣ! Онъ кашлянулъ—кхе-кхе!... Не онъ ли это прошелъ подъ окнами?... Скамейка... голубой перламутръ... корабли...

Я открылъ глаза. Съ какой стати закрываю я ихъ, если не могу уснуть?—А кругомъ разстилается все тотъ же мракъ, все та же бездонная, черная вѣчность, которую тщетно пытаются охватить мои строптивыя мысли. Съ чѣмъ сравнить ее?—И я дѣлаю отчаяннѣйшія усилія для того, чтобы подыскать слово, достаточно черное для этого мрака, слово, столь страшное, что, при произнесеніи его должны почернѣть мои губы.—Боже мой, какъ темно!

И я снова принужденъ думать о гавани и корабляхъ, черныхъ чудовищахъ, ожидающихъ меня тамъ, на морѣ. Они идутъ ко мнѣ, они хотятъ схватить меня и повезти въ далекія, страшныя земли, въ которыхъ не ступала еще нога человѣческая. Они втягиваютъ меня въ глубину, они взлетаютъ со мною на облака—и вдругъ падаютъ, падаютъ...

Я испустилъ хриплый крикъ и схватился за нары. Я совершилъ опасное путешествіе по воздуху, будучи брошенъ какъ какая нибудь вещь. Слава Богу, что я успѣлъ уцѣпиться за эти доски!

— Это смерть, — мелькнуло въ моей головѣ, — ты сейчасъ умрешь. — И я улегся, и сталъ думать о томъ, что сейчасъ умру.

Наконецъ я опять вскочилъ и сдѣлалъ себѣ строгій выговоръ:

— Кто сказалъ, что ты долженъ умереть? — Если ты выдумалъ слово — кому дѣло, что ты не можешь подыскать ему значенія?

Я ясно слышалъ и понималъ свои слова. Сознаніе не покидало меня; то было не безуміе, а бредъ отъ слабости и усталости, вызванный голодомъ.

Но вдругъ, какъ молнія, ослѣпила меня мысль, что я схожу съ ума. — Я бѣгу, шатаюсь, къ двери, пытаюсь отворить ее, бросаюсь на нее нѣсколько разъ, пробуя выломать, бьюсь головой о стѣну, громко рыдаю, кусаю себѣ пальцы и проклиная кого-то за что-то.

Но все было тихо; стѣны отбрасывали мой голосъ ко мнѣ обратно. Я сѣлъ на полъ, будучи уже не въ состояніи бѣсноваться. — Тогда вдругъ передо мною обрисовался наверху, сѣрый квадратъ въ стѣнѣ, бѣлесоватый отблескъ, предчувствіе дневного свѣта. Я чувствовалъ, что это дневной свѣтъ, каждую порю своего существа и впервые вздохнулъ съ облегченіемъ. Я распростерся на полу и заплакалъ отъ радости при видѣ этого со-страдательнаго разсвѣта, зарыдалъ отъ благодарности, посылалъ окну воздушные поцѣлуи и сумасшестввовалъ, но уже на новый ладъ. — Всякое недовольство какъ рукой сняло, боль и отчаяніе улеглись, и у меня не было желаній, я былъ воплощенное блаженство. Поднявшись и простирая къ свѣту руки, я терпѣливо ждалъ наступленія дня.

Что это была за ночь! Нельзя было не изумляться тому, что никто не слышалъ шума, произведеннаго мною. Впрочемъ, я находился въ особомъ отдѣленіи, высоко надъ всѣми остальными заключенными. Меня считали безпріютнымъ статскимъ совѣтникомъ. — Въ яснѣйшемъ настроеніи духа, уставясь на свѣтлѣвшее окно, я вошелъ въ роль статскаго

совѣтника, называлъ себя «фонъ Тангенъ» и говорилъ съ собою оффиціальнымъ слогомъ. Мои фантазіи приняли болѣе спокойный характеръ и уже болѣе не мучили меня.— Къ сожалѣнію, статскій совѣтникъ по непростительной разсѣянности забылъ дома свой бумажникъ! Не буду-ли я имѣть честь почтительнѣйше помочь его превосходительству лечь на постель?—И съ глубочайшей серьезностью, съ тысячами церемоній, отправился я къ нарамъ и легъ.

Теперь уже настолько освѣтлѣло, что ясно можно было различить очертанія камеры, а затѣмъ и тяжелый засовъ у дверей. Это разсѣяло меня. Однообразная, раздражающая, непроницаемая тьма, мѣшавшая мнѣ видѣть себя, исчезла; кровь моя поуспокоилась, а вскорѣ затѣмъ и глаза стали смыкаться.

Меня разбудилъ стукъ въ дверь. Я вскочилъ съ постели и поспѣшно одѣлся; платье мое со вчерашняго вечера еще не высохло.

— Доложите о себѣ дежурному, — сказалъ городской.

— Значить, опять формальности! — подумалъ я, и оробѣлъ.

Я сошелъ внизъ въ большую комнату, гдѣ сидѣли тридцать—сорокъ человекъ безпріютныхъ. Всѣхъ ихъ вызывали по одиночкѣ, по списку, и каждому вручали карту для дарового завтрака. Дежурный постоянно обращался съ вопросомъ къ стоявшему подлѣ него городскому:

— Карту онъ получилъ? Не забывайте раздавать карты. У этого тоже такой видъ, что отъ карты не откажется.

Я стоялъ подлѣ, смотрѣлъ на карты и желалъ бы тоже получить одну изъ нихъ.

— Андреасъ Тангенъ, журналистъ!

Я вышелъ изъ толпы и поклонился.

— Но какъ же вы сюда, любезнѣйшій, попали?

Я повторилъ вчерашнюю ложь—и глазомъ не моргнулъ. Вчера засидѣлся, погулялъ малость.... въ кафе.... потерялъ ключъ отъ дверей....

— Да, да, бываетъ!—засмѣялся тотъ. — Хорошо-ли шали?

— Какъ статскій совѣтникъ, — отвѣтилъ я. — Какъ татскій совѣтникъ.

— Радъ слышать, — сказала дежурный и привсталъ: — (о свиданья.

И я вышелъ.

Карту! И мнѣ карту! Три дня и три ночи я уже ничего не ѣлъ! И мнѣ кусокъ хлѣба! — Но никто мнѣ не предлагалъ карты, а просить ее у меня не доставало смѣлости; это могло бы возбудить подозрѣнiе. — Съ высоко закинутой головой и осанкой миллионера, я вышелъ изъ ратуши.

Солнце порядочно уже пригрѣвало, было 10 часовъ, и улицы кишѣли прохожими. — Куда теперь идти? — Я ударилъ по карману и нащупалъ свою рукопись. Въ 11 часовъ можно будетъ снести ее въ редакцію. — Я постоялъ на балюстрадѣ, наблюдая жизнь, кипѣвщую вокругъ меня; одежда моя дымилась.

Голодь уже проснулся, рылся въ груди, стучалъ и наносилъ рядъ тонкихъ и слабыхъ уколовъ, причинявшихъ страшныя мученiя.

Неужели нѣтъ у меня друга, знакомаго, къ которому я могъ бы обратиться за помощью? — Я задумался о томъ, у кого можно было бы занять 10 ѣръ, но такъ и не вспомнилъ никого. Къ тому же и думать не хотѣлось: былъ такой чудный день! Сколько солнца и воздуха вокругъ меня! Какимъ нѣжнымъ моремъ разливается надъ горами ясное небо!

Незамѣтно для себя я направился домой.

Голодь мучилъ меня ужасно. Я подобралъ съ улицы стружку и сталъ жевать. Это помогло. Какъ мнѣ раньше это въ голову не пришло!

Мои ворота уже были отперты. Конюхъ пожелалъ мнѣ, по обыкновенiю, добраго утра.

— Хорошая погода, — сказала онъ.

— Да, — отвѣтилъ я и не нашелся, чѣмъ дальше под-

держатъ разговоръ.— Не попросить-ли у него крону займы? Онъ бы, вѣроятно, даль, еслибъ имѣлъ. Къ тому жъ я однажды написалъ для него письмо.

Онъ стоялъ передо мной и мялся, желая что-то сказать.

— Да, очень хорошая погода. — Послушайте, что скажу, баринъ. Сегодня я долженъ платить хозяйкѣ. Не могли-ли бы вы дать мнѣ 5 кронъ займы? Дня на два не больше. Вы уже были разъ такъ добры ко мнѣ!

— Нѣтъ, теиерь никакъ не могу, Енсъ Олафъ, — отвѣтилъ я.— Сейчасъ не могу. Можетъ быть позднѣе, послѣ полудня.— И я съ трудомъ побрелъ по лѣстницѣ.

Я бросился на свою постель и захохоталъ. — Фу, ты какое чертовское счастье мнѣ везеть! Честь моя спасена!— Пять кронъ!— Господь съ тобой, милый! Ты съ такимъ же правомъ могъ бы попросить у меня пять пароходныхъ акцій или подгороднаго имѣнiя въ подарокъ!

И мысль объ этихъ пяти кронахъ заставляла меня смѣяться все громче и громче.— Это, что говорится— дурацкое счастье! Какъ? 5 кронъ! О, отчего же? — съ удовольствiемъ!...— Но фи! откуда этотъ кухонный запахъ? Запахъ жареной котлетки? Какая мерзость!

Я поспѣшилъ запереть окно, откуда доносился этотъ запахъ, и, обернувшись къ своему жалкому столу, на которомъ писалъ, стоя на колѣняхъ, за неимѣнiемъ стула, — низко поклонился и заболталъ:— Прикажете, можетъ быть, стаканъ вина? Нѣтъ?— Меня зовутъ Тангенъ, статскiй совѣтникъ Тангенъ. Я знаете, малость, погулялъ... ключъ отъ дверей...

И снова меня закружили, опутали безсвязныя мысли. Я зналъ, что говорю чепуху, но прекрасно понималъ смыслъ каждаго слова. Я повторялъ себѣ: «Какая чушь!» — и всетаки не могъ перестать. — Мнѣ казалось, что я говорю съ просонковъ. — Голова моя была легка, безболѣзненна, ясна, какъ и мой разумъ—я только потерялъ всякую власть надъ нимъ.

Эй, вы, сюда! Смотрите, смотрите! Рубиновая зала!....

Илайяли, Илайяли! Красный, мягкій шелковый диванъ! Какъ тяжело дышетъ она! Цѣлуй меня, возлюбленный, еще, еще!.. Руки твои, какъ янтарь, уста алѣютъ, какъ... — Человѣкъ, я заказалъ бифштексъ!

Солнце освѣщало мою комнату. Слышно было, какъ внизу лошади жевали овесъ. Я сидѣлъ и сосалъ свою стружку, беззаботный, какъ дитя.

Я вспомнилъ вдругъ о своей рукописи и вытащилъ ее изъ кармана. Она отсырѣла и я разложилъ ее на солнечномъ свѣтѣ для просушки. Затѣмъ сталъ прогуливаться по комнатѣ.

Какъ все мерзко кругомъ! На полу валяются кое-гдѣ кусочки жести; нѣтъ ни одного стула, ни одного гвоздя на стѣнѣ; все пошло въ погребъ «дядюшки», и все продано. Нѣсколько листовъ бумаги на столѣ, покрытыхъ густымъ слоемъ пыли — вотъ и вся моя собственность. Зеленое одѣяло на постелѣ принадлежитъ Гансу Паули.

Гансъ Паули! Я прищелкнулъ пальцами. Гансъ Паули Петерсенъ, конечно, поможетъ мнѣ! — Я стараюсь припомнить его адресъ. — Какъ это я вспомнилъ только теперь о Гансѣ Паули! Онъ, конечно, разсердится, — зачѣмъ я не обратился къ нему раньше! — Я тотчасъ одѣваю шляпу, собираю бумаги, сую ихъ въ карманъ, и сбѣгаю по лѣстницѣ.

— Эй, Енсъ Олафъ, — кричу я въ конюшню. — Могу помочь тебѣ послѣ полудня!

Дойдя до ратуши, я вижу, что одиннадцать часовъ, и бѣгу въ редакцію. Передъ дверями провѣряю нумерацію своихъ листовъ, тщательно разглаживаю ихъ и стучу. Вхожу. Сердце колотится такъ, что ухомъ слышно.

Человѣкъ съ ножницами сидитъ на обычномъ своемъ мѣстѣ. Я съ робостью освѣдомляюсь о редакторѣ. — Нѣтъ отвѣта. Человѣкъ продолжаетъ дѣлать вырѣзки изъ провинціальныхъ газетъ.

Я повторяю свой вопросъ и подхожу ближе.

— Редакторъ ушелъ, — говоритъ онъ наконецъ, не глядя на меня.

— Когда же онъ придетъ?

— Неизвѣстно.

— А до какого времени открыта редакція?

На это я не получаю отвѣта и принужденъ уйти. Человѣкъ съ ножницами во время разговора со мною ни разу не взглянулъ въ мою сторону, хотя онъ сразу узналъ меня по голосу.

— Такъ вотъ до чего ты дошелъ,—подумалъ я: — о тебѣ здѣсь такого дурного мнѣнія, что больше съ тобой и разговаривать не хотятъ!

Неужели это съ вѣдома редактора? Правда, я надоѣлъ тому хуже горькой рѣдьки. Со времени послѣдняго знаменитаго фельетона въ 10 кронъ, я забросалъ весь его столъ никуда негодными статьями, которыя онъ систематически прочитывалъ и систематически возвращалъ мнѣ. Теперь онъ, конечно, выживаетъ меня деликатнымъ манеромъ.

Я пошелъ по направленію къ Гомандсбійену.—Гансъ Паули Петерсенъ студентъ изъ крестьянъ; живетъ онъ на чердакѣ, пять лѣстницъ вверхъ; Гансъ Паули Петерсенъ бѣдный человѣкъ.—Однако если у него есть крона, то онъ всегда ее дастъ; это такъ же вѣрно, какъ будто она у меня уже лежитъ въ карманѣ.

Впродолженіе всего пути я радовался этой кронѣ—такъ былъ увѣренъ въ ней. Но подойдя къ двери, я увидѣлъ ее запертой и принужденъ былъ позвонить.

— Мнѣ нужно видѣть студента Петерсена,—сказалъ я и хотѣлъ пройти:—комнату его я знаю.

— Студента Петерсена? — повторила дѣвушка. Не тотъ-ли, который жилъ на чердакѣ? Онъ уѣхалъ.—Куда, — неизвѣстно. Письма свои онъ велѣлъ отправлять къ Германсену на Тольдбодгаде,—и она указала номеръ.

Полный надежды и вѣры, прошелъ я всю Тольдбодгаде, разыскивая адресъ Ганса Паули. Гансъ Паули—моя соломинка, мнѣ необходимо за нее ухватиться.

Проходя мимо новой постройки, около которой стояли два плотника и стругали доски, я запустилъ руку

въ кучу, вынулъ пару стружекъ побѣлѣ и сунулъ одну въ ротъ, а другую—въ карманъ.—Желудокъ мой стоялъ отъ голода.—Передъ окномъ булочника я залюбовался замѣчательно большимъ хлѣбомъ въ десять ёръ,—никогда еще я не видѣлъ такого большого хлѣба за такую цѣну....

— «Я пришелъ узнать адресъ студента Петерсена».

— Берндтъ-Анкерсъ-Гаде № 10, на чердакъ.— Не иду ли я сейчасъ же къ нему? Въ такомъ случаѣ не возьму ли нѣсколько писемъ, пришедшихъ въ послѣднее время на его имя?

Я возвращаюсь въ городъ тѣмъ же путемъ, прохожу мимо плотниковъ, которые сидятъ теперь, зажавъ между колѣнъ оловянные горшки съ завтракомъ изъ народной столовой, мимо пекарни съ хлѣбомъ въ десять ёръ—и полумертвый отъ усталости, достигаю наконецъ Берндтъ-Анкерсъ-Гаде.—Дверь отворена, я долѣзаю кое-какъ до чердака и вытаскиваю письма изъ кармана, чтобы сразу привести Ганса Паули въ хорошее настроеніе духа.—Конечно, онъ не откажетъ мнѣ въ услугѣ, когда узнаетъ о настоящемъ положеніи дѣлъ. У Ганса Паули доброе сердце, я всегда говорилъ это про него...

И вдругъ я прочиталъ на дверяхъ, всмотрѣвшись въ его карточку: «Г. П. Петерсенъ, студентъ-богословъ,—уѣхалъ домой».

Я сѣлъ на холодный полъ, совершенно убитый. Раза два повторилъ я механически: «Уѣхалъ домой! Уѣхалъ домой!»—и умолкъ. Ни слезинки на глазахъ, ни мысли въ головѣ, ни ощущенія въ сердцѣ. Съ вытаращенными глазами сидѣлъ я, глядя на письма въ своихъ рукахъ.

Такъ прошло минутъ десять, двадцать—можетъ быть и больше; я все сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, не шевелясь. Это мрачное раздумье походило на дремоту. Но услышавъ шаги на лѣстницѣ, я поднялся и сказалъ:

— Я ищу студента Петерсена; здѣсь для него два письма.

— Онъ уѣхалъ домой,—отвѣтила хозяйка.— Но онъ

вернется послѣ каникулъ. Если хотите, можете оставить письма у меня—я передамъ.

— Да, будьте столь добры, передайте. Можетъ быть, письма важныя, и ему будетъ пріятно ихъ получить. До свиданія.

Я сошелъ внизъ и громко воскликнулъ, сжимая кулаки, въ пространство: «Это подло!» И стиснувъ зубы, бѣснуясь, закричалъ, глядя въ облака: «это подло!»

Но пройдя нѣсколько шаговъ, я остановился, сложилъ руки и, наклонивъ голову набокъ, спросилъ медоточивымъ голосомъ:

— А призывалъ-ли ты его на помощь, дитя мое?

Тонъ былъ фальшивый.

— Съ большой буквы, съ большой! Призывалъ-ли ты на помощь Его, дитя мое?—И опустивъ голову, я плачевнымъ тономъ отвѣтилъ: Нѣтъ!

Это опять звучало не такъ.

— Болванъ, ты не умѣешь даже лицемѣрить!—Да, — долженъ ты сказать, — да, призывалъ! И ты долженъ произнести это пожалостливѣе! — Такъ. Ну, еще разъ!—Ну, вотъ теперь лучше. Да вздыхай же, вздыхай, какъ волинщикъ! Такъ! Хорошо!

И я училъ себя лицемѣрью, топалъ ногами, когда мнѣ не удавалось, бранилъ себя болваномъ и обращалъ на себя вниманіе всѣхъ прохожихъ.

Я двинулся опять впередъ, зажевалъ свою стружку, и незамѣтно очутился на желѣзнодорожной площади. На Спасительской церкви было половина второго.—Я постоялъ съ минуту и подумалъ По лбу моему катились капли пота и глаза слезились.—«Пойдемъ на набережную,—сказалъ я себѣ.—Разумѣется, если у тебя есть время». И сдѣлавъ себѣ поклонъ, я отправился на набережную.

Море колеблется въ солнечномъ блескѣ, чернѣютъ корабли. Всюду суета: свистъ пароходовъ; носильщики съ ящиками на плечахъ; веселое пѣніе нагрузчиковъ на паромѣ.

Неподалеку отъ меня сидитъ пирожница и клюетъ своимъ сизымъ носомъ надъ своими товарами. Маленькій столикъ соблазняетъ и манитъ всякими сластями, и я отворачиваюсь съ брезгливостью.—Ея товары воняютъ на всю набережную; фи—отворите окна!

Я обращаюсь къ господину, который сидитъ рядомъ со мною и указываю ему на вредоносность всѣхъ этихъ пирожныхъ и кухонныхъ запаховъ. Онъ несогласенъ со мною.

Во всякомъ случаѣ, онъ долженъ же согласиться, что.... Но тутъ мой сосѣдъ чувствуетъ наглость, и не давъ досказать мнѣ до конца, встаетъ и уходитъ.

Я догоняю, стараясь разубѣдить его въ томъ дурномъ мнѣніи, какое онъ составилъ обо мнѣ.

— Примите въ соображеніе санитарныя условія,— говорю я ему, тронувъ его за плечо.

— Виновать, я не здѣшній и ничего не знаю о мѣстныхъ санитарныхъ условіяхъ, — возражаетъ онъ и глядитъ на меня съ испугомъ.

Это другое дѣло, если онъ не здѣшній. Въ такомъ случаѣ, не могу-ли я быть ему чѣмъ нибудь полезенъ? Не нуждается-ли онъ, напримѣръ, въ проводникѣ? Нѣтъ? Я бы оказалъ ему эту услугу съ величайшимъ удовольствіемъ и, разумѣется, безвозмездно.

Но тотъ хочетъ во что бы то ни стало отдѣлаться отъ меня и перебѣгаетъ на другую сторону улицы.

Я снова вернулся къ своей скамейкѣ и сѣлъ. Я былъ очень тревоженъ и огромная шарманка, игравшая вдали, еще болѣе безпокоила меня. То была сильная, металлическая музыка, что-то изъ Вебера; маленькая дѣвочка подпѣвала.—Флейто-образный, страдальческій звукъ шарманки пронизываетъ меня, нервы начинаютъ подергиваться, какъ будто ихъ пилать смычкомъ — но вдругъ я начинаю чувствовать себя превосходно и подпѣваю вмѣстѣ съ дѣвочкой. Странная штука выдѣлываетъ съ человѣкомъ голодь! Я уже блаженствую, утопаю въ звукахъ, мнѣ начинаетъ казаться, что я взлетаю на небо и парю въ солнечныхъ лучахъ.

— Одну ёру!—сказала дѣвочка шарманщика, протягивая мнѣ оловянную тарелку.—Одну ёру!

— Сейчасъ, — отвѣтилъ я безсознательно, вспрыгнувъ и сунувъ руку въ карманъ.— Но дѣвочка думаетъ, что я шучу, и отходитъ отъ меня.

Это нѣмое терпѣніе было слишкомъ мучительно для меня; лучше бы она меня выбрала — мнѣ было бы легче. Въ порывѣ сильной скорби, я ее окликнулъ:

— У меня нѣтъ ни гроша, но я тебя не забуду. Можетъ быть завтра дамъ. Какъ тебя зовутъ? — А, хорошенькое имя! Я его не забуду. Значить, до завтра.

Но я видѣлъ, что она мнѣ не вѣритъ, хотя ничего не возражаетъ, и я заплакалъ отъ отчаянія. Я позвалъ ее еще разъ, разстегнулъ поспѣшно свой пиджакъ и хотѣлъ отдать ей свой жилетъ.

— Подойди же, я тебѣ ничего не сдѣлаю!

Но на мнѣ давно уже нѣтъ жилета!—Какъ же это я не сообразилъ?

Дѣвочка поспѣшно убѣжала. Вокругъ меня стали толпиться зѣваки и хохотать. Сквозь нихъ пробрался городской: «что здѣсь такое?»

— Ничего,—отвѣчаю я—пустяки! Я хотѣлъ отдать маленькой дѣвочкѣ свой жилетъ... для отца... Нечего надъ этимъ смѣяться—эй, вы, тамъ! Но я пойду домой и одѣну другой.

— Безъ скандаловъ!—говоритъ городской.—Ступай своей дорогой.—И онъ выталкиваетъ меня изъ толпы.—Твои бумаги, что ли?—кричитъ онъ мнѣ въ догонку.

— Ахъ, да, дѣйствительно мои—газетныя статьи, документы огромной важности! Прошу извиненія за свою разсѣянность!

Я беру рукопись, убѣждаюсь, что она въ порядкѣ, и направляюсь прямо въ редакцію. На Спасительской башнѣ 4 часа.

Контора заперта. Я спускаюсь, какъ воръ, боязливо по лѣстницѣ и останавливаюсь въ нерѣшимости. Что теперь дѣлать? — Я прислоняюсь къ стѣнѣ, гляжу на полъ и

задумываюсь. — У ногъ моихъ лежитъ булавка, я беру ее и прячу.

А что если отпороть отъ пиджака пуговицы? Что мнѣ за нихъ дать ростовщикъ? Пожалуй онѣ ничего не стоятъ—что такое пуговицы?—однако надо попытаться: вѣдь онѣ почти новыя! Отпорю ихъ своимъ перочиннымъ ножикомъ и снесу въ погребъ къ «дядюшкѣ». Пиджакъ можно заколотъ этою булавкой.

Надежда заложить пуговицы меня оживила и разве-селила; я сталъ спарывать ихъ и тѣмъ временемъ болталъ:

— Вы понимаете, стѣсненные на нѣкоторое время обстоятельства... Вы думаете — потерты? Не говорите пустяковъ. Хотѣлъ бы я видѣть человѣка, у котораго пуговицы сохранились въ такомъ видѣ! Я, знаете, откровенно говоря, не люблю застегивать сюртука,—у меня все на распаху!.. Что, не хотите? Ну, 10 ѳръ вы за нихъ навѣрное дадите!... Ахъ, Боже мой, кто же говорить, что я васъ заставляю дать мнѣ больше!... Ну, ладно, зовите полицію, а я подожду здѣсь, пока вы пойдете за городовымъ. Не безпокойтесь—ничего не украду!... Ну, до свиданья! Мое имя Тангенъ—я, знаете, малость погулялъ..

Тутъ я услышалъ шаги по лѣстницѣ. Это человѣкъ съ ножницами; я быстро прячу свои пуговицы въ карманъ. Онъ проходитъ мимо меня, не отвѣчаетъ на мой поклонъ и начинаетъ разсматривать свои ногти. Я останавливаю его и спрашиваю, гдѣ редакторъ.

— Ушелъ.

— Врете вы! — сказалъ я. И съ дерзостью, удивлявшей меня самого, прибавилъ:—Я долженъ говорить съ нимъ по важному дѣлу. Сообщенія изъ Стифсгардена.

— Не можете ли вы пересказать ихъ мнѣ?

— Вамъ?—спросилъ я и окинулъ его взоромъ съ ногъ до головы.

Это помогло. Онъ повелъ меня наверхъ и отперъ дверь. — Горло у меня сжималось и, стиснувъ зубы, вошелъ я въ комнату редактора.

— Здравствуйте. А, это вы?—сказаль онъ привѣтливо.—Садитесь.

Если бы онъ указаль мнѣ на дверь, то это было бы для меня пріятнѣе. Слезы навернулись на глаза отъ умиленія.

— Пожалуйста, извините меня,—пробормоталь я.

— Садитесь,—повториль онъ.

Я сѣлъ и объяснилъ, что принесъ статью, помѣщеніе которой въ его газетѣ имѣетъ для меня особенное значеніе. Я очень долго работалъ надъ ней.

— Я прочту,—сказаль онъ и взялъ изъ моихъ рукъ листки.—Вы работаете прилежно надъ всѣмъ, что вы пишете, но вы слишкомъ горячитесь. Если бы вы стали писать похладнокровнѣе! Лихорадки у васъ много!... Но прочитаемъ, посмотримъ!—И онъ снова повернулся къ столу.

Я не уходилъ. Не попросить ли у него взаймы крону? Не объяснить ли ему, почему столько лихорадки въ моихъ статьяхъ? Это было бы цѣлесообразно: вѣдь я прошу впередъ впервые!

Я всталъ.—Гмъ!—Однако не такъ давно онъ жаловался на плохія дѣла, даже куда-то посылаль за моимъ гонораромъ, потому что въ кассѣ не оказалось денегъ. Пожалуй и теперь повторится то-же. Нѣтъ, не стоитъ!

— Что прикажете?—сказаль редакторъ, подымая голову.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я по возможности твердымъ голосомъ. — Я только хотѣлъ узнать, когда мнѣ навѣдаться.

— Да дня черезъ два,—отвѣчалъ редакторъ.

Добродушіе этого человѣка такъ очаровало меня, что я окончательно порѣшилъ не тревожить его своею просьбою, желая показать себя достойнымъ такого обращенія.—Нѣтъ, ужь видно, надо голодать.—И я ушелъ.

При новой схваткѣ голода я сталъ жевать вторую стружку, но не раскаялся въ томъ, что не попросилъ денегъ. Эти стружки заглушаютъ боль—рѣшительно не-

понятно, какъ это я ранѣе не догадался?—И я стыдилъ себя за одно намѣреніе смутить человѣка просьбою объ одолженіи. Вѣдь это было ужасно подло съ моею стороны! Тревожить человѣка ни за что, ни про что! Не скотина ли я послѣ этого?

И для того, чтобы казнитья — я сталъ бѣгать по улицамъ, подгоняя себя ругательствами и бѣснуясь при всякой остановкѣ для отдыха.

Такимъ образомъ я забѣжалъ въ глубь Пилестреде и когда затѣмъ остановился, плача отъ злости и безсилія, то дрожалъ всѣмъ тѣломъ и долженъ былъ опуститься на лѣстницу. «Нѣтъ, ты стой!» сказалъ я себѣ, и въ наказаніе принудилъ себя стоять, глумясь надъ собственною своею испорченностью. — Наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, я кивкомъ головы позволилъ себѣ сѣсть, но и то только на самомъ неудобномъ мѣстѣ лѣстницы.

Боже мой, какое наслажденіе въ этомъ отдыхѣ! Я вытеръ потъ съ лица и глубоко вздохнулъ. Какъ я бѣжалъ! Но не каюсь—я это заслужилъ! Какъ это такъ, въ самомъ дѣлѣ, захотѣлось мнѣ занять крону? Вотъ теперь и казнь!—И я началъ читать себѣ наставленія отеческимъ тономъ, причемъ мало по малу расчувствовался и сталъ плакать.

Такъ прошло четверть часа, или болѣе. Мимо сновали прохожіе, но никто не тревожилъ меня. Слышался крикъ и смѣхъ дѣтей; съ ближайшаго бульвара доносилось щебетанье птицъ.

Ко мнѣ подошелъ городской.

— Вы чего здѣсь сидите?—спросилъ онъ.

— Нахожу въ этомъ удовольствіе.

— Я за вами полчаса слѣжу, — сказалъ онъ:—вы уже полчаса сидите здѣсь.

— Ну, и пускай. А вамъ какое дѣло?

Я всталъ съ досадою и пошелъ дальше, но на площади остановился и оглянулся внизъ на улицу. — Сижу ради удовольствія! Развѣ это былъ отвѣтъ? «Усталъ», долженъ былъ

бы отвѣтить ты, и притомъ пожалобнѣ! Ты болванъ! тебѣ никогда не выучиться лицемѣрить! Да, ты долженъ былъ сказать: «усталь», и закашлять, какъ больная овца!

Дойдя до пожарной сторожки, я опять остановился.— Новая мысль. Я прицелкнулъ пальцами, захохоталъ такъ, что привелъ всѣхъ прохожихъ въ изумленіе, и сказалъ: —Нѣтъ ты долженъ непременно пойти къ пастору Левіону. Ей Богу, ты долженъ это сдѣлать. Такъ, для пробы. Развѣ тебя что либо удерживаетъ? Къ тому же и погода роскошная.

Я вошелъ въ книжный магазинъ Паши, узналъ по календарю адресъ пастора Левіона и пошелъ къ нему.

— Теперь, пожалуйста, безъ шутокъ,—увѣщевалъ я себя.—И тебѣ не совѣстно?—Глухая идея: у голодныхъ не можетъ быть совѣсти.—Ты пришелъ къ пастору съ весьма важною просьбою. Но ты долженъ сначала склонить головку набокъ и говорить нараспѣвъ.—А, не хочешь? Ну, такъ совсѣмъ не ходи. И такъ: ты находишься въ состояніи борьбы, борешься съ силами мрака и тьмы, съ чудовищами сомнѣнія и чадами преисподней, алкаешь вина и млека небеснаго. Вотъ онъ, какой пассажъ! И глядь, лампа твоя, какъ у неразумной дѣвы, угасаетъ. Но ты вѣришь въ благодать, ибо благодареніе Богу, вѣры своей еще не утратилъ!—Затѣмъ ты сложишь руки и съ чертовскою кротостью станешь просить у пастора Левіона благодати. Что касается Маммона, то ты ненавидишь его во всякомъ образѣ, хотя тебѣ и были бы желательны и даже необходимы нѣсколько кронъ...

Я стоялъ передъ дверью пастора. «Приемъ отъ 12 до 4».

— Теперь довольно гримасъ!—сказалъ я.—Теперь будемъ серьезны! Такъ; голову набокъ; еще.—И я позвонилъ.

— Мнѣ хотѣлось бы говорить съ господиномъ пасторомъ,—обратился я къ дѣвушкѣ, отворившей дверь, но не въ силахъ былъ прибавить:—о Божьемъ дѣлѣ.

— Онъ вышелъ,—отвѣтила она.

Вышелъ! вышелъ! Это уничтожило всѣ мои планы, все мое заготовленное краснорѣчіе. Къ чему я предпринималъ такой дальній путь?—Я стоялъ въ раздумьи.

— По важному дѣлу?—спросила дѣвушка.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я.—Погода, знаете, располагаетъ къ благодати—вотъ я и зашелъ къ господину пастору.

Мы стояли молча другъ противъ друга. Я положилъ съ намѣреніемъ руку на грудь, желая обратить ея вниманіе на булавку, которою былъ заколотъ мой пиджакъ; глазами просилъ ее понять, зачѣмъ, собственно говоря, я пришелъ; но бѣдняжка не понимала.

— Да, славная погода. А дома ли госпожа пасторша?

— Дома, но у нея подагра; она лежитъ на софѣ и тронуться съ мѣста не можетъ... Не передать ли чегонибудь отъ васъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.—Я предпринимаю иногда такія прогулки для моціона, послѣ сытнаго обѣда!

Я повернулъ назадъ. Чего еще болтать? Къ тому же, меня сталъ разбирать смѣхъ. Приѣмъ отъ 12 до 4; я пришелъ часомъ позже—и время благодати для меня миновало!

На Стортовѣ я присѣлъ на одну изъ церковныхъ скамеекъ. — Плохо, плохо дѣло!—Я слишкомъ усталъ для того, чтобы плакать, и сидѣлъ недвижно, какъ статуя.

Грудь моя горѣла; боль въ желудкѣ была невыносима. Жеванье стружекъ больше уже не помогало; мои челюсти отказывались отъ страшной работы, и я далъ имъ отдыхъ. Къ тому же, проглоченная апельсиновая корка, поднятая на улицѣ, причиняла отвратительную тошноту. Мнѣ очень нездоровилось, на моей рукѣ вздувались синія жилы. Я сдался судьбѣ окончательно.

Въ самомъ дѣлѣ, чего я до сихъ поръ искалъ? Цѣлый день бѣгалъ въ поискахъ за короной, чтобы протянуть свою жизнь еще на часъ. Не все ли равно, ранѣе или позднѣе придетъ неизбѣжный день?—Если бы я былъ порядочнымъ человѣкомъ, то уже давно бы пошелъ домой, легъ на постель и предался своей судьбѣ...

Мысли мои совершенно прояснились. Пора умереть. Теперь осень и все погружается въ сонъ.

Я углубился въ эту мысль и при малѣйшей надеждѣ на спасеніе шепталъ съ горечью: «Глупецъ, ты уже началъ умирать». — Но надо сначала написать нѣсколько писемъ, приготовиться, какъ слѣдуетъ, къ смерти. Я старательно умоюсь и приведу въ порядокъ постель! Голову положу на бѣлый листъ бумаги, самый чистый, какой у меня найдется, а зеленое одѣяло...

Зеленое одѣяло! Я вдругъ встрепенулся, кровь прилила къ головѣ, и сердце сильно забилося. — Я поднялся со скамьи и пошелъ домой. Жизнь снова закипѣла въ моихъ жилахъ, и я повторялъ: «Зеленое одѣяло! Зеленое одѣяло!» Я ускорилъ, но мѣрѣ силъ, свой шагъ и вскорѣ былъ въ своей жестяной мастерской.

Поспѣшно и рѣшительно подошелъ я къ постели и свернулъ зеленое одѣяло Ганса Паули — Это еще спасетъ меня! Глухой голосъ, ворчавшій когда-то на этотъ первый безчестный поступокъ, первое пятно на моей совѣсти, давно уже умолкъ. Я не добродѣтельный идиотъ и не святой; у меня, слава Богу, еще осталось немного разсудка!

Я взялъ одѣяло подъ мышку и пошелъ къ «дядюшкѣ».

Здѣсь я позвонилъ съ такимъ остервенѣніемъ, что самъ испугался. Ко мнѣ вышелъ закладчикъ, только что вставшій изъ-за обѣда, еще прожевывая кусокъ. Я подошелъ къ прилавку.

— Дайте мнѣ полъ кроны подѣ эти очки! — сказала я. Дня черезъ два я ихъ выкуплю.

— Да они стальные.

— Такъ что же?

— Я вамъ ничего не могу дать за нихъ.

— Да, разумѣется, не можете. Это я только такъ — пошутилъ. Вотъ ненужное мнѣ одѣяло, которое, можетъ быть, вамъ пригодится.

— Къ сожалѣнію, у меня цѣлый складъ одѣялъ, — отвѣтилъ тотъ и когда я развернулъ, онъ презрительно взглянулъ на одѣяло и воскликнулъ:

— Не трудитесь оно мнѣ не нужно.

— Я хотѣлъ вамъ показать его сначала съ лицевой стороны; вотъ позвольте, покажу вамъ съ-изнанки.

— Да, да, но это все равно. Мнѣ ваше одѣяло не нужно и могу предупредить васъ, что вамъ никто за него не дастъ и десяти ёръ.

— Это конечно такъ; оно старое; но я думаю, что оно могло бы сойти съ рукъ на аукціонѣ вмѣстѣ съ другими старыми одѣялами.

— Можетъ быть, но я все равно его не возьму.

— Двадцать пять ёръ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, я не хочу его; поймите, наконецъ, что я не хочу его взять!

Оставалось подхватить опять одѣяло подъ мышку и пойти домой.

Я снова постлалъ его на постель и разгладилъ, стараясь уничтожить всякій слѣдъ своего проступка.—Въ моментъ, когда я рѣшился на мошенническую продѣлку, моя голова очевидно не была въ порядкѣ; чѣмъ дальше я раздумывалъ надъ ней, тѣмъ ужаснѣе казалась она мнѣ. Мною овладѣлъ просто припадокъ слабости, больше ничего. Какъ только я, такъ сказать, влопался въ эту мерзость, какъ сейчасъ же почувствовалъ, что къ добру она не приведетъ, и поэтому затѣялъ процедуру со своими очками.—И я радовался тому, что не довелъ до конца преступленія, которое омрачило бы послѣдніе дни моей жизни.

Снова вышелъ я шататься по улицамъ. Снова сѣлъ на скамью подлѣ церкви Спасителя и опустилъ голову на грудь, въ полномъ изнеможеніи.

Всетаки на улицѣ лучше, чѣмъ дома: свѣтлѣе. Къ тому же на свѣжемъ воздухѣ мученія не такъ сильны. Домой я всегда успѣю придти.—Однако страданія и здѣсь были нестерпимы. Я поднялъ съ улицы камешекъ и положилъ его въ ротъ, чтобы только жевать, но продолжалъ сидѣть, какъ статуя. Вокругъ меня раздавался шумъ ходьбы, ѣзды и говора, и я внималъ ему, какъ бы сквозь сонъ.

Однако не попытать ли заложить пуговицы? Я очень боленъ, мнѣ надо идти домой, а «дядюшка» какъ-разъ по дорогѣ.

Я всталъ и потащился, еле волоча ноги, по улицамъ. Голова моя горѣла, ее сжимало, какъ въ тискахъ, и я, по мѣрѣ силъ, торопился — Мнѣ снова приходилось идти мимо пекарни, въ окнѣ которой былъ выставленъ хлѣбъ. «Нѣтъ, мы здѣсь не остановимся!» сказалъ я себѣ съ важностью. — Но что если войти и попросить кусокъ хлѣба Христа ради? Мимолетная, молніеносная мысль. — «Фи», прошептала я и покачала головой

Въ пассажѣ стояла влюбленная парочка и шушукалась; далѣе изъ окна выглянула молодая дѣвушка. Я шель медленно, стараясь сдѣлать видъ, какъ будто что-то обдумываю. Дѣвушка тѣмъ временемъ выбѣжала на улицу.

— Что съ тобой, пріятель? Боленъ? Этакую рожу скорчилъ! — и съ этими словами дѣвушка прошмыгнула мимо меня.

Я остановился. — Вѣроятно я очень отощаль и глаза вылѣзаютъ изъ орбитъ. Хорошо, должно быть! — Быть живымъ человѣкомъ и походить на мертвеца — вотъ какую штуку подстроилъ голодъ!

И въ послѣдній разъ во мнѣ вспыхнуло бѣшенство и дернуло по всеѣмъ мускуламъ. «Этакая рожа», — каково?.. А у меня голова на плечахъ, подобной которой надо еще поискать, и кулаки на рукахъ, которыми я могъ бы истолочь въ порошокъ любого носильщика, — и при всемъ томъ, я долженъ умирать съ голоду среди Христіаніи! Есть ли въ этомъ хоть какой нибудь смыслъ? — День и ночь работалъ я, какъ волъ, глаза свои проглядѣлъ на книгахъ — и для какого чорта? Даже уличныя дѣвки смѣются надо мною! — Ну, теперь пришла пора сказать: довольно! довольно!

Въ припадкѣ все нараставшаго бѣшенства, скрежеща зубами, плача и ругаясь, въ сознаниіи своего безсилія, я побрелъ дальше, не озираясь на прохожихъ. Я снова началъ себя мучить и наказывать: стучался головой о фо-

карные столбы, закусывалъ языкъ, когда онъ начиналъ болтать безсмыслицу, и смѣялся въ восторгъ каждый разъ, какъ причинялъ себѣ боль.

— Но что же мнѣ дѣлать?—спросилъ я себя наконецъ, и топнувъ раза два, повторилъ — что же мнѣ дѣлать?

Какой-то прохожій сказалъ мнѣ на это со смѣхомъ:

— Идти въ сумасшедшій домъ.

Я посмотрѣлъ ему вслѣдъ. То былъ одинъ изъ извѣстныхъ дамскихъ докторовъ, по прозвищу «герцогъ». Даже этотъ человѣкъ, знакомый, не узналъ меня. Я вдругъ успокоился.—Дѣйствительно, онъ правъ; я схожу съ ума. Я чувствую, какъ безуміе разливается по моимъ жиламъ и приливаетъ къ моему мозгу. Онъ правъ: именно такимъ образомъ кончить съ собою.

Я снова началъ свой долгій, угрюмый путь. Да, я послѣдую совѣту: тамъ найду я наконецъ мирный пріютъ. Я попрошу себя запереть въ сумасшедшемъ домъ.

Но я опять остановился.—Запереть?

Страхъ напалъ на меня:—я тогда опять попаду въ ратушу, въ темную камеру, безъ малѣйшаго луча свѣта. Нѣтъ, ни за что!—Есть еще исходъ, надо только найти его. Надо подумать: времени у меня довольно.

Да вотъ, напримѣръ, мнѣ могъ бы помочь нотный торговецъ Эйслеръ. Я у него еще не былъ. Можетъ быть онъ мнѣ посовѣтуетъ что либо; онъ добрый человѣкъ.— И я заплакалъ отъ умиленія.

Эйслеръ? Не указаніе ли это свыше? Навѣрное, это имя вспомнилось мнѣ не случайно, тѣмъ болѣе, что живетъ онъ далеко. Я пойду къ нему, а дорогой малость поуспокоюсь и приду въ себя. Я когда-то часто у него бывалъ и закупалъ много нотъ.—Сколько у него попросить? Полькроны? Это можетъ затруднить его: попрошу лучше цѣлую.

Я вошелъ въ лавку и спросилъ хозяина; мнѣ указали на конторку. Тамъ сидѣлъ человѣкъ, одѣтый по послѣдней модѣ, и просматривалъ книги.

Я пробормоталъ извиненіе и изложилъ свою просьбу. Будучи вынужденъ обстоятельствами обратиться къ нему...

на самое короткое время... до полученія слѣдующаго мнѣ гонорара... онъ бы мнѣ оказалъ сущее благодѣяніе.

Еще не успѣлъ я докончить, какъ онъ повернулся снова къ своей конторкѣ и принялся писать. Когда я замолчалъ, онъ покосился на меня, покачалъ своей красивой головой и сказалъ: «Нѣтъ». Только всего.

У меня затряслись колѣнки и я долженъ былъ опереться на шкапчикъ. Я не хотѣлъ уходить. Почему мнѣ пришло на память именно его имя? — Я почувствовалъ колотье въ лѣвомъ боку и облился потомъ.

— Послушайте, — сказалъ я; — обстоятельства мои очень плохи и я очень боленъ; я вамъ возвращу эту крону дня черезъ два. Неужели вы мнѣ ея не дадите?

— Отчего вы, любезнѣйшій, обращаетесь именно ко мнѣ? спросилъ онъ. — Вы мнѣ совершенно неизвѣстны. Ступайте въ редакцію, гдѣ васъ знаютъ.

— Только на этотъ вечеръ, — сказалъ я. — Редакція уже заперта, а я такъ страшно голоденъ!

Онъ только качалъ головой, качалъ ею даже тогда, когда я взялся за дверную ручку.

— Прощайте, — сказалъ я.

Значить, то не было указаніе свыше! — И губы мои скривились въ язвительную усмѣшку.

Я потащился обратно, отъ одного квартала къ другому, сядя по временамъ отдыхать на лѣстницы. — Только бы меня не заперли! Страхъ предъ заключеніемъ преслѣдовалъ меня все время и не давалъ покою; при каждой встрѣчѣ съ городовымъ, я старался проскользнуть незамѣтно въ переулокъ.

— Ну съ, просчитаемъ теперь сто шаговъ, и снова попытаемъ счастья! — вдругъ порѣшилъ я.

То была маленькая торговля вязальной шерстью, въ которой я еще никогда не былъ. За прилавкомъ стоялъ приказчикъ; вдали — контора съ надписью на дверяхъ и нѣсколько запакованныхъ ящиковъ. — Я подождать ухода покупательницы, молоденькѣй дамы, съ ямочками на щечкахъ. Какая хорошенькая! Я хотѣлъ было

преизвести на нее впечатлѣніе, но вспомнилъ о булавкѣ на пиджакѣ и отвернулся, едва удержавъ рыданіе.

— Что вамъ угодно?—спросилъ прикащикъ.

— Хозяинъ дома?—спросилъ я.

— Онъ путешествуетъ въ настоящее время въ Йотунгейменъ!—отвѣтилъ прикащикъ.—Прикажете ему что либо передать?

— Я хочу попросить у васъ нѣсколько ёръ на пищу,—сказалъ я, сился улынуться.—Я голоденъ, а у меня нѣтъ ни гроша.

— Значить, вы такъ же богаты, какъ и я,—отвѣтилъ тотъ, принимаясь за свои пачки съ шерстью.

— Не отказывайте мнѣ, умоляю васъ,—сказалъ я. и похолодѣлъ.—Я почти умираю отъ голода. Я нѣсколько дней не ѣлъ.

Съ серьезной миной, ни слова не говоря, онъ сталъ выворачивать передо мною свои карманы.— Неужели я ему не вѣрю?

— Только пять ёръ. Дня черезъ два я принесу вамъ десять.

— Другъ мой любезный, ужь не прикажете ли мнѣ для васъ обобратъ кассу?—спросилъ онъ въ нетерпѣніи.

— Да,—сказалъ я,—возьмите пять ёръ изъ кассы.

— Не на того напали,—отвѣтилъ онъ.—Больше намъ съ вами разговаривать не о чемъ!

Умирая съ голоду и старая отъ стыда, вышелъ я изъ лавки. Во имя жалкой кости я особачился—и всетаки не добился ея!—Нѣтъ, долженъ же придти всему этому конецъ! Столько лѣтъ выдерживалъ я съ гордостью всѣ испытанія—и въ одинъ мигъ упалъ такъ низко! Этотъ день запятналъ меня навсегда! Я не постыдился плакать передъ торгашами! И къ чему все это привело? — Нѣтъ, меня тошнить отъ отвращенія къ самому себѣ! Пора, пора положить всему этому конецъ!

Однако—что если запрутъ мои ворота и меня опять заключать на ночь въ ратушѣ?—Мысль эта поддержала мои силы. Я не хочу спать въ ратушѣ!—Слава Богу, на

башнѣ Спасителя только 7 часовъ; у меня еще впереди три часа. А какъ я встряхнулъ!

Мнѣ немножко полегчало, и я двинулся черепашьимъ шагомъ домой. Къ счастью, я почувствовалъ впервые въ этотъ день жажду, — къ счастью, потому что пересталъ на время чувствовать голодь. — Идти на базаръ къ фонтану? Но неизвѣстно, удержитъ ли мой желудокъ глотокъ воды и не станетъ ли мнѣ отъ него еще хуже?

А пуговицы? Онѣ еще не пускались въ ходъ! — Я остановился и засмѣялся. — Вотъ еще надежда! Я еще не безусловно погибъ! Конечно, я получу за нихъ десять ерѣ, завтра раздобуду гдѣнибудь еще десять а въ четвергъ получу гонораръ за фельетонъ! Нѣтъ, отчаяваться еще рано! Какъ это я не вспомнилъ о пуговицахъ!

Я вынулъ ихъ изъ кармана и разглядывалъ на ходу; отъ радости у меня темнѣло въ глазахъ и я больше не видѣлъ улицы, по которой шелъ.

Какъ мнѣ хорошо знакомъ этотъ огромный подвалъ, пріютъ мой въ зимніе вечера, мой другъ и кровопійца! Все мое имущество, вещь за вещью, исчезли здѣсь, всѣ мои мелочи, послѣдняя книга... Въ дни аукціона я любилъ заходить сюда и радовался, когда книги мои попадали въ хорошія руки. Я гордился тѣмъ, что актеръ Масельсенъ носить мои часы; журналъ съ моими первыми стихотворными опытами купилъ одинъ знакомый, а сюртукъ — фотографъ, для отдачи его на прокатъ своимъ кліентамъ. Я ничего не могъ возразить противъ такихъ наслѣдниковъ.

Ощупываю пуговицы въ карманѣ и вхожу. — «Дядюшка» сидитъ у конторки и пишетъ.

«Не къ спѣху», говорю я себѣ, боясь, что помѣшаю ему и приведу въ дурное настроеніе духа. Голосъ мой звучалъ странно и глухо, а сердце стучало какъ молотокъ.

Онъ обернулся ко мнѣ со своей обычной любезной улыбкой, уперся ладонями о прилавокъ и вопросительно поглядѣлъ на меня.

— Вотъ тутъ я принесъ... хотѣлъ спросить, не пригодится-ли... такъ, попалось подъ руку... нѣсколько пуговиць.

— Ну, что такое? Какія пуговицы? Зачѣмъ пуговицы?—И онъ уставился на нихъ съ недоумѣніемъ.

Не дастъ ли онъ мнѣ за нихъ нѣсколько еръ... сколько пожелаетъ... я заранѣе согласенъ.

— За эти пуговицы?—И «дядюшка» смотритъ мнѣ прямо въ глаза —За эти пуговицы?

— Ну, да, сколько можете —на сигару. Я случайно проходилъ мимо и зашелъ.

Ростовщикъ захохоталъ и сѣлъ за свою конторку. Я стоялъ и чего-то ждалъ. Я пересталъ надѣяться, какъ только вошелъ, но смѣхъ его былъ для меня смертнымъ приговоромъ.—Ничего не выйдетъ и съ очками, но попробуемъ.

— Вотъ и очки на придачу,—сказалъ я и снялъ ихъ.—Только 10 еръ; ну, хоть 5.

— Отъ вашихъ очковъ я однажды уже отказался,—сказалъ «дядюшка».

— Но мнѣ нужна почтовая марка,—сказалъ я глухо.—Я долженъ отослать одно важное письмо. Дайте хоть марку въ 10 или 5 еръ.

— Уйдите вы ради Бога!—воскликнулъ онъ съ не-терпѣливымъ жестомъ.

Чтожь! Пускай!—Машинально я надѣлъ свои очки, взялъ пуговицы и вышелъ.—Передъ дверью погреба я остановился и еще разъ взглянулъ на пуговицы.—Какъ же это онъ не взялъ ихъ! Вѣдь это почти новыя пуговицы! Не понимаю.

Пока я предавался этимъ размышленіямъ, мимо меня кто-то прошелъ въ погребъ. Этотъ человекъ толкнулъ меня и извинился; я взглянулъ на него.

— Ахъ, это ты?—сказалъ онъ вдругъ и схватилъ меня за руку.—Но что съ тобой? Какой у тебя видъ? Что ты дѣлалъ тамъ внизу?

— Такъ. Дѣла. И ты, видно, туда же?

У меня подкашивались ноги; я оперся о стѣну и протянулъ ему руку съ пуговицами.

— Что за дьявольщина!—воскликнулъ онъ. — Такъ вотъ до чего дошло?

— Прощай,—сказаль я и хотѣлъ уйти, боясь разрыдаться.

— Нѣтъ, стой, подожди!

Съ какой мнѣ стати ждать? — Онъ самъ вѣроятно несетъ «дядюшкѣ» свое обручальное кольцо, самъ голоденъ, задолжалъ хозяйкѣ.

— Впрочемъ,—сказаль я — если ты скоро вернешься...

— Конечно — отвѣтилъ онъ и взялъ меня подъ руку.—Но я вѣдь тебя знаю и не вѣрю тебѣ. Ступай вмѣстѣ со мной.

Я понялъ его намѣреніе; въ послѣдній разъ вспыхнулъ я стыдомъ и отвѣтилъ:

— Я не могу. Я обѣщаль быть въ половинѣ восьмого на Бернтъ-Анкерсъ-Гаде...

— Ладно, толкуй! Теперь уже восемь по этимъ часамъ, которые я сейчасъ заложу.—Ступай со мной, голодный шарлатанъ! Я добуду для тебя хоть 5 кронъ!

И онъ потащилъ меня за собою.

III.

Цѣлую недѣлю прожилъ я въ счастьи и довольствѣ. Я ѣлъ каждый день. Мужество мое росло. Я коваль желѣзо, пока горячо, и работаль надъ тремя-четырьмя статьями, истощавшими мой мозгъ до послѣдней мѣры. Я былъ очень доволенъ собою и своею жизнью.

Послѣдняя моя статья, стоившая мнѣ столько хлопотъ и бѣготни, была ужъ мнѣ возвращена редакціей; разгнѣванный и оскорбленный, я сейчасъ же ее уничтожилъ, даже не перечитавъ ее. Я рѣшилъ на будущее время пристроиться къ какойнибудь другой газетѣ, чтобы такимъ образомъ имѣть больше шансовъ. Въ худшемъ случаѣ я всегда могу уѣхать изъ Христіаніи на корабль: «Монахиня» стоитъ въ гавани подъ парусами — можетъ быть, за черную работу она свезетъ меня въ Архангельскъ или куда бы то ни было. Словомъ, положеніе мое уже перестало быть безвыходнымъ.

Послѣдняя схватка голода не прошла мнѣ даромъ: у меня стали лѣзть волоса, появилась страшная головная боли, въ особенности по утрамъ, и изнервничался я свыше всякихъ предѣловъ. Когда Енсъ Олафъ внизу съ громомъ запераль конюшню, или на дворѣ лаяла собака—удары пронизывали меня до мозга костей. Когда я писалъ, то принужденъ былъ заворачивать свои руки въ тряпки, такъ какъ не выносилъ собственнаго своего дыханія. Я очень подался.

День изо дня корпѣлъ я надъ работою, едва успѣваль закусить, и снова садился писать. Кровать моя и жалкій

столикъ были забросаны замѣтками и исписанными листами, которые я постоянно переправлялъ, освѣжая изложеніе новыми сильными словечками; все это стоило мнѣ необычайныхъ усилій. Въ одинъ прекрасный полдень я окончилъ статью, зунулъ ее въ карманъ, счастливый и довольный, и отправился къ «Командору». Пора уже было позаботиться о деньгахъ: всѣ почти вышли.

«Командоръ» попросилъ меня посидѣть минутку — и продолжалъ писать.

Я оглядѣлся въ маленькомъ помѣщеніи: бюсты, литографіи, вырѣзки изъ газетъ, огромная корзина для бумагъ, готовая, кажется, поглотить цѣликомъ всего человѣка. При видѣ этого бездоннаго зѣва, этой драконовой пасти, мнѣ стало очень грустно. Корзина имѣла такой видъ, какъ будто она раскрыта для того, чтобы поглощать новыя мои негодныя работы, новыя разбитыя надежды.

— Какое у насъ число? — спросилъ вдругъ «Командоръ».

— 28-е, отвѣтилъ я, радуясь возможности оказать ему маленькую услугу.

— Да, 28-е, — и онъ продолжалъ писать. Онъ вложилъ въ конверты два письма, бросилъ въ корзину какую-то рукопись, положилъ перо и обернулся ко мнѣ. Видя, что я стою у дверей, онъ сдѣлалъ полу-шутливый, полу-серьезный знакъ рукою, приглашая меня присѣсть.

Далѣе онъ не замѣтилъ отсутствія у меня жилета, я вынимаю рукопись изъ бокового кармана, повернувшись къ нему спиною.

— Маленькая характеристика Корреджіо, — сказалъ я. — Къ сожалѣнію, она переписана не очень...

Онъ беретъ у меня изъ рукъ манускриптъ и перелистываетъ. Лицо его обращено ко мнѣ.

Передо мной былъ человѣкъ, извѣстный мнѣ съ самой ранней юности; газета его имѣла для меня огромное

значение. Волосы его курчавы, прекрасные каріе глаза нѣсколько тревожны; онъ, по дурной привычкѣ, посапываетъ. Шотландскій пасторъ не могъ бы выглядѣть безобиднѣе этого писателя, слово котораго всегда оставяло кровавый рубецъ на всемъ, на что только падало. — Смѣсь страха и изумленія овладѣли мною; я думалъ сейчасъ же подойти къ нему, поблагодарить его за все, что онъ сдѣлалъ для меня и попросить не обижать меня: я самъ знаю, что я — жалкій газетный писака, но вѣдь меня донимаетъ нищета!

Онъ взглянулъ на меня и съ задумчивымъ видомъ сложилъ мою рукопись. Чтобы облегчить ему отказъ, я протянулъ руку и сказалъ:

— Вѣроятно неудобно? — И я улыбнулся, желая показать ему, что мнѣ все равно.

— Видите ли, — пробормоталъ онъ. — Намъ нужно что нибудь общедоступное. Вы знаете, какова наша публика. Не напишете ли вы о томъ же попроще? Или не принесете ли чего-нибудь болѣе подходящаго?

Его откровенная манера несказанно трогаетъ меня. Я понимаю, что моя работа забракована, но не могу не восхищаться столь симпатичнымъ отказомъ. Чтобы не задерживать его, я спѣшу заявить:

— Хорошо, я подумаю.

Я раскланиваюсь. — Гмъ. Прошу извинить, что я понапрасну затруднилъ васъ.

— Если хотите, возьмите немного впередъ въ счетъ будущаго гонорара, — предложилъ вдругъ «Командоръ».

Теперь, когда онъ призналъ меня негоднымъ сотрудникомъ, его предложеніе оскорбило меня, и я поспѣшилъ возразить:

— Нѣтъ, спасибо, я и такъ обойдусь. Впрочемъ, весьма благодаренъ. Прощайте.

До свиданья, — сказалъ тотъ, снова наклоняясь надъ своимъ письменнымъ столомъ.

И такъ, онъ со мной говорилъ съ незаслуженнымъ благоволеніемъ; я очень ему признателенъ за это — по

гробъ жизни не забуду! Я рѣшился непременно написать статью, которой не только самъ останусь вполне доволенъ, но приведу въ изумленіе и «Командора» и за которую тотъ сразу выдастъ мнѣ десять кронъ. — Я пошелъ домой и тотчасъ же принялся за писанье.

Въ слѣдующіе вечера, съ 8 часовъ вечера, когда зажигался газъ, со мной повторялось регулярно слѣдующее приключеніе.

Всякій разъ при выходѣ изъ воротъ на прогулку послѣ дневныхъ трудовъ, я постоянно замѣчалъ у фонарнаго столба даму въ черномъ, обращающую ко мнѣ свое лицо и провожавшую меня долгимъ взоромъ. Я замѣтилъ, что она бывала одѣта постоянно въ одномъ и томъ же; лицо ея закрывалъ все одинъ густой вуаль, скрывавшій ея черты и падавшій ей на грудь; въ рукѣ у нея маленькій зонтикъ съ кольцомъ изъ слоновой кости.

Я встрѣчалъ ее три вечера кряду все на томъ же мѣстѣ; когда я проходилъ мимо нея дальше, она медленно поворачивалась и уходила внизъ по улицѣ.

Моя нервная натура высунула свои щупальцы и мною овладѣло сейчасъ же предчувствіе, что эти посѣщенія предназначаются мнѣ. Я готовъ былъ заговорить съ нею, спросить, кого она ищетъ, или не нуждается-ли она въ моихъ проводахъ черезъ темные переулки — но меня останавливало неопредѣленное чувство страха: не будетъ ли это стоять стакана вина или поѣздки на извозникѣ. Абсолютная пустота моихъ кармановъ дѣйствовала на меня столь угнетающе, что у меня не хватало даже мужества внимательно взглядѣться въ нее.

Голодъ опять посѣтилъ мой убогій уголь. Со вчерашняго дня я ничего не ѣлъ. Это бы еще ничего: я привыкъ голодать. Бѣда была въ томъ, что я уже пересталъ переносить это бѣдствіе съ такимъ успѣхомъ, какъ прежде: единственный день голодовки часто совершенно оглушалъ меня, и отъ каждаго глотка воды меня тошнило. Къ тому же я ужасно мерзъ по ночамъ; я принужденъ

быль ложиться, не раздвываясь, но и при этомъ у меня зубъ на зубъ не попадалъ и по ночамъ я буквально цѣпенѣлъ и леденѣлъ. Старое одѣяло мало предохраняло отъ стужи; по утрамъ носъ мой краснѣлъ отъ стужи.

Я брелъ по улицѣ и думалъ о томъ, какъ бы мнѣ продержаться до слѣдующей статьи. Если бы у меня была свѣча, можно было бы приналечь сейчасъ же на работу — и пожалуй, завтра же статья находилась бы въ рукахъ «Командора».

Я пошелъ въ кафе, желая разыскать своего знакомаго изъ банка и попросить у него десять ёръ на свѣчу займа. Я прошелъ черезъ весь рядъ комнатъ, останавливаясь у дюжины столиковъ съ болтливыми посѣтителями, уставленныхъ всякими яствами и напитками — но нигдѣ не нашелъ своего знакомаго. Приниженный неудачей и раздосадованный, я двинулся по улицѣ по направленію къ дворцу.

Нѣтъ, не предвидится и конца этимъ гоненіямъ рока! — Размашистыми, бѣшеными шагами, завернувъ воротничокъ пиджака, стиснувъ въ карманахъ брюкъ кулаки, неся я впередъ и проклиналъ весь міръ и свож несчастную звѣзду. Вотъ уже семь, восемь мѣсяцевъ, какъ не выпадаетъ на мою долю ни одного безпечнаго часа; самое большее — недѣлю живу болѣе или менѣе сносно, а затѣмъ снова стучится ко мнѣ въ двери нужда. Мало того: при всемъ своемъ бѣдствіи я до сихъ поръ еще честень — ха, ха, ха! — святъ, какъ юродивый!

И я принялся рассказывать себѣ исторію, какъ я носилъ къ закладчику одѣяло Ганса Паули. Я хохоталъ надъ своею порядочностью, плевалъ презрительно на тротуаръ и не находилъ словъ для глумленія надъ своею глупостью. Значить, и по дѣломъ! Если я теперь найду сбереженный пфеннигъ школьника, или послѣдній грошъ вдовы, я уже не постѣснюсь преспокойно положить ихъ въ свой карманъ и засну затѣмъ сномъ праведника. Не даромъ я такъ долго страдалъ: терпѣніе мое истошилось, и я готовъ на все!

Я четыре раза обѣжалъ вокругъ дворца, сдѣлалъ боль-

шой крюкъ по парку и затѣмъ, черезъ улицу Карла Югана, пошелъ домой.

Одиннадцать часовъ. На улицѣ было довольно темно сновали прохожіе, но господствовало оживленіе. Настала пора, когда кончается дневная суетня и начинается ночное веселье. Шелестъ шелковаго платья, короткій чувственный смѣшокъ, вздымающаяся грудь; выразительное покашливанье, доносящійся изъ глубины улицы возгласъ: «Эмма»!.. Вся улица обратилась въ болото, изъ котораго подымались горячіе пары.

Невольно сунуль я руку въ карманъ: нѣтъ ли тамъ двухъ кронъ. Страсть, трепещущая въ движеніяхъ прохожихъ, тусклый свѣтъ газовыхъ фонарей, тихая, тайной чреватая, ночь, воздухъ, насыщенный шепотомъ, объятіями, робкими признаніями, недосказанными словами, подавленными вздохами,—все это сильно дѣйствовало на меня.—Вонъ тамъ, на крышѣ, съ громкимъ крикомъ кошки предаются наслажденіямъ любви—а у меня нѣтъ даже двухъ кронъ! Какое бѣдствіе—обнищать до такой степени! Какое униженіе! какое безчестіе!

И снова мнѣ приходилось думать о послѣдней лептѣ вдовицы, которую я укралъ бы, о шапкѣ или носовомъ платкѣ школьника, о торбѣ нищаго, которую я стащилъ бы къ старьевщику.—Чтобы какънибудь утѣшиться и поразвлечься, я сталъ находить всевозможные недостатки въ тѣхъ веселыхъ людяхъ, которые шмыгали мимо меня, пожималъ плечами и презрительно глядѣлъ на нихъ въ упоръ. Эти самодовольные, лакомые студентики воображаютъ, что имъ море по колѣно, когда у нихъ хватаетъ смѣлости ровно настолько, чтобы ударить по бедру какуюнибудь швеечку! Эти франтики, банковые писарьки, солидные купчишки, бульварные львенки—какъ они мелки и ничтожны!—И я плюнулъ съ энергіей, не обращая вниманія, не попалъ ли на когонибудь изъ нихъ; во мнѣ кипѣла злоба и презрѣніе къ этимъ людямъ, которые спаривались передъ моими глазами. Я высоко поднялъ голову, чувствуя возможность идти путемъ добродѣтели.

У Стортинга я встрѣтился съ дѣвушкой, которая бросила на меня вызывающій взглядъ. Я покачалъ головою.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ я.—Марія? Вотъ вы послушайте, Марія.—И я сталъ объяснять ей свое поведеніе, къ величайшему ея изумленію.—Неужели она считаетъ меня за одного изъ тѣхъ, кто шляется по ночамъ и подстерегаетъ молодыхъ дѣвушекъ? Чѣмъ заслужилъ я такую несправедливость? Зовутъ меня—пасторъ такой-то. Спокойной ночи! Иди и не грѣши!

И я ушелъ.

Въ восхищеніи отъ своей счастливой мысли, я потиралъ руки и громко разговаривалъ съ собою. Что за восторгъ—сдѣлать мимоходомъ доброе дѣло! Быть можетъ, я подалъ этому павшему созданію руку въ самый критическій моментъ ея жизни! Я спасъ ее отъ гибели на вѣчныя времена! Она убѣдится въ томъ, когда одумается, и даже на смертномъ одрѣ съ благодарностью вспомнить обо мнѣ... Нѣтъ, еще стоитъ быть честнымъ и порядочнымъ человѣкомъ!

Я сіялъ и чувствовалъ себя изумительно свѣжимъ и бодрымъ —Если бы только раздобыть свѣчу! Статья навѣрное удастся мнѣ!—Напѣвая и насвистывая, вертя новымъ ключомъ на пальцѣ, я шелъ и раздумывалъ о покупкѣ свѣчи.—Ничего не остается другого, какъ идти съ бумагой къ газовому фонарю.—Я отворилъ дверь,—прошелъ къ себѣ, взялъ бумагу и вынесъ ее къ уличному фонарю.

Тишина. Только съ переулка доносятся тяжелые, шаги городского, да гдѣ-то въ Гансгаугенѣ лаетъ собака. Мнѣ ничего не мѣшаетъ. Я подымаю воротникъ пиджака и задумываюсь.—Это выйдетъ великолѣпно, если мнѣ удастся присочинить конецъ, достойный всей статьи! Необходимо сдѣлать незначительный, но сильный поворотъ къ новой мысли, затѣмъ послѣдуетъ громкій, стремительный финалъ, затѣмъ—замираніе успокоившейся мысли и въ концѣ—новая мысль, неожиданная и потрясающая, какъ выстрѣлъ, или грохотъ падающей лавины. И точка.

Но статья не клеилась. Я просмотрѣлъ все сначала

до конца, перечиталъ каждую фразу — и все-таки никакъ не могъ собрать своихъ мыслей для трескучаго заключенія. Къ тому же, пока я это обдумывалъ, неподалеку отъ меня сталъ городской и испортилъ мнѣ все мое настроеніе. Въ сущности, какое ему дѣло, пишу ли я подъ газовымъ фонаремъ или за своимъ письменнымъ столомъ? — Нѣтъ, мнѣ, видно, никогда не выльзть изъ проклятой нищеты!

Я простоялъ такимъ образомъ съ часъ. Городовой расхаживалъ передо мною взадъ и впередъ, такъ какъ было слишкомъ холодно для того, чтобы стоять на одномъ мѣстѣ. Окончательно упавъ духомъ послѣ этой неудачной попытки, я отворилъ калитку и пошелъ въ свою комнату.

Въ ней было ужасно холодно и такъ темно, что я не могъ разобрать, гдѣ окно. Ощупью добрался я до постели, снялъ сапоги и сталъ отогрѣвать свои ноги руками; затѣмъ легъ — въ одеждѣ по обыкновенію — и уснулъ.

Когда разсвѣло, я усѣлся на кровати и сталъ продолжать свою статью. Я пролежалъ такимъ образомъ до полудня, но могъ написать всего десять, двадцать строкъ. До конца все еще было далеко.

Я всталъ, одѣлъ сапоги и побѣгалъ по комнатѣ, чтобы отогрѣться. Окна заиндевѣли. Я выглянулъ, — шелъ снѣгъ; на камняхъ и водопроводѣ во дворѣ лежалъ густой бѣлый слой.

Я предпринималъ, къ собственному своему изумленію, нѣчто въ высшей степени странное: царапалъ по стѣнѣ, стучалъ указательнымъ пальцемъ по половицамъ и прислушивался къ чему-то, но съ важнымъ и сосредоточеннымъ видомъ. По временамъ я останавливалъ себя и восклицалъ громко: «Боже праведный, — да вѣдь я схожу съ ума!» — но затѣмъ продолжалъ все тѣ же нелѣпыя дѣйствія.

Долго это продолжалось — нѣсколько часовъ. Наконецъ я овладѣлъ собою, закусилъ губы, съ рѣшительностью зажевалъ стружку и усѣлся писать.

Съ величайшими усиліями вывелъ еще два короткихъ предложенія, двадцать вымученныхъ словъ—и уже не могъ больше продолжать. Голова оказалась совершенно пуста и я только таращилъ глаза на неоконченную страницу, на странныя, дрожащія буквы, копошившіяся на бумагѣ подобно крохотнымъ наѣдомымъ; я уже не могъ ни повимать, ни соображать, ни даже думать.

Время шло. До меня доносился шумъ на дворѣ, топанье лошадей, слышалась пѣсня Енса Олафа. Я былъ совершенно истомленъ и только по временамъ чмокалъ губами; грудь давило и тѣснило

Темнѣло. Я обезсиливаль все болѣе и болѣе и былъ принужденъ наконецъ лечь на кровать. Чтобы согрѣть руки, я соваль ихъ въ свои волосы, вырывая приэтомъ ослабѣвшія пряди, которыя раскидываль по подушкѣ. Меня это очень занимало и я утѣшалъ себя тѣмъ, что у меня останется еще достаточно волосъ!

Но я снова попытался выйти изъ этого оцѣпенѣнія, превращавшаго меня въ какой-то призракъ. Я вскочилъ, ударилъ себя по колѣнкѣ, крикнулъ, какъ только позволяла мнѣ моя больная грудь—и снова упалъ. Ничего не помогло: глаза широко раскрылись и остановились; мнѣ казалось, что я умираю.

Тогда я всунулъ въ ротъ мизинецъ и сталъ его сосать. Въ мозгу что-то какъ будто зашевелилось и родилась мысль: не укусить ли? И долго не думая, я закрылъ глаза и сжалъ зубы.

Я вскочилъ. Наконецъ-то я очнулся. Изъ пальца сочилась кровь, которую я понемногу слизываль. Мнѣ не было больно: ранка была крошечная—но я сразу пришелъ въ себя; я покачалъ головой и подошелъ къ окну, гдѣ нашель кусочекъ тряпки, которою и обвязаль себѣ палецъ. Тѣмъ временемъ слезы прихлынули къ глазамъ и я тихо заплакалъ: тощій, укушенный палецъ представлялъ очень грустное зрѣлище.—Боже мой, до чего пришлось дожить!

Мракъ густѣлъ.—Весьма вѣроятно, что я допишу

свою статью, если у меня будетъ свѣчка. Голова моя прояснилась, мысли пришли въ порядокъ и боли поулеглись: голодъ поотошелъ; очевидно, я легко выдержу до завтрашняго утра. Кто знаетъ, можетъ быть мнѣ дадутъ свѣчку въ кредитъ, если я разъясню лавочнику свое положеніе. Въ лавочкѣ меня знаютъ: я покупалъ тамъ не разъ хлѣбъ въ лучшія времена, когда у меня водились деньги. Несомнѣнно, мнѣ дадутъ свѣчку на честное слово.—И въ первый разъ, спустя долгое время, я старательно пообчистился, снялъ ключья волосъ съ пиджака, насколько удалось это сдѣлать въ потемкахъ, и ошущью спустился внизъ по лѣстницѣ.

Когда я вышелъ на улицу, мнѣ вдругъ пришло въ голову попросить вмѣсто свѣчки хлѣба. Я остановился въ нерѣшимости и задумался.— Ни за что!—рѣшилъ я наконецъ. Я не въ состояніи переваривать пищу: начнется старая исторія съ видѣніями, предчувствіями и безумными затѣями, я не окончу статьи во время, и «Командоръ» забудетъ обо мнѣ. Ни за какія коврижки!—И съ мыслью о свѣчѣ я вошелъ въ лавку.

Около прилавка стоитъ какая то покупательница, обложенная всевозможными пакетиками. Прикащикъ, знающій меня и мои привычки, оставляетъ на время эту женщину, заворачиваетъ, ни слова не говоря, хлѣбъ и подаетъ его мнѣ.

— Нѣтъ, на этотъ разъ я попрошу свѣчу, — сказалъ я тихо и скромно, чтобы не разсердить его и не испортить всего дѣла.

Мой отвѣтъ приводитъ его въ смущеніе; мое неожиданное заявленіе совершенно сбиваетъ его съ толку. Я въ первый разъ не потребовалъ отъ него хлѣба.

— Въ такомъ случаѣ я попрошу васъ минутку обождать, — говоритъ онъ и обращается снова къ покупательницѣ.

Она получаетъ покупку, платитъ, даетъ пяти-кроновую бумажку, получаетъ сдачу и уходитъ. Мы съ прикащикомъ одни.

— Ахъ, да, вы ждете свѣчку.—Онъ вскрываетъ па-
кетъ съ свѣчами и вынимаетъ одну.

Онъ смотритъ на меня, а я не въ состояніи громко
сказать о своей просьбѣ.

— Боже мой, я и забылъ, что вы уже заплатили!—
вдругъ спохватился прикащикъ, отсчиталъ въ кассѣ
крану за кроной, блестящими, тяжелыми монетами, и далъ
мнѣ сдачу съ якобы полученной пяти-кроновой кредитки.

— Пожалуйста, — сказалъ онъ.

Я стою съ секунду и смотрю на золото; я понимаю,
что дѣло какъ будто не чисто, но не соображаю ничего и
только люблюсь богатствомъ, сіяющимъ передъ моими
глазами. Затѣмъ я машинально зажимаю его въ кулакъ,
отшавъ отъ изумленія, дѣлаю шагъ къ двери и снова
останавливаюсь. Глаза мои устремлены на полку, съ ко-
торой свѣшивается бубенчикъ на ремешкѣ и связка би-
чевокъ.

Прикащикъ вообразилъ, что я желаю начать съ нимъ
разговоръ и сказалъ, собирая въ кучу оберточную бумагу
на прилавкѣ:

— Вотъ и зима ужъ на дворѣ!

— Да, дѣйствительно, зима, — отвѣтилъ я. — Зима
ужъ на дворѣ. Да и пора!

Я прислушиваюсь, какъ будто къ словамъ совершенно
посторонняго человѣка, и говорю совершенно безсозна-
тельно.

— Пожалуй, что и пора, — отозвался прикащикъ.

Я сунулъ руку съ деньгами въ карманъ, нажалъ за-
щелку и вышелъ; прикащикъ пожелалъ мнѣ вдогонку
доброй ночи и я отвѣтилъ такимъ же пожеланіемъ.

Я уже прошелъ два шага, какъ онъ опять позвалъ
меня. Я обернулся къ нему спокойно, безъ малѣйшаго
страха; я только сгрѣбъ деньги, чтобы сейчасъ-же воз-
вратить ему.

— Вы забыли свѣчу.

— Благодарю васъ, — отвѣтилъ я совершенно невозму-
тимо и пошелъ домой.

Первою моею мыслью было—что у меня есть деньги! Я подошелъ къ фонарю, пересчиталъ ихъ, взвѣсилъ на рукѣ и засмѣялся. — Ну, теперь мнѣ повезло, изумительно повезло на долгое, долгое время! — Я сунулъ деньги въ карманъ и продолжая свой путь, остановился передъ рестораціей въ Старгаде, гдѣ сталъ прислушиваться къ стуку ножей, тарелокъ и сѣчки, рубившей мясо. Искушеніе было слишкомъ велико. Я вошелъ.

— Бифштексъ!

— Бифштексъ! — повторила прислужница черезъ отверстіе въ кухню.

Я усѣлся у маленькаго столика около дверей и сталъ ждать. Въ моемъ углу было довольно темно, я чувствовалъ себя уединеннымъ и погрузился въ раздумье, причемъ по временамъ замѣчалъ на себѣ любопытный взглядъ прислужницы.

Я совершилъ первую подлость, въ сравненіи съ которой всѣ мои прежнія продѣлки и попытки — ничто. Наплевать!.. Впрочемъ я могу всегда уладить дѣло съ лавочникомъ впоследствии и перестану катиться внизъ. Конечно, мои обстоятельства поправятся... съ легкой руки прикащика... Все равно, никто меня не обязываетъ быть честнѣе прочихъ смертныхъ.

— Ну, что же, — скоро бифштексъ?

— Сейчасъ. — Она отворяетъ форточку въ кухню и заглядываетъ туда

А если дѣло выплыветъ на свѣтъ Божій? Если прикащикъ вспомнитъ, что пять кронъ заплачены только однажды, тою покупательницею? Онъ мнѣ скажетъ это, когда я въ слѣдующій разъ зайду въ его лавку. — Наплевать! — И я пожалъ плечами

— Пожалуйста, — сказала дружелюбно прислужница и поставила передо мной на столъ бифштексъ. — Но не пойдете ли вы въ другую комнату? Здѣсь такъ темно!

— Нѣтъ, благодарю васъ, мнѣ и здѣсь хорошо, — отвѣтилъ я. — Привѣтливость ея тронула меня. — Я сейчасъ же плачу за бифштексъ, вынимаю монету наудачу ей на чаекъ

и шучу со слезами на глазахъ: — А на остальное купите себѣ домъ!

— Кушайте на здоровье!

Я сталъ ѣсть, жадничая, проглатывая большіе куски, не разжевывая, звѣрски наслаждаясь каждый разъ, какъ набивалъ ротъ, разрывая мясо съ восторгомъ людоѣда.

Прислужница снова подошла ко мнѣ.

— Не хотите ли чегонибудь выпить?—и она нагнулась ко мнѣ. Я взглянулъ на нее: она говорила очень тихо, робко, и потупляла взоръ.

— Можетъ быть стаканъ пива, если пожелаете?

— Нѣтъ, благодарю васъ,—и я засмѣялся.—До слѣдующаго раза.

Она ушла за прилавокъ, такъ что я уже не видѣлъ ея больше.—Странная дѣвушка!

Я поспѣшилъ уйти: мнѣ стало вдругъ дурно. Я кивнулъ головой прислужницѣ, стараясь скрыть отъ нея свое состояніе.

Пища подѣйствовала на меня самымъ зловреднымъ образомъ, и я принужденъ былъ разстаться съ нею. Въ каждомъ гемномъ углу, по дорогѣ я извергалъ ее, тщетно борясь съ сверлящими меня болями, сжимая кулаки, топая ногами, стараясь проглатывать куски, не принимаемые организмомъ,—но все тщетно! Я забѣжалъ въ темную аллею и здѣсь, почти ослѣпленный хлынувшими слезами, принужденъ былъ изрыгнуть весь свой ужинъ.

Я былъ внѣ себя отъ бѣшенства, рыдалъ и проклиналъ невѣдомыя силы, преслѣдовавшія меня, призывалъ на нихъ всѣ муки ада.—Какъ подло, неслыханно подло поступаетъ со мною судьба!

По дорогѣ я забѣжалъ въ какую-то лавочку, и спросилъ купца, не знаетъ ли онъ какогонибудь средства отъ застарѣлаго голода. Дѣло идетъ о жизни: больной не можетъ переносить бифштекса.

— Я слышалъ, что молоко помогаетъ, кипяченое молоко,—отвѣтилъ тотъ съ растеряннымъ видомъ.—Но отчего вы это спрашиваете?

— Спасибо, спасибо! Кипяченое молоко! — воскликнулъ я и убѣжалъ.

Я зашелъ въ первое попавшееся кафе и спросилъ кипяченаго молока. Я выпилъ его, обжигаясь каждымъ глоткомъ, расплатился, и пошелъ домой.

Опять это непонятное приключеніе! — Около моихъ воротъ, у газоваго фонаря, въ яркомъ его свѣтѣ, стоитъ фигура, которую я узналъ еще издали, — все та же дама въ черномъ. Ошибка невозможна; уже четвертый разъ встрѣчаю я ее все на одномъ мѣстѣ. Она стоитъ неподвижно, въ ожиданіи.

Я невольно замедляю шагъ и привожу въ порядокъ свои мысли. Однако я возбужденъ: нервы ходуномъ ходятъ послѣ этого ужина. Я прохожу мимо нея къ воротамъ, не останавливаюсь, но вдругъ круто поворачиваюсь къ дамѣ и говорю, глядя ей прямо въ лицо:

— Добрый вечеръ, сударыня!

— Добрый вечеръ.

Ищеть ли она когонибудь? Я уже раньше встрѣчалъ ее на этомъ мѣстѣ: не могу ли я ей быть чѣмънибудь полезенъ? Впрочемъ заранѣе прошу тысячу извиненій за навязчивость.

Она, право, не знаетъ....

Въ этомъ дворѣ никого не живетъ кромѣ легковыхъ извозчиковъ. Если она когонибудь ищеть, то значитъ навѣрное ошибается адресомъ.

Она поворачивается ко мнѣ и говоритъ:

— Я никого не ищу. Я здѣсь такъ стою. Просто пришло въ голову...

Понимаю! Ей просто пришло въ голову постоять здѣсь нѣсколько вечеровъ кряду!

Это однако странно — и я начинаю недоумѣвать насчетъ этой дамы. — Однако смѣлость города беретъ!

Я позвякалъ деньгами въ карманѣ и попросту пригласилъ ее зайти куданибудь со мною, выпить стаканъ вина; это не помѣшаетъ дѣлу зимнее, хе, хе! Или ей это не желательно?

Нѣтъ, она не можетъ и не должна принимать подобнаго приглашенія. Но если я провожу ее немного, то она... Здѣсь такъ темно, а по улицѣ Карла Югана возвращаться въ такое время небезопасно!

Мы двинулись вмѣстѣ, подѣ руку. Странное и прекрасное чувство овладѣло мною, сознание близости молодой дѣвушки. Я украдкой поглядывалъ на нее. Ароматъ ея волосъ, теплота ея тѣла, благоуханіе женственности, исходившее отъ нея, ея свѣжее дыханіе при поворотѣ ко мнѣ головки—все это захватывало меня, очаровывало и будило чувственность. Я различалъ подѣ вуалемъ полное, блѣдноватое лицо и высокую грудь подѣ плащемъ. Мысль о всѣхъ скрытыхъ подѣ этимъ вуалемъ и плащемъ прелестяхъ смущала меня и приводила въ сладостное оцѣпенѣніе. Я не выдержалъ дольше, коснулся рукою ея плеча и засмѣялся. Сердце мое громко стучало.

— Какая вы странная! — сказала я.

Отчего я такъ думаю?

Во первыхъ, у нея непонятная привычка прѣстаивать вечера около конюшни только на томъ основаніи, что это ей приходится въ голову.

Однако у нея могутъ быть на то свои причины. Кромѣ того, она съ охотою остается на улицѣ попозднѣе, такъ какъ не любитъ рано ложиться спать. А я въ какомъ часу ложусь?

Поздно; я тоже очень люблю вечернія прогулки.

Ну, вотъ видите! Отчего же и ей не гулять по вечерамъ! Она любитъ далекія прогулки; живетъ она на площади св. Олафа.

— Илайяли! — воскликнулъ я.

-- Что вы сказали?

— Илайяли. Но это такъ. Продолжайте.

Она живетъ на площади Олафа съ матерью, глухой старушкой, съ которой нельзя ни о чемъ говорить. Что же удивительнаго, если она для развлеченія ходитъ гулять?

Конечно.

Такъ зачѣмъ же я спрашиваю?—И въ голосѣ ея послышался смѣхъ.

Нѣтъ ли у нея сестры?

Да, есть, старше ея. Почему я знаю? Но она уѣхала въ Гамбургъ.

Давно ли?

Съ мѣсяць тому назадъ. Почему я однако знаю, что у нея есть сестра?

Я такъ спросилъ.

Мы помолчали. Мимо насъ прошелъ подмастерье съ сапогами подъ мышкой, а затѣмъ улица опустѣла. Въ Тиволи свѣтился рядъ цвѣтныхъ фонарей. Свѣтъ пересталъ идти и небо прояснилось.

— Боже мой, не холодно ли вамъ безъ пальто?—спросила она и вдругъ остановилась.

Сказать ли ей, почему у меня нѣтъ пальто? Открыть ей всю тайну и оттолкнуть ее тѣмъ отъ себя разъ навсегда?—Нѣтъ,—это такое наслажденіе идти рядомъ съ нею и чувствовать ея довѣріе!—Я засмѣялся и отвѣтилъ:

— Помилуйте, еще не зима!—И я поспѣшилъ затронуть другую тему.—Смотрѣли вы звѣринець въ Тиволи?—Нѣтъ,—отвѣтила она.—Стоитъ посмотрѣть?

Только бы ей не вздумалось пойти туда. Тамъ такъ свѣтло и столько народу! Я ее только скомпрометирую: за мою плохую одежду и тощее, невымытое лицо насъ обоихъ выгонять; при этомъ она пожалуй замѣтитъ, что намъ нѣтъ жилета.

— О, нѣтъ! — поспѣшилъ я разочаровать ее, — тамъ нечего смотрѣть.—И въ изсохшемъ мозгу моемъ дрогнуло нѣчто, похожее на остроуміе.—Развѣ можетъ быть любопытенъ такой крошечный звѣринець? Да и вообще звѣри въ клѣткахъ не представляютъ для меня ни малѣйшаго интереса. Звѣри эти прекрасно знаютъ, что они на выставкѣ и вѣчно сконфужены. Интересно взглянуть на настоящихъ звѣрей въ ихъ логовищѣ, гдѣ они лежатъ съ

блестящими зелеными глазами, лижутъ лапы и размышляютъ съ важнымъ видомъ. Не такъ ли?

Да, она вполнѣ со мною согласна.

Звѣрь въ естественномъ состояніи представляетъ, дѣйствительно, замѣчательное зрѣлище. Безшумные, крадущіеся шаги во мракѣ; грозное молчаніе лѣса; крикъ испуганной птицы; вѣтеръ; запахъ крови; шумъ листвы; пробуждающійся въ зрителѣ кровожадный инстинктъ; поэзія безсознательнаго...

Но я боялся утомить ее и замолчалъ. Воспоминаніе о нищетѣ снова принизило, расхолодило меня. — Если бы я былъ одѣтъ поприличію, мы могли бы предпринять эту прогулку по Тиволи. Я просто не понимаю, какое удовольствіе можетъ доставлять прогулка по улицѣ Карла Югана съ полуголымъ нищимъ? И съ какой стати иду я съ нею, охорашиваюсь и смѣюсь неизвѣстно чему? Зачѣмъ я поддался просьбѣ этой прекрасной, шелковисто-нѣжной пташки? Развѣ мнѣ самому легка эта прогулка? Развѣ не чувствую я смертельный холодъ въ сердцѣ при малѣйшемъ дуновеніи встрѣчнаго вѣтерка? Развѣ не гнѣздится въ моемъ мозгу голодное безуміе? Зачѣмъ же она помѣшала мнѣ идти домой и выпить еще молока, которое вѣроятно усвоилъ бы на этотъ разъ мой организмъ? — А главное — отчего она до сихъ поръ не повернулась ко мнѣ спиной и не прогнала меня ко всѣмъ чертямъ?

Я пришелъ въ отчаяніе и заявилъ ей съ безнадежнымъ уныніемъ:

— Вамъ бы не слѣдовало идти со мною, сударыня. Я компрометирую васъ своимъ костюмомъ.

Она мелькомъ взглянула на меня и воскликнула:

— Боже праведный!

— Я говорю правду, — сказалъ я.

— Нѣтъ, мнѣ все равно... Уже недалеко. — И она ускорила шагъ.

Мы завернули въ Университетскую улицу и увидѣли издали фонари площади Святого Олафа. Она пошла опять медленнѣе.

— Я не хочу быть нескромнымъ, — сказалъ я, — но только желалъ бы узнать ваше имя, передъ тѣмъ, какъ мы разстанемся. И не подымете ли вы вуаль хоть на минутку, чтобы я могъ видѣть васъ!

Пауза.

— Вы ужь видѣли меня однажды, — сказала она.

— Илайяли! — воскликнулъ я.

— Вы меня преслѣдовали все утро. Вы были тогда на-веселѣ?

Я опять услышалъ въ голосѣ ея смѣхъ.

— Да, къ несчастію, я былъ тогда на-веселѣ!

— Фи, какъ это скверно!

И я согласился, совершенно уничтоженный, что это, дѣйствительно, очень скверно.

Мы дошли уже до фонтана и стояли передъ освѣщенными окнами дома № 2.

— Дальше намъ нельзя идти, — сказала она. — Благодарю васъ за ваши проводы!

Я поклонился и умолкъ отъ робости; снявъ шляпу, я покорно склонилъ передъ нею голову. — Подастъ ли она мнѣ руку на прощанье?

— Отчего вы не просите пройтись со мной еще немного? — спросила она тихо, глядя на носокъ своего башмака.

— Если бы я зналъ, что вы позволите это! — воскликнулъ я съ жаромъ.

— Пройдемтесь еще немного!

И мы повернули назадъ.

Я былъ совершенно смущенъ и не понималъ, идти ли мнѣ, или стоять на мѣстѣ; эта женщина сбила меня окончательно съ толку. — Я вдругъ повеселѣлъ и мнѣ показалось, что я не переживу этого мгновенья. Да, она сама пожелала пройтись со мною еще немного: такова была ея собственная, — не моя просьба! — Я взглядываю на нее и окончательно шалѣю отъ восторга. На мгновенье забываю я всю свою нищету, жизнерадостность катится по жиламъ

вмѣстѣ съ разгоряченной кровью—мнѣ хочется даже подразнить свое божество!

— Я преслѣдовалъ тогда въ сущности не васъ, а вашу сестру,—сказалъ я.

— Сестру?—спросила она вдругъ серьезнымъ, испуганнымъ голосомъ

— Да, — отвѣтилъ я. — То есть, младшую изъ тѣхъ дамъ, за которыми я шелъ.

— Младшую? Ха-ха-ха! — залилась она откровеннымъ, дѣтскимъ смѣхомъ.—Какой же вы хитрецъ! Вы сказали это для того, чтобы я подняла вуаль. Не правда ли? О, я сразу это замѣтила. Вотъ и не сниму... въ наказанье!

Мы смѣялись и шутили, болтая всякій вздоръ, не понимая своихъ словъ и еще болѣе отъ того веселѣя.—Она сказала мнѣ между прочимъ, что видѣла меня съ тѣхъ поръ однажды въ театрѣ. Я былъ тамъ съ товарищами и велъ себя, какъ полоумный. Вѣроятно, я и тогда былъ на-веселѣ.

Отчего она такъ думаетъ?

Оттого, что я такъ много смѣялся.

Въ самомъ дѣлѣ? Ахъ, да, дѣйствительно, я много смѣялся!

А теперь мнѣ весело?

О, еще бы!

Мы дошли до улицы Карла-Югана.—«Дальше не пойдемъ»,—сказала она, и мы повернули опять на Университетскую. Дойдя до фонтана, я замедлил шагъ, чувствуя, что свиданіе кончено.

— Теперь вы вернетесь,—сказала она и остановилась.

— Да, я знаю.

Но она заявила — почему бы мнѣ не проводить ее до дверей? Вѣдь въ этомъ нѣтъ ничего такого! Не правда-ли?

— Нѣтъ,—отозвался я.

Около подъѣзда я снова ощутилъ свое бѣдственное положеніе. Можно ли сохранить мужество, если оно переломлено пополамъ? Въ какомъ видѣ стою я передъ

молодой дамой? — обезображенный голодомъ, невытѣй, наполовину одѣтый; хотъ сквозь землю провались!

Я съежился, сторбился и спросилъ:

— Смѣю ли я просить васъ о новой встрѣчѣ?

Я не надѣялся на то, что она назначить мнѣ новое свиданіе; я хотѣлъ только услышать отъ нея рѣзкое «нѣтъ», которое образумило бы меня разъ навсегда.

— Да,—сказала она еле слышно

— Когда?

— Не знаю.

Пауза.

— Неужели же вы не подымете вуаля хотъ на минуточку,—сказалъ я,—и не покажетесь мнѣ? Только на минуточку! Я долженъ видѣть, съ кѣмъ говорилъ!

Пауза.

— Ожидайте меня здѣсь во вторникъ вечеромъ,—говорить она.—Хотите?

— Дорогая моя! Хочу ли я?

— Около восьми.

— Хорошо.

Я провелъ рукою по ея плащу и счистилъ снѣгъ—чтобы только коснуться ея подъ какимъ нибудь предлогомъ; сознаніе близости ея наполняло меня неописуемымъ блаженствомъ.

— Однако вы не должны думать обо мнѣ дурно,—сказала она и снова засмѣялась.

— Нѣтъ...

Внезапно она сдѣлала рѣшительное движеніе и отбросила вуаль. Мы глядѣли другъ на друга.

— Илайяли! —прошептала я.

Она выпрямилась, обвила руки вокругъ моей шеи и поцѣловала меня въ губы. Она обожгла меня этимъ единственнымъ поцѣлуемъ :я не успѣлъ и вскрикнуть, и лишь почувствовалъ колыханіе ея груди.

Затѣмъ она сказала глухимъ голосомъ: «до свиданья», и повернула къ двери, пошатываясь на ступенькахъ.

Дверь съ трескомъ заперлась съизнутри...

На слѣдующее утро опять шелъ снѣгъ, но вмѣстѣ съ дождемъ, тяжелыми, мокрыми хлопьями, разводившими слякоть. Погода была мерзвѣйшая.

Съ головой, полной вчерашнихъ волненій, съ сердцемъ, полнымъ сладостнаго покоя, проснулся я поздно утромъ. Въ упоеніи я пролежалъ еще немножко, представляя около себя Илайяли; я распротеръ руки, обнялъ самого себя и поцѣловалъ воздушное пространство. Затѣмъ всталъ, выпилъ въ кафе чашку молока, съѣлъ бифштексъ и почувствовалъ себя сытымъ. Нервы однако были туго натянуты.

Я пошелъ на толкучій рынокъ. Мнѣ хотѣлось купить какой нибудь подержанный жилетъ—чтобы только чувствовать что-нибудь подъ своимъ пиджакомъ. Я нашелъ подходящий, но пока прицѣнивался, меня подозвалъ знакомый; я оставилъ жилетъ и подошелъ къ нему. Онъ былъ техникъ и бродилъ по улицамъ передъ уходомъ въ бюро.

— Зайдемъ, выпьемъ стаканъ пива,—сказалъ онъ.— Но только поскорѣе: у меня мало времени. Съ какой это дамочкой вы вчера разгуливали?

— Послушайте,—сказалъ я, краснѣя отъ одного его намека, — имѣйте въ виду, что вы говорите о моей невѣстѣ.

— Фу ты, дьяволъ!

— Да, она моя невѣста!

Онъ устыдился и повѣрилъ мнѣ на слово. Я навралъ ему съ три короба, чтобы только отдѣлаться отъ него. Мы выпили по кружкѣ пива и разошлись.

— Такъ до свиданья! Ахъ, знаете, —неожиданно прибавилъ онъ,—я долженъ вамъ нѣсколько кронъ и мнѣ право совѣстно, что я до сихъ поръ не отдалъ ихъ вамъ. Но вы получите ихъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

— Благодарю васъ,—сказалъ я. Впрочемъ я зналъ, что онъ мнѣ ихъ никогда не отдастъ.

Къ сожалѣнію, пиво ударило мнѣ въ голову и меня

сейчасъ же бросило въ жаръ. Мысль о вчерашнемъ приключеніи овладѣла мною и совершенно смутила меня.

Что, если она не придетъ во вторникъ? Если она станетъ раздумывать, почувствуетъ недоувѣріе? Гмъ... Недоувѣріе? По поводу чего же?

Тутъ мысли мои прояснились и я вспомнилъ о вчерашней сдачѣ. Мнѣ стало совѣстно и я ужаснулся самого себя. Мошенничество, во всѣхъ его подробностяхъ, предстало передъ моими глазами. Я видѣлъ лавочку, прилавокъ, свою тощую руку, сгребавшую золото... и входящую въ эту минуту полицію. Что они сдѣлають со мною? Закують руки и ноги? Нѣтъ, только руки, можетъ быть даже только одну руку. Вотъ барьеръ въ ратушѣ; дежурный скрипитъ перомъ—пожалуй для этой цѣли вынетъ новое перышко. Онъ глядитъ на меня насмѣшливо: «Ну-съ, господинъ Тангенъ?» А тамъ—камера и тьма кромѣшная.

Я сжалъ кулаки, чтобы расхрабриться, пошелъ впередъ все скорѣе и скорѣе, и дошелъ наконецъ до Сторторфа, гдѣ и усѣлся.

Не ребячиться! Кто могъ бы доказать, что я укралъ? Въ интересахъ самого прикащика—не подымать шуму, даже еслибы онъ когда нибудь и замѣтилъ недочетъ въ кассѣ: долженъ же онъ дорожить своимъ мѣстомъ! Безъ скандаловъ!—какъ говорить городской.

Но деньги угнетали своею грѣшной тяжестью мой карманъ и не давали мнѣ покою. Я взвѣшивалъ свою тяготу душевную и находилъ, что мнѣ жилось гораздо лучше тогда, когда я голодалъ безъ нихъ.

А Илайяли! Развѣ не втащилъ я въ грязь и ее своими грѣшными руками! Боже, милосердый! Илайяли!

Я вскочилъ и направился прямо къ пирожницѣ у аптеки «Слона». Я еще могу освободиться отъ позора и доказать всему свѣту, что я чистъ; еще, слава Богу, не поздно. Я собралъ всѣ свои деньги, зажалъ ихъ въ кулакъ, наклонился надъ столикомъ бабы, какъ будто хотѣлъ что-то купить, и бросилъ ей деньги, ни слова не

говоря, въ передникъ. Затѣмъ прошелъ дальше, какъ ни въ чемъ не бывало.

Какое прекрасное чувство — стать снова честнымъ человѣкомъ! Карманы болѣе уже не тяготятъ меня; какое наслажденіе — быть голякомъ! Эти деньги совсѣмъ было погубили меня, они стоили мнѣ много тайныхъ, безсознательныхъ терзаній; я могъ вспоминать о нихъ только съ содроганіемъ; я не зачерствѣлый преступникъ, и моя честная натура всегда возмущалась этою подлостью. Слава Богу, теперь я снова поднялся въ собственномъ своемъ мнѣніи!

— Подражайте мнѣ!—воскликала я мысленно, глядя на кишѣвшую вокругъ толпу. — Подражайте мнѣ! Я осчастливилъ бѣдную пирожницу, которая существовала только впроголодь! Сегодня, по моей милости, дѣти ея лягутъ въ постель сытыми!

Предаваясь такимъ мыслямъ, я упивался гордостью и самодовольствомъ. Счастье—быть въ положеніи человека, могущаго смотрѣть прямо въ глаза своей возлюбленной, опьяняло меня. Я не чувствовалъ ни малѣйшихъ страданій; голова моя превратилась въ какой-то свѣтъ.

И тотчасъ-же я почувствовалъ желаніе дурачиться, выкидывать непонятныя штуки съ прохожими, поставить весь городъ вверхъ дномъ. Я вель себя какъ безумный; въ головѣ шумѣло, а въ ушахъ раздавался тихій шелестъ.— Въ порывѣ дурачества, я подошелъ къ разсылному, сказалъ ему, сколько мнѣ лѣтъ, пожалъ ему руку, внимательно взглянулъ ему въ лицо—и отошелъ безъ всякихъ поясненій. Я прекрасно различалъ всѣ оттѣнки голоса и смѣха прохожихъ. Послѣ этого я занялся наблюденіями надъ парюю пташекъ, скакавшихъ по мостовой; затѣмъ предался изученію камней на тротуарѣ, на которыхъ нашель много всякихъ интересныхъ знаковъ и фигуръ. На Стортинговой площади я внезапно остановился передъ дрожками. Лошади стоятъ понуривъ головы, извозикъ бѣгаетъ вокругъ нихъ, чтобы согрѣться, и прокликаетъ погоду.

— Подавай!—воскликнулъ я и подтолкнулъ себя локтемъ. Я вспрыгнулъ въ дрожки. — Уллевольдсвей № 37!

Мы двинулись. Дорогою извощикъ вдругъ обернулся и взглянулъ на меня. — Онъ какъ-будто не довѣряетъ мнѣ? Очевидно, его смущаетъ мой скверный костюмъ.

— Надо застать дома одного господина!—воскликнулъ я. — Непремѣнно надо застать его дома; не опоздать-бы!

Мы останавливаемся передъ номеромъ 37, я вспрыгиваю, взлетаю на третій этажъ и звоню; колокольчикъ дѣлаетъ семь страшныхъ ударовъ.

Мнѣ отворяетъ дѣвушка; у нея въ ушахъ сережки и черныя ластиковые пуговицы на сѣромъ корсажѣ. Она глядитъ на меня съ испугомъ.

Я спрашиваю Кирульфа, Иоахима Кирульфа, если она позволить мнѣ такъ выразиться, торговца шерстью, котораго трудно смѣшать съ кѣмъ-бы то ни было.

Дѣвушка качаетъ головою.

— Здѣсь не живетъ Кирульфъ,—говоритъ она.

Она берется за задвижку, чтобы запереть дверь.—Безъ малѣйшихъ усилій запоминаетъ она фамилію; кажется даже, что стоитъ ей только сдѣлать маленькое усиліе—и она вспомнить этого господина; но она не хочетъ думать, лѣнтяйка!—Я злюсь, поворачиваюсь къ ней спиною, и сбѣгаю внизъ по лѣстницѣ.

— Нѣтъ его здѣсь!—восклицаю я извощику.

— Нѣтъ?

— Нѣтъ. Томтегаденъ № 11!

Я былъ въ ужасномъ волненіи и привелъ кучера въ такое-же возбужденіе. Онъ рѣшилъ, что дѣло идетъ о чьей-то жизни или смерти, и сталъ хлестать кнутомъ своихъ лошадей.

— Какъ его зовутъ?—спросилъ онъ, повернувшись на козлахъ.

— Кирульфъ, торговецъ шерстью Кирульфъ.

Извощикъ согласился со мною, что трудно смѣшать съ кѣмъ-бы то ни было человека съ такой фамиліей.— А не носитъ-ли онъ свѣтлаго сюртука?

— Что?! — воскликнулъ я, — свѣтлаго сюртука? Да вы совсѣмъ съ ума сняли? Или вы думаете, что мы говоримъ о чайникахъ?

Этотъ свѣтлый сюртукъ былъ ужасно некстати, портилъ всего человѣка, созданнаго моимъ воображеніемъ.

— Какъ вы назвали его? Кирульфъ?

— Ну, да — чего-жь тутъ страннаго? Мало-ли бываетъ на свѣтѣ диковинныхъ прозвищъ?

— А не рыжій-ли онъ?

Весьма вѣроятно, даже навѣрное, — да, конечно, онъ можетъ быть только рыжимъ! — Я поблагодарилъ бѣднаго извощика и сказалъ, что онъ какъ-разъ угадалъ: это было-бы противуестественно, если бы у такого человѣка были волосы какого-нибудь другого цвѣта.

— Значить, я раза два возилъ его, — сказалъ извощикъ. — А не узловатая-ли у него палка?

Тутъ весь Кирульфъ сталъ, какъ живой, передъ моими глазами, и я возликовалъ.

— Ха-ха! Конечно, только ему одному и идти узловатая палка! Въ этомъ отношеніи вы можете быть вполне, вполне спокойны!

Такъ значить, это и есть тотъ самый господинъ, котораго онъ возилъ.

И мы помчались дальше такъ, что только искры изъ-подъ копытъ сыпались.

Однако, несмотря на все свое возбужденіе, я не терялъ присутствія духа и яснаго сознанія. Мы проѣзжаемъ мимо городского и я вижу, что у него на бляхѣ — 69-й номеръ. Эта цифра, какъ заноза, усѣлась въ моему мозгу: 69! Я уже больше этого не забуду!

Я откинулся въ глубь дрожекъ, къ поднятому верху, чтобы никто не видѣлъ, какъ я самъ съ собою разговариваю, и началъ что-то идиотски шептать. — Безуміе бушуетъ въ моему мозгу и я предаюсь ему покорно, сознавая себя жертвой непреодолимыхъ силъ. Я начинаю смѣяться тихо и страстно, безъ всякой причины, но все веселѣе и веселѣе, будучи все еще опьяненъ стаканомъ пива — Мало

по малу возбужденіе утихаетъ и мною овладѣваетъ истома. Я чувствую холодъ въ своемъ раненомъ пальцѣ, и сую его между шеей и воротомъ рубашки, чтобы немного согрѣть.

Мы на Томтегаденѣ. Извощикъ осаживаетъ лошадей.

Я вхожу въ ворота, прохожу на задній дворъ, заворачиваю, натыкаюсь на дверь, отворяю ее—и вотъ я въ корридоръ, или передней съ двумя окнами. Въ углу стоятъ два сундука, одинъ на другомъ. У длинной стѣны тянутся нары съ одѣяломъ. Направо, изъ ближайшей комнаты, доносится дѣтскій плачь; надъ моей головой, во второмъ этажѣ, стучитъ молотъ по желѣзному листу. Всѣ эти подробности очень занимаютъ меня.

Я спокойно прохожу черезъ переднюю въ противоположную дверь, не торопясь, и безъ всякой мысли о бѣгствѣ, отворяю ее и выхожу на Вогмансгаде. — Я озираюсь на домъ и читаю: «Ночлегъ для прїѣзжихъ».

Мнѣ и въ голову не приходитъ, что я удираю отъ извощика черезъ сквозной дворъ. Я преспокойно шагаю по Вогмансгаде, съ чистѣйшей совѣстью. Кирульфъ, этотъ торговецъ шерстью, столь долго сводившій меня съ ума, совершенно исчезъ изъ моей памяти, потухъ вмѣстѣ со всѣмъ моимъ полоумнымъ бредомъ.

Чѣмъ дальше я шелъ, тѣмъ болѣе свѣтлѣла моя голова; я чувствовалъ однако себя усталымъ, разбитымъ, и еле волочилъ ноги. — Снѣгъ продолжалъ падать большими, мокрыми хлопьями — Я дошелъ до Гренландской церкви и сѣлъ на скамью отдохнуть. Прохожіе озирались на меня въ недоумѣніи. Я погрузился въ раздумье.

Я такъ утомился своимъ жалкимъ существованіемъ, что нѣтъ уже болѣе ни малѣйшаго смысла заботиться о дальнѣйшемъ! Вѣдь я теперь только призракъ того, чѣмъ нѣкогда былъ! Грудь моя ввалилась, потому что я прїобрѣлъ привычку ходить сгорбившись. А тѣло! Дня два тому назадъ я обозрѣлъ его, и горько заплакалъ. Я не снималъ рубашки нѣсколько недѣль; она закоробилась отъ стараго пота и натерла мнѣ раны—въ особенности даетъ

обя чувствовать одна на животѣ, которая вѣчно сочится. противень самъ себѣ. Отвислая кожа на рукахъ даетъ мнѣ какой то безстыдно-отвратительный видъ; развинченные члены внушаютъ непреодолимую брезгливость. — Да, пришла пора! Съ какой охотой я теперь бы умерь!

Совершенно уничтоженный и самимъ собою оплеванный, я машинально двинулся домой. Вдругъ передо мной елькнула надпись: «Саваны у дѣвицы Андерсенъ направо въ воротахъ».

— Вспомнилъ! — пробормоталъ я, представляя себѣ режнюю свою комнату въ Гаммерсборгѣ, качалку, газетную наклейку внизу у дверей и объявленіе инспектора аяка и булочника Фабіана Ольсена. — Да, тогда мнѣ жилось куда лучше: въ одну ночь могъ сочинить фельетонъ въ 10 кронъ. Теперь же я ничего не могу писать, какъ съ ничего; въ головѣ пусто — хоть шаромъ покати! Да, пора и отдохнуть! — И я все шелъ и шелъ.

Чѣмъ ближе я подходилъ къ вчерашней лавочкѣ, тѣмъ явнѣе говорило во мнѣ предчувствіе какой то опасности. Вообразивъ, гдѣ я, я рѣшилъ поговорить съ прикащикомъ.

Спокойно сошелъ я внизъ по ступенькамъ, пропустилъ въ дверяхъ дѣвочку съ новой чашкой въ рукахъ и заперъ за собою дверь. Мы очутились съ прикащикомъ наединѣ.

— Какая дурная погода! — сказалъ онъ.

Съ какой стати онъ начинаетъ издалека? Отчего онъ прямо не зоветъ полицію? — Я тотчасъ же разсердился и сказалъ:

— Я пришелъ не для того, чтобы болтать о погодѣ!

Моя грубость его озадачиваетъ, его прикащичій мозгъ отказывается ему служить. Очевидно, онъ и не подозреваетъ, что я смошенничалъ на пять кронъ.

— Вы не знаете, что я васъ надулъ! — заявилъ я негерпѣливо и крикнулъ, сжимая кулаки, чтобы сейчасъ же пустить ихъ въ дѣло, если онъ станетъ вилать.

Но тотъ ничего не понимаетъ.

Ахъ ты, Господи, что за мука имѣть дѣло съ дурака-

ми! — Съ бранью объяснилъ я ему все дѣло досконально — гдѣ стоялъ я и гдѣ онъ, какъ я сгрѣбъ деньги и положилъ въ карманъ.

Онъ начинаетъ понимать, но ничего не предпринимаетъ по отношенію къ моей особѣ. Напротивъ, онъ старается успокоить меня, прислушивается, не идетъ ли кто и наконецъ, въ утѣшеніе мнѣ, заявляетъ:

— Ну что-жь, это было подло.

— Какъ бы не такъ! — восклицаю я, желая какъ можно больше напотиворѣчить и надоѣсть ему. — Это совсѣмъ не такъ подло, какъ представляетъ себѣ его бакалейная башка. Мнѣ и въ голову не приходило воспользоваться этими деньгами — это противорѣчить моей честной натурѣ!

— Куда же вы ихъ дѣли?

Я отдалъ ихъ старой, несчастной женщинѣ, всѣ до послѣдняго гроша, — пусть это онъ знаетъ! Такой человекъ, какъ я, никогда не забываетъ о нищей братіи!

Онъ раздумываетъ, рѣшая очевидно вопросъ, честенъ ли я или нѣтъ, и наконецъ спрашиваетъ:

— Не лучше ли было бы принести деньги сюда обратно?

— Я не хотѣлъ ставить васъ въ неловкое положеніе, — возражаю я. — Вотъ благодарность за великодушіе! Я самъ пришелъ къ вамъ и объяснилъ все дѣло, а вы настолько безстыдны, что ищете со мною ссоры! Мнѣ остается умыть руки... А впрочемъ, убирайтесь вы къ чорту! Прощайте!

Съ этими словами я вышелъ и въ сердцахъ хлопнулъ дверью.

Когда я добрался до своей комнаты и залѣзъ въ свою мрачную дыру, насквозь промоченный снѣгомъ, еле держась на ногахъ, — то потерялъ всю свою гордость и окончательно упалъ духомъ. Я каялся въ своемъ нападении на бѣднаго прикащика, рыдалъ, хваталъ себя за горло, чтобы какъ нибудь наказать себя за подлую продѣлку. Конечно, тому было страшно подымать шумъ по поводу пяти кронъ, изъ за которыхъ онъ могъ лишиться мѣста. А я воспользовался его страхомъ, терзалъ его своимъ крикомъ, вы-

одилъ изъ себя каждымъ своимъ словомъ. А въ сосѣдней комнатѣ вѣроятно сидѣлъ самъ лавочникъ, который могъ каждую минуту войти и освѣдомиться о причинѣ шума. Гдѣтъ, нѣтъ конца и предѣла моимъ низостямъ!

Отчего однако они не забрали меня? Тогда пришельцы наконецъ часъ возмездія! Я самъ протянулъ-бы имъ уши, чтобы они одѣли на меня кандалы! Я не оказалъ-бы имъ никакого сопротивленія; напротивъ, я самъ-бы имъ помогъ. О, какая-бы это была великая минута!—Боже! Пошли мнѣ судъ Линча! Молю, услышь меня только на этотъ разъ!..

Я легъ въ постель, не раздѣваясь. Мнѣ казалось, что ночью мнѣ суждено умереть, и поэтому я постарался, по всѣмъ возможности, прибрать постель, чтобы по утру все было прилично. Затѣмъ я сложилъ крестомъ руки и вытянулся въ позѣ мертвеца.

Внезапно мнѣ вспомнилась Илайяли. — Какъ это я могъ забыть о ней?

И въ душѣ моей затеплился ласковый, нѣжный свѣтъ, согрѣвая и успокаивая меня. — Вотъ восходитъ солнце, мягкое, какъ шелкъ, и касается меня своими благодатными лучами. И это солнце все свѣтлѣетъ, жжетъ мнѣ голову и кипятитъ мой мозгъ. Наконецъ передъ глазами моими вспыхиваетъ цѣлый костеръ изъ солнць, загораются земля и небо, люди и звѣри, пылаютъ горы, черти, пустыни, — вспыхиваетъ вселенная, настаетъ день Страшнаго Суда!

Затѣмъ я уже ничего болѣе не вижу и не слышу.

Я проснулся на слѣдующій день въ испаринѣ, мокрый съ ногъ до головы; меня мнетъ и трясетъ лихорадка. — Вначалѣ я не понималъ, что такое со мною; я озирался и находилъ во всемъ удивительную перемѣну. Я пощупалъ свои руки, ноги, и изумился тому, что окно находится совсѣмъ не на той сторонѣ, на какой слѣдовало-бы ему

быть; ржанье лошадей, по моему, доносилось теперь сверху.

Волосы, холодные и липкіе, лѣзли мнѣ на глаза. Я приподнялся на локтѣ, и замѣтилъ, что вся моя подушка усыяна клочками ихъ. Ноги мои распухли за ночь въ сапогахъ, но они не болѣли—я только не могъ шевелить пальцами.

Всталъ я послѣ полудня, когда уже стало понемножку смеркаться. Сначала я попробовалъ сдѣлать нѣсколько маленькихъ, осторожныхъ шажковъ, щадя свои ноги. Боли я не чувствовалъ и не плакалъ. Собственно говоря, я былъ скорѣе спокоенъ, чѣмъ грустенъ; мнѣ казалось, что все иначе и быть не можетъ. Затѣмъ я вышелъ.

Единственное, чтò меня нѣсколько мучило, несмотря на мое отвращеніе къ пищѣ—это голодь. Я чувствовалъ опять позорный аппетитъ, плотскую жадность, которая все возрастала. Грудь что-то подтачивало и сосало. Мнѣ казалось, что тамъ поселилось двадцать червяковъ, — повернуть сначала головку на одну сторону и тамъ погрызуть, потомъ повернуть на другую—поглотить, затѣмъ полежать съ минуту спокойно, передвинутся безъ шума на другое мѣсто и начинаютъ ту же работу, и расползаются такъ во все концы, оставляя за собою проѣденныя дыры.

Я не столько былъ боленъ, сколько усталъ, и потому пошелъ было на Сторторвъ, чтобы тамъ отдохнуть, но путь для меня былъ слишкомъ дологъ и утомителенъ; кое-какъ я добрался до угла Рыночной улицы. Потъ, катившійся съ меня, замутнилъ мои очки и я остановился на минуту, чтобы протереть ихъ. Я не замѣтилъ, гдѣ остановился, и слышалъ только страшный шумъ вокругъ себя.

Вдругъ раздался холодный и пронзительный крикъ: «Берегись!» Услышавъ его, я поспѣшилъ сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ настолько скоро, насколько позволяли мнѣ мои слабыя ноги. Чудовищная телѣга съ хлѣ-

бомъ проѣхала впереди меня и зацѣпила колесомъ за пиджакъ; если-бы я пошелъ немножко медленнѣе, то она миновала-бы меня благополучно. Я почувствовалъ вдругъ боль въ сапогѣ, какъ будто пальцы ноги были раздавлены.

Кучеръ остановилъ лошадей, обернулся и освѣдомился съ испугомъ, что со мною.

— Могло быть хуже: прошу не тревожиться; я надѣюсь, что ничего не переломлено; прошу...

Кое-какъ доплелся я до скамейки; мнѣ стало страшно среди обступившихъ меня зѣвакъ. Въ сущности, ничего серьезнаго; если мнѣ было суждено несчастье, то я его избѣгъ удивительно счастливо. Самое скверное было то, что порвался сапогъ на носкѣ.—Я поднялъ ногу и замѣтилъ кровь въ отверстіи.

Ну, что дѣлать—никто не виновать! Кучеръ самъ перепугался на смерть. Если-бы я попросилъ у него хлѣба съ его телѣги, онъ удовлетворилъ бы меня съ величайшей готовностью. Награди его Богъ за одну эту готовность!..

Голодь мучилъ меня нестерпимо и я просто не зналъ, гдѣ найти себѣ мѣсто. Я скорчился на скамьѣ и подобралъ колѣнки подъ самую грудь.

Когда совсѣмъ стемнѣло, я доковылялъ до ратуши—Богъ вѣсть зачѣмъ—сѣлъ на край баллюстрады и вырвавъ кусокъ подкладки изъ пиджака, сталъ его грызть, глядя въ пространство. Я видѣлъ кучу дѣтей, игравшихъ на террасѣ и ловилъ инстинктивно каждый шагъ прохожаго внизу; въ головѣ моей не было ни одной мысли.

Вдругъ мнѣ пришло на умъ, пойти на базаръ и достать кусокъ сырого мяса.—Я спустился съ террасы, около первой мясной лавки, топнулъ ногой, и сдѣлавъ жестъ, какъ будто отгоняю собаку, съ дерзостью обратился къ мяснику:

— Не будете-ли вы столь добры—дать мнѣ какую-нибудь кость для моей собаки, безъ мяса, — только чтобы была какая-нибудь поноска!

Я получилъ кость, роскошную, бѣленькую косточку,

на которой было немножко мяса, и сунуль ее въ карманъ. Я поблагодарилъ мясника съ такимъ жаромъ, что тотъ изумился.

— Не стоитъ благодарности, — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, не говорите, — пробормоталъ я: — это съ вашей стороны очень мило!

Я прокрался въ «Кузнечный пассажъ», въ самую его глубь, въ какой-то задній дворъ. Нигдѣ не было видно свѣта; меня окружала желанная темнота. Здѣсь я сталъ глотать свою кость.

Она была совершенно безвкусна — только кровью пахла. Меня стало тошнить. Я однако продолжалъ глотать: авось останется въ желудкѣ, а вѣдь это для меня — главное. Но тошнило все мучительнѣе. Я разсердился, сорвалъ зубами кусочекъ мяса и проглотилъ его. Напрасно. Какъ только онъ согрѣлся въ желудкѣ, его стало выпирать назадъ. Я стиснулъ кулаки, зарыдалъ и заглодалъ уже въ совершенномъ изступленіи. Я плакалъ такъ, что вся кость обмокла и загрязнилась — и когда меня вырвало, проклялъ себя и все на свѣтѣ.

А кругомъ тихо. Ни людей, ни свѣта, ни шума. Я задыхаюсь, скрежещу зубами и всхлипываю каждый разъ, когда приходится извергать вещество, которое могло бы меня насытить. Такъ какъ всѣ попытки ни къ чему не ведутъ, то я швыряю кость о дверь, рычу не своимъ голосомъ проклятiя и скрючиваю пальцы въ видѣ когтей.

Тишина.

Мнѣ холодно; я продолжаю рыдать, но уже не плачу; взрывъ бѣшенства утомилъ меня. Около моей двери раздаются голоса двухъ мужчинъ, входящихъ въ «Кузнечный пассажъ». Я выхожу изъ своего убѣжища и, крадучись, пробираюсь вдоль по стѣнкѣ къ выходу, на освѣщенную улицу.

Когда я иду по Юнгбаккену, мысль моя начинаетъ работать въ совершенно иномъ направленіи. Мнѣ кажется, что жалкіе бараки, окружающіе рынокъ, всѣ эти

лавчонки и лари съ старымъ тряпьемъ — сущій позоръ для столицы! Они портятъ прекрасный видъ; долой весь этотъ хламъ!

Тутъ кстати я начинаю вычислять, сколько бы стоилъ снось за одно съ ними и зданія географическаго института. — Тысячъ шестьдесятъ кронъ — не больше. Хорошенькія карманныя деньги, особенно для начала — хе-хе! — И я кивнулъ своею пустою головою, соглашаясь съ тѣмъ, что для начала шестьдесятъ тысячъ кронъ — хорошенькая сумма. — Я все еще дрожалъ всеѣмъ тѣломъ и по временамъ всхлипывалъ.

Мнѣ казалось, что въ моемъ распоряженіи остался весьма скудный запасъ жизни, что я могу испустить свой грѣшный духъ въ нѣсколько вздоховъ — но это меня уже нисколько не занимало и не тревожило. Напротивъ, я углублялся въ городъ, въ сторону пристаней, все дальше отъ своего жилища. Въ крайнемъ случаѣ можно лечь на землю и умереть на улицѣ.

Боли оставили меня; только въ ногѣ кололо и дергало, какъ будто боль забиралась выше, до икры. Но въ сравненіи съ прежними муками, это былъ пустякъ.

Я вышелъ на желѣзнодорожную набережную. Ни движенія, ни шума — только тамъ и сямъ бродить носильщикъ или матросъ, заложивъ руки въ карманы.

Калѣка, мимо котораго я проходилъ, остановилъ мое вниманіе. Онъ покосился на меня — и этого было достаточно, чтобы я подошелъ къ нему, оскалилъ свирѣло зубы и спросилъ, ушла ли въ море «Монахиня». Затѣмъ я никакъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи поднести къ носу его кулакъ и закричать: «Да, чортъ побери, «Монахиня»!» «Монахиня», о которой я только теперь вспомнилъ!»

Что это со мной, Господи, помилуй! «Монахиня» уже ушла.

Не можетъ ли онъ мнѣ сказать — куда?

Калѣка размышляетъ, стоя на здоровой ногѣ и покачивая больнымъ обрубоккомъ.

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ онъ. — Не знаете ли вы, чѣмъ она была нагружена?

— Нѣтъ, — говорю я.

Однако я уже забылъ про «Монахиню» и спрашиваю его, далеко ли до Гольмestранда, считая хорошими, старыми географическими милями.

— До Гольмestранда? Я думаю...

— Или до Веблунгнеса?

— Что я хотѣлъ сказать: я думаю, до Гольмestранда...

— Послушайте, чтобы не забыть, — опять прерываю его: — не будете ли вы столь добры — дать мнѣ немножко табаку, крошечную щепотку!

Я получаю табакъ, благодарю сердечно и ухожу. Табакъ мнѣ совершенно ненуженъ, но я сую его въ карманъ. Калѣка все смотритъ мнѣ вслѣдъ съ недоувѣриемъ; я чувствую его взглядъ и онъ мнѣ ужасно неприятенъ. Я оборачиваюсь и восклицаю:

— Игольщикъ!

Только и всего. Я пристально смотрю на «игольщика», уставляюсь на него не одними глазами, а какъ будто всѣмъ тѣломъ, затѣмъ ухожу своею дорогою. Калѣка пораженъ и уничтоженъ.

Гмъ.. Игольщикъ. А гдѣ я видѣлъ игольщика? Да тамъ, на «Пограничной», въ одно ясное утро, когда заложилъ свой жилетъ. — Мнѣ казалось, что съ тѣхъ поръ прошла цѣлая вѣчность.

Пока я раздумывалъ надъ этимъ — на углу площади и Гавнsgаде — происходитъ встрѣча, которая заставляетъ меня вздрогнуть и свернуть въ сторону. Такъ какъ мнѣ это не удается, то я смѣло выступаю впередъ, очертя голову. Передо мной самъ «Командоръ».

Я однако поступаю такимъ образомъ не для того, чтобы возбудить къ себѣ состраданіе, но чтобы поглотиться надъ самимъ собою, упиться презрѣніемъ къ собственной своей особѣ. Я бы могъ въ эту минуту повалиться на тротуаръ и попросить «Командора» наступить мнѣ на лицо. — Я не здороваюсь съ нимъ.

«Командоръ» видитъ, что со мной что то не ладно и хочетъ пройти, не замѣчая меня, но я самъ заговариваю.

— Я хотѣлъ вамъ кое-что принести, но все не могу собраться.

— Вотъ какъ?

— Да, я никакъ не могу кончить.

Любезный тонъ «Командора» меня размягчаетъ и глаза мои наполняются слезами. Я прокашливаюсь, чтобы придать себѣ суровый видъ «Командоръ» всматривается мнѣ въ лицо.

— Послушайте, да есть-ли у васъ, на что жить?— спрашиваетъ онъ

— Нѣтъ, — отвѣчаю я. — Хотя я сегодня не ѣлъ, но...

— Да вѣдь нельзя же допустить, чтобы вы умерли съ голоду! — восклицаетъ редакторъ и суетъ руку въ карманъ.

Во мнѣ просыпается чувство стыда; шатаюсь, отхожу я къ стѣнкѣ дома и вижу, какъ «Командоръ» роется въ кошелекъ; однако я не говорю ни слова. — Онъ даетъ мнѣ десяти кроновый билетъ. Безъ всякихъ околичностей — десять кронъ! При этомъ онъ повторяетъ, что нельзя же допустить меня до голодной смерти!

Я бормочу какое-то извиненіе и не хочу брать билета. Съ моей стороны это не честно.. такъ много!

— Берите поскорѣй! — восклицаетъ онъ и смотритъ на часы. — Я встрѣчаю поѣздъ; вотъ уже слышно, какъ подходить.

Я взялъ деньги; я изнемогъ отъ радости и даже не поблагодарилъ.

— Вамъ нечего стѣсняться, — сказала «Командоръ»: — вы вѣдь отработаете! — И ушелъ.

Я вдругъ вспомнилъ, что не поблагодарилъ его. Я попробовалъ догнать его, но ноги мои подкашивались и я чуть не упалъ. Я хотѣлъ окликнуть его, но почему-то сробѣлъ и когда рѣшился, то онъ былъ уже такъ далеко, что не слышалъ меня.

Я стоялъ на тротуарѣ, глядѣлъ ему вслѣдъ и тихонько плакалъ. — Ничего подобнаго еще никогда со мною не случилось! Онъ далъ мнѣ десять кронъ!

Я поднесъ билетъ къ самымъ глазамъ, осмотрѣлъ его съ обѣихъ сторонъ и сталъ проклинать себя. Дѣйствительно, то былъ десятикronовый билетъ, сунутый мнѣ въ руку, какъ нищему!

Не знаю, какимъ образомъ я добрался затѣмъ до Томтегадена и сталъ передъ домомъ № 11.

Очнувшись отъ своего изумленія, я прошелъ знакомымъ уже мнѣ ходомъ прямо въ «ночлегъ для прїѣзжихъ». Здѣсь я нашелъ прїютъ и постель.

Вторникъ.

Солнце и тишина; чудный, ясный день. Снѣга нѣтъ; всюду жизнь, веселье, смѣхъ. На фонтанахъ бьютъ каскады, золотясь на солнцѣ, блестя отраженной лазурью.

Я вышелъ изъ своей квартиры въ Томтегаде послѣ полудня—потолкаться въ толпѣ и былъ въ самомъ розовомъ настроеніи духа. Въ семь часовъ я прохаживался по площади святого Олафа и украдкой взглянулъ на окна номера второго.—Черезъ часъ я увижу ее! Какъ страшно и хорошо! Что-то будетъ? Что я ей скажу, когда она сойдетъ на улицу? «Здравствуйте, mademoiselle!» Или лучше только улыбнуться?—Я рѣшилъ и сказать, и улыбнуться.—Само собой разумѣется, что я при этомъ поклонюсь пониже.

Съ семи часовъ я сталъ расхаживать по улицѣ Карла Югана, поглядывая на университетскіе часы.

Ровно восемь. Иду на площадь Олафа. Но что, если мнѣ придется опоздать минуты на двѣ? Я ускоряю шагъ по мѣрѣ силъ. Нога побаливаетъ, но общее состояніе мое превосходно.

У фонтана я остановился и передохнулъ. — Долго я стоялъ и смотрѣлъ на окна № 2, но она все не шла.—

Что же, мнѣ торопиться некуда; подождемъ.—И я ждалъ терпѣливо.

А что если все это только сонъ? Можетъ быть, вся та ночная прогулка — вымыселъ моего больного воображенія? — Мысль эта несказанно терзаетъ меня и я погружаюсь въ мрачное раздумье.

— Кхе! — кто-то кашлянулъ за мною.

Я слышу этотъ кашель, но не слышу шаговъ, поэтому не считаю нужнымъ повернуть голову, и продолжаю смотрѣть на лѣстницу.

— Здравствуйте! — раздается около меня.

Я забываю улыбнуться, даже поклониться и поздороваться, и только изумляюсь, какимъ образомъ она подошла ко мнѣ совсѣмъ не съ той стороны.

— Долго вы ждали? — спрашиваетъ она, немного запыхавшись отъ скорой ходьбы.

— Нѣтъ, я только сію минуту пришелъ. А впрочемъ не велика бѣда, могъ бы и дольше прождать. Я никакъ не ожидалъ, что вы подойдете съ этой стороны.

— Я проводила маму къ знакомымъ; сегодня вечеромъ ея не будетъ дома.

— Да? — спросилъ я.

Мы машинально двинулись по улицѣ и очнулись, встрѣтя взглядъ городского на углу.

— Куда же мы идемъ? — спросила она и остановилась.

— Куда хотите.

— Ну, это скучно — самой назначать.

Пауза.

Я заговариваю, чтобы только прервать молчанье:

— У васъ наверху темно.

— Ахъ, да! — спохватилась она. — Дѣвушка тоже отпросилась на весь вечеръ. Я одна во всей квартирѣ.

Мы стоимъ и смотримъ на темныя окна, какъ будто видимъ ихъ въ первый разъ.

— Не пойти-ли къ вамъ? — сказалъ я. — Я бы могъ остаться въ передней.

Но я задрожалъ отъ волненія и сейчасъ же раскаялся

въ своей дерзости. Что, если она разсердится и повернется ко мнѣ спиной? Что, если я никогда уже болѣе не увижу ея?—О, этотъ проклятый костюмъ меня погубить!— Я пришелъ въ отчаяніе.

— Вамъ не зачѣмъ оставаться въ передней, — говоритъ она нѣжно. Да! Она говоритъ именно эти слова: «вамъ не зачѣмъ оставаться въ передней!»

Мы всходимъ наверхъ.

Въ темномъ корридорѣ она взяла меня за руку и повела. Мнѣ не зачѣмъ, по ея словамъ, молчать: я могу говорить.—Зажигая свѣчу—не лампу, но свѣчу,—она сказала мнѣ съ короткимъ смѣхомъ:

— Но вы не должны смотрѣть на меня. Мнѣ такъ стыдно: я никогда этого болѣе не сдѣлаю!

— Чего вы болѣе никогда не сдѣлаете?

-- Я никогда.... ни за что на свѣтѣ.... не поцѣлую васъ!

— Неужели? спросилъ я, и мы оба разсмѣялись. Я простеръ къ ней свои руки, а она скользнула на противоположную сторону стола.—Мы взглянули другъ на друга; между нами стояла свѣча.

— Ну, попробуйте меня поймать,—сказала она.

Съ громкимъ смѣхомъ я кинулся за нею. Во время этой погони она подняла вуаль и сняла шляпку; ея блестящіе глаза слѣдили за каждымъ моимъ движеніемъ. Я сдѣлалъ новую попытку догнать ее, но зацѣпился за коверъ и упалъ; больная нога измѣнила мнѣ. Я поднялся въ крайнемъ смущеніи.

— Боже, какъ вы покраснѣли!—воскликнула она.— Но вы ужасно неловки!

— Да, къ сожалѣнію,—отвѣтилъ я.

И мы снова стали бѣгать вокругъ стола.

— Вы кажется прихрамываете?

— Да, кажется; но немного.

— Въ послѣдній разъ у васъ былъ пораненный палець, теперь вы поранили себѣ ногу. На бѣднаго Макара всѣ шишки валяются.

— Да, меня на-дняхъ переѣхали.

— Переѣхали? Вы опять были не въ своемъ видѣ? Нѣтъ, молодой человѣкъ, вы ведете ужасную жизнь!

Она погрозила мнѣ пальцемъ и стала серьезна:

— Сядемте,—сказала она. — Нѣтъ, напрасно вы садитесь около дверей; вы слишкомъ застѣнчивы. Вы—сюда, а я — здѣсь; такъ!.. Ухъ, какъ скучно съ застѣнчивыми людьми! Все надо самой говорить и дѣлать — они ни въ чемъ не предупредить. Напримѣръ, вы имѣли-бы полнѣйшее право положить руку на спинку моего стула — даже странно, что вы сами не догадываетесь!.. Однако не думайте, что я васъ воображаю скромникомъ по натурѣ; съ вами тоже надо держать ухо востро! Помните, какъ вы дерзки были тогда, когда преслѣдовали меня вашими отборными шуточками: «Вы потеряете вашу книгу, барышня! Барышня! Вы потеряете вашу книгу!» Ха, ха, ха! Согласитесь, что это было съ вашей стороны отвратительно!

Я сидѣлъ, какъ потерянный, и смотрѣлъ на нее. Сердце сильно билось, кровь разливалась по жиламъ съ особенною теплотою,—странное ощущение!

— Отчего вы молчите?

— Какъ вы хороши!—сказалъ я.— Я поддаюсь всецѣло очарованію вамъ... всецѣло, съ блаженствомъ самоотреченія... Вы самое таинственное существо, какое только случалось встрѣчать мнѣ въ моей жизни... Ваши глаза вспыхиваютъ по временамъ непостижимымъ блескомъ; они похожи на цвѣты... нѣтъ, не на цвѣты... Я такъ влюбленъ въ васъ, что совсѣмъ теряю разсудокъ—да и на что мнѣ онъ теперь?.. Какъ васъ зовутъ?—Теперь вы должны сказать непременно, какъ васъ зовутъ?

— Ну, а васъ какъ? Ей-Богу, чуть было опять не забыла! Вчера думала цѣлый день о томъ, что я хотѣла васъ объ этомъ спросить. То есть конечно не только день, но...

— А знаете, какое имя я придумалъ для васъ?—Илайяли. Какъ вамъ нравится? Въ этихъ звукахъ есть какая-то истома.

— Илайяли?

— Да.

— Это на какомъ языкѣ?

— На моемъ собственномъ.

— Хорошенькое слово.

Мы сказали другъ другу свои имена.—Она съѣла рядомъ со мною на софу и оттолкнула стулъ ногою. Затѣмъ мы продолжали болтать.

— Сегодня вы даже побрились,—говорила она.—Вы немножко лучше, чѣмъ обыкновенно; но только немножко,—не воображайте о себѣ черезчуръ много! А въ послѣдній разъ вы были прескверный! Къ тому-же еще и палець у васъ былъ обернуть въ грязную тряпку. И въ такомъ то костюмѣ вы приглашали меня куда-то выпить стаканъ вина! Очень вамъ благодарна за любезность!

— Такъ значитъ вы не пошли-бы со мною только изъ-за моего костюма?

— Нѣтъ,—отвѣтила она и потушила глаза.— Нѣтъ, видитъ Богъ, не оттого! Мнѣ даже ничего подобнаго и въ голову не пришло!

— Послушайте, — сказалъ я. — Быть можетъ, вы думаете, что я могу одѣваться такъ, какъ я хотѣлъ бы? Не думайте этого, я очень, очень бѣденъ.

Она взглянула на меня.

— Вы бѣдны?

— Да, очень — къ несчастію.

Пауза.

— Ахъ, Боже мой, да и я тоже! — сказала она съ смѣлымъ движеніемъ головы.

Каждое слово ея опьяняло меня, падало на сердце, словно капля вина. Ея привычка слушать, склоня голову нѣсколько набокъ, приводила меня въ восторгъ. Я чувствовалъ на своей щекѣ ея дыханіе.

— Знаете ли вы, что я... но вы не должны сердиться на меня... что вчера, ложась спать, я положилъ эту руку такъ... какъ будто вы были рядомъ со мною... и сладко заснулъ!

— Вотъ какъ!—и она прибавила, помолчавъ:—однако имѣйте въ виду, что это вамъ позволяется дѣлать только на большомъ разстояніи!

— А на близкомъ — нельзя?

— Полагаю, что нѣтъ.

— Ну, на меня въ этомъ отношеніи не полагайтесь!—сказалъ я, и обнялъ ее за талью.

— Неужели?

Меня сердило то, что она считаетъ меня черезчуръ застычивымъ; я подшпорилъ свое мужество и взялъ ее за руку. Она тихонько высвободила ее и отодвинулась отъ меня. Это совсѣмъ обезкуражило меня, я застыдился и слегка отвернулся. — Въ самомъ дѣлѣ, у меня должно быть ужасно жалкій видъ; какъ это я могъ позволить себѣ даже мечтать о какихъ-то особенныхъ милостяхъ? Если бы я встрѣтился съ нею въ былые, лучшіе дни, когда я былъ еще человѣкомъ -- тогда другое дѣло.—Теперь же я чувствовалъ себя совершенно убитымъ.

— Вотъ вы какой! — сказала она. — Однимъ движеніемъ васъ можно выбить изъ сѣдла, пристыдить, уничтожить!

Она засмѣялась плутовски и стыдливо закрыла глаза.

— Нѣтъ, вы очень ошибаетесь на мой счетъ!—воскликнулъ я, и крѣпко обнялъ ее; я чувствовалъ себя оскорбленнымъ въ своемъ мужскомъ достоинствѣ.

Она сидѣла спокойно, закрывъ глаза; стукъ нашихъ сердецъ былъ глухъ, какъ отдаленный топотъ. Я поцѣловалъ ее....

Она проводитъ лѣвою рукою по моему плечу, и говоритъ:

— Сколько у васъ здѣсь волосъ! Отчего у васъ такъ лѣзутъ волосы?

— Не знаю.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ пьете? Или пожалуй...—нѣтъ, я этого не смѣю и сказать вслухъ! Какъ вамъ не стыдно! Я отъ васъ этого не ожидала! Такъ молоды — и уже теряете волосы!... Однако расскажите мнѣ

что нибудь про вашу жизнь. Но только чистую правду— я сейчас же увижу по вашимъ глазамъ всякую ложь!

Меня терзало то, что она думаетъ обо мнѣ слишкомъ дурно. Я не вынесъ этого подозрѣнія: я боялся оттолкнуть ее отъ себя. Я хотѣлъ очиститься въ ея глазахъ, доказать ей, что она имѣетъ дѣло чуть ли не съ ангеломъ.

И я сталъ рассказывать ей про свою жизнь, не скрывая отъ нея ничего. Я не изображалъ ее хуже, чѣмъ она есть; я былъ слишкомъ гордъ, чтобы бить на состраданіе. Я сознался даже въ кражѣ пяти кронъ.

Впечатлѣніе было неожиданное — и ужасное.

Она сидѣла и слушала меня, открывъ ротъ, блѣдная, испуганная, съ смертельнымъ ужасомъ въ блестящихъ глазахъ.

Я вздумалъ уничтожить печальное впечатлѣніе своего рассказа и воскликнулъ:

— Но все это прошло, какъ сонъ!

— Боже упаси! — прошептала она. — Она уже не разъ шептала это въ продолженіе моего рассказа: «Боже упаси!»

Я попробовалъ притянуть ее къ себѣ на грудь, но она вдругъ спросила:

— Послушайте, — чего вы хотите?

И вдругъ, вскочивъ, закричала:

— Поймите, что я сомнѣваюсь... Вѣдь вы сумасшедшій!

Минута молчанья.

— Вы шутите, — сказалъ я тихо.

— Нѣтъ. Вы такой странный! Тогда, когда вы меня преслѣдовали, вы не были пьяны?

— Нѣтъ, только голоденъ.

— Тѣмъ хуже!

— Лучше, если бы я былъ тогда пьянъ?

— Да! — Я васъ боюсь! Ради Бога, пустите меня!

Она вырывалась изъ моихъ рукъ съ такимъ порывомъ, который никакъ нельзя было бы объяснить стыдливостью. Я попробовалъ было задуть свѣчу, но она сейчасъ же зажгла ее дрожащими руками.

Я сидѣлъ и безмолвствовалъ. Она стояла у стола съ

видомъ мрачнаго раздумья. — Вдругъ она взглянула на стѣну, на часы, и испугалась

— Сейчасъ придетъ дѣвушка! — сказала она. То были ея первыя слова.

Я понялъ и всталъ. Она взялась было за плащъ, чтобы одѣть его, но раздумала и отошла къ камину. Она была очень блѣдна и тревожилась все болѣе и болѣе. Чтобы роблности приличіе и сдѣлать видъ, что я самъ ухожу, я спросилъ:

— Вашъ отецъ былъ военный?

— Да, военный. Почему вы это знаете?

— Не знаю, — такъ мнѣ казалось.

— Это странно.

— Да, во всякомъ другомъ мѣстѣ у меня не пробудились предчувствія, но только здѣсь. Таковъ уже— ха, ха! — характеръ моего безумія.

Она вскользь поглядѣла на меня, но помолчала.

Мое присутствіе такъ мучило ее, что нельзя было болѣе оставаться ни на минуту. — Я пошелъ къ дверямъ. Но неужели она не поцѣлуетъ меня, даже не подастъ мнѣ руки?

Я остановился въ ожиданіи.

— Вы уже идете? — спросила она, но не тронулась съ своего мѣста у камина.

Я ничего не отвѣтилъ. Я смотрѣлъ на нее въ какомъ-то полуснѣ. — Отчего она не оставила меня въ покоѣ, если все это должно было такъ окончиться? Каково теперь мое положеніе?

Что она навсегда для меня потеряна, я это прекрасно зналъ и чувствовалъ. Но я не хотѣлъ разстаться съ нею дуракъ дуракомъ. Мнѣ хотѣлось поразить ее какимъ нибудь глубокимъ и сильнымъ прощальнымъ словомъ.

Однако напрасно хотѣлъ я быть холоднымъ и гордымъ—я чувствовалъ себя безпокойнымъ и оскорбленнымъ.—Я началъ говорить—но совсѣмъ не то, что хотѣлъ; мысль моя оскудѣла и желанное слово не шло съ языка.

Отчего она не скажетъ мнѣ напрямикъ, чтобы я уби-

рался? — Да, отчего? Съ какой стати стѣсняться? Вмѣсто того, чтобы напоминать мнѣ о скоромъ возвращеніи дѣвушки, она могла бы мнѣ просто сказать: вы должны улетучиться, такъ какъ мнѣ пора зайти за моей матерью, а въ проводахъ вашихъ я не нуждаюсь. — Она объ этомъ и не думала? — Нѣтъ, думала; это для меня совершенно несомнѣнно! Уже тотъ жестъ, съ какимъ былъ взятъ плащъ и затѣмъ снова положенъ на мѣсто, былъ для меня вполне убѣдителенъ. Какъ сказано, у меня бываютъ предчувствія. Однако отъ этого далеко еще до сумасшествія.

— Боже мой, да забудьте, наконецъ, это проклятое слово! Оно совершенно случайно выскользнуло у меня! — воскликнула она; впрочемъ съ мѣста не тронулась.

Я продолжалъ разглагольствовать, чувствуя, что только докучаю ей и не задѣваю ее ни однимъ своимъ словомъ.

Въ сущности, можно обладать большою впечатлительностью отъ природы, не будучи сумасшедшимъ. Встрѣчаются натуры, которыхъ можетъ убить одно слово. Къ числу такихъ натуръ принадлежу и я. Дѣло въ томъ, что нищета развила во мнѣ страшную нервность, прямо мучительную. Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ такая организація имѣетъ свои преимущества. Интеллигентный бѣднякъ гораздо болѣе тонкій наблюдатель, чѣмъ интеллигентный богачъ. Бѣднякъ озирается на каждый шагъ, который онъ дѣлаетъ, недовѣрчиво прислушивается къ каждому сказанному ему слову; каждый его шагъ пробуждаетъ въ немъ цѣлый рядъ новыхъ чувствъ и мыслей. Его ухо и сердце чутки до крайности—и потому раны души его вѣчно сочатся кровью.

И я долго размазывалъ эти раны, которыя вѣчно сочатся кровью.--Однако, чѣмъ дальше я говорилъ, тѣмъ спокойнѣе становилась она.

Наконецъ она воскликнула въ отчаяніи: «Боже мой!» и стала ломать себѣ руки.—Тогда я устыдился ея отчаяннаго, страдальческаго взгляда—и заговорилъ наконецъ именно о томъ, о чемъ хотѣлъ:

— Я ухожу! Я ухожу! Видите — моя рука лежит уже на защелкѣ. Прощайте! Прощайте, говорю я вамъ! Вѣдь вы могли бы мнѣ сказать чтонибудь теперь, когда я сказалъ вамъ дважды «прощайте!» Я не прошу у васъ позволенія увидѣть васъ еще разъ: это только мучило бы васъ. Однако скажите мнѣ: отчего вы не оставили меня въ покоѣ? Что я сдѣлалъ вамъ? Развѣ я сталъ вамъ поперекъ дороги? Отчего вы отворачиваетесь отъ меня, какъ будто меня совсѣмъ не знаете? Вы разбили мнѣ жизнь, и я теперь еще болѣе жалокъ, чѣмъ когда бы то ни было. Вѣдь я не сумасшедшій — поймите вы это! Стоить вамъ немножко подумать — и вы убѣдитесь въ своей ошибкѣ. Такъ подойдите же ко мнѣ и дайте вашу руку. Или дозвольте мнѣ подойти къ вамъ! Можно? Я вамъ не сдѣлаю ничего дурного, я только постою минутку передъ вами на колѣняхъ; можно? Нѣтъ, нѣтъ, я не сдѣлаю этого: я вижу, что вамъ страшно! Я не сдѣлаю этого, успокойтесь! Боже мой, чѣмъ это я васъ такъ напугалъ? Я вѣдь стою спокойно, не трогаюсь съ мѣста. Я только одну минутку постоялъ бы на колѣняхъ на коврѣ, вотъ на той красной полоскѣ у вашихъ ногъ. Но вамъ всетаки страшно, я вижу это по вашимъ глазамъ. Да вѣдь вы видѣли, можно ли меня бояться? Развѣ не напугался я вашего одного взгляда, движенія, тамъ, у стола? Развѣ не былъ я тамъ такъ же робокъ, какъ былъ бы вѣдьсь, у ковра, на красной розѣ, у вашихъ ногъ? — Полно же, не считайте меня сумасшедшимъ! Вы не слушаете меня? Я уйду, но только мнѣ хочется сказать вамъ на прощанье, что я — не сумасшедшій!

Она поспѣшно подошла ко мнѣ и протянула мнѣ руку. Я взглянулъ на нее вопросительно — дѣлаетъ ли на это, по сердечному влеченію души или только для того, чтобы отвязаться отъ меня?

Она обвила мою шею руками; въ глазахъ ея заблестали слезы. Я стоялъ и смотрѣлъ на нее. Она протянула мнѣ губки — но я не вѣрилъ.

Она сказала что-то шепотомъ; мнѣ слышались слова:

«я васъ люблю». Можетъ быть, мнѣ только слышалось,—но она вдругъ бросилась ко мнѣ на грудь, поднялась на ципочки до моихъ губъ и замерла въ долгомъ поцѣлуѣ.

Но я боялся, что она раскается въ своей нѣжности, и, тихо отстранивъ ее, произнесъ:

— Какъ вы прекрасны въ эту минуту!

Затѣмъ я быстро и крѣпко обнялъ ее, толкнулъ дверь и убѣжалъ.

IV.

Пришла зима—суровая, сырая зима безъ снѣга, туманная, вѣчная ночь безъ вѣтра и движенья. На улицахъ цѣлый день горѣлъ газъ и все-таки прохожіе наталкивались другъ на друга. Звонъ колоколовъ, бубенчиковъ, человѣческіе голоса, конскій топотъ—всѣ звуки были глухи и надтреснуты, все терялось и замирало въ густомъ воздухѣ. Недѣля шла за недѣлей, а погода не мѣнялась.

Я все попрежнему жилъ въ Христіаніи.

Все сильнѣе цѣплялся я за эту гостиницу, ночлегъ для пріѣзжихъ, гдѣ для меня находился пріютъ и пища. Деньги мои давно уже всѣ вышли, но я оставался въ томъ же мѣстѣ, какъ будто имѣлъ на то законное право. Хозяйка мнѣ ничего не говорила. Меня однако мучила невозможность платить ей. Такъ прошли три недѣли.

Уже нѣсколько разъ пытался я приниматься за свое писательство, но не могъ ничего произвести. Я былъ попрежнему прилеженъ и садился за бумагу много разъ въ продолженіе дня, но всегда напрасно.

Въ моей комнатѣ второго этажа мнѣ никто не мѣшалъ предаваться этимъ бесплоднымъ попыткамъ. Съ перваго вечера, когда я заплатилъ наличными деньгами, меня оставили въ этой лучшей комнатѣ. За послѣднее время я работалъ съ особеннымъ усердіемъ, стараясь заплатить скорѣе за столъ и квартиру. Я началъ аллегорическое повѣствованіе о пожарѣ въ книжномъ магазинѣ, которое должно было отличаться особенной глубиной мысли и особенно

поправиться «Командору». — Долженъ же узнать наконецъ «Командоръ», что онъ помогъ на этотъ разъ дѣйствительно талантливому человѣку! — Я не сомнѣвался, что мнѣ вполне удастся эта вещь: надо только подождать вдохновенія! Весьма возможно, что оно явится въ самомъ непродолжительномъ времени.

Я почти не голодалъ за это время, такъ какъ получалъ отъ хозяйки по утрамъ и вечерамъ по нѣскольку бутербродовъ. Моя нервность тревожила меня менѣе обыкновеннаго: мнѣ уже незачѣмъ было оборачивать рукъ въ тряпки, во время писанія; я даже могъ смотрѣть со своего второго этажа на улицу, не чувствуя головокруженія. Во всякомъ случаѣ положеніе мое было сносно — и мнѣ было рѣшительно непонятно, почему моя аллегорія не клеится.

Въ одинъ прекрасный день я убѣдился окончательно въ томъ, что мозгъ мой отказывается мнѣ служить. Въ этотъ день ко мнѣ навѣрхъ пришла хозяйка со счетомъ, который она просила провѣрить: гдѣ то вкралась ошибка, такъ какъ по книгамъ выходитъ иначе, но она не можетъ досчитаться, гдѣ именно.

Я сѣлъ и сталъ считать. Хозяйка сѣла напротивъ, глядя на меня въ упоръ. Я сначала сложилъ цифры по рядамъ, вдоль, потомъ провѣрилъ, слагая каждую, поперекъ — и все выходило вѣрно. — Хозяйка смотрѣла на меня, и ждала моего приговора; покосившись на нее, я замѣтилъ, что она беременна.

— По моему — вѣрно, — сказалъ я.

— Нѣтъ, провѣрьте еще разъ — отвѣтила она. — Не можетъ быть, что такъ много, — тутъ, навѣрное, ошибка.

Я просмотрѣлъ еще разъ всѣ цифры. 2 хлѣба по 25, ламповое стекло 18, мыло 20, масло 32, — простѣйшій счетъ изъ мелочной лавочки, провѣрить который не представляетъ ни малѣйшихъ затрудненій. Однако я все-таки не могъ найти ошибки, указываемой хозяйкою. Повозившись еще нѣсколько минутъ съ этимъ счетомъ, я почувствовалъ, что у меня въ головѣ все пошло вверхъ дномъ: я уже не могъ отличить кредита отъ дебета и путался

безъ толку. Въ особенности сбивала меня одна строчка: « $3\frac{5}{16}$ фунта сыра по 16». Умъ мой отказывался постичь это обстоятельство и я совершенно ошалѣлъ.

— Какъ все здѣсь перепутано! — воскликнулъ я въ отчаяніи. — Посмотрите: здѣсь написано «пять шестнадцатыхъ» сыра. Ха-ха! слыханное ли это дѣло! Взгляните-ка сами

— Это всегда такъ пишутъ, — сказала хозяйка. — Вѣроятно зеленый сыръ? Ну, да, такъ и есть. Пять шестнадцатыхъ — пять лотовъ, другими словами.

— Да я конечно понимаю, — заявилъ я, — хотя на самомъ дѣлѣ ровно ничего не понималъ.

Я снова попробовалъ приняться за этотъ счетъ, который, мѣсяца за два тому назадъ, провѣрилъ бы въ двѣ минуты; я потѣлъ, сопѣлъ, мигалъ глазами надъ проклятыми цифрами — но ничего не вышло. Эти пять лотовъ сыру доканали меня; мнѣ казалось, что въ моемъ мозгу что-то лопнуло

Чтобы соблюсти однако приличіе, я шевелилъ губами, бормоталъ цифры, проводилъ пальцемъ сверху внизъ до самаго итога. Женщина слѣдила и ждала. Я наконецъ возгласилъ:

— Я еще разъ просмотрѣлъ счетъ сначала до конца и могу увѣрить васъ, что никакой ошибки въ немъ нѣтъ!

— Нѣтъ? — спросила хозяйка. — Въ самомъ дѣлѣ? — Но я замѣтилъ, что она мнѣ не вѣритъ. И сейчасъ же мнѣ понудились въ тонѣ ея голоса небрежность и неуваженіе ко мнѣ. Она сказала, что можетъ быть я не привыкъ считать шестнадцатыми долями, что она обратится къ людямъ, болѣе опытнымъ въ этомъ дѣлѣ. Все это было произнесено не съ цѣлью уколоть меня или оскорбить, но тономъ задумчивымъ и серьезнымъ. Выходя, она сказала мнѣ, не поворачивая ко мнѣ лица:

— Извините, что я васъ потревожила

И ушла, чтобы сейчасъ же вернуться:

— Не забыть бы. Мнѣ кажется, что я имѣю съ васъ получить за квартиру. Вчера исполнилось три недѣли со

времени вашего приѣзда. Да, такъ оно и будетъ. Мнѣ не легко перебиваться съ такимъ большимъ семействомъ и потому я обыкновенно не держу своихъ постояльцевъ въ кредитъ.

— Я работаю надъ статьей, о которой уже говорилъ вамъ ранѣе,—прервалъ я ее.—По окончаніи ея, я вамъ заплачу—можете быть спокойны.

— Да, но вы никакъ не можете окончить ее.

— Вы такъ думаете? Можетъ быть завтра же найдетъ на меня вдохновеніе, или сегодня ночью—и тогда я окончу свою статью въ четверть часа. Видите ли, у меня совсѣмъ особаго рода работа, не похожая на всякую другую; я не могу сѣсть и дѣлать столько, сколько захочу, какъ другіе: я долженъ выжидать минуты! Никто же не знаетъ ни дня, ни часа, когда сойдетъ на него духъ Божій—имѣйте это въ виду.

Хозяйка ушла, окончательно потерявъ ко мнѣ всякое довѣріе.

По ея уходѣ я вскочилъ и вцѣпилъ себѣ съ отчаянія въ волосы. Все пропало! Мозгъ мой объявилъ себя банкротомъ! Неужели я настолько ополоумѣлъ, что уже не въ состояніи сообразить стоимости куска сыру? Не сошелъ ли я уже съ ума? — А между тѣмъ, среди всѣхъ этихъ усилій, не сдѣлалъ ли я наблюденіе несомнѣннсе какъ день, что хозяйка беременна? Никто мнѣ объ этомъ ничего не говорилъ, мнѣ и въ голову это не приходило—я только взглянулъ и тотчасъ же сообразилъ, да еще въ какую минуту! — когда я корпѣлъ надъ шестнадцатыми долями! Какъ же это объяснить?

Я подошелъ къ окну; оно выходило на Вогмансгаде. Внизу, на мостовой, играли грязные и оборванные ребята, подъ стѣнкой грязной и глухой улицѣ. Они перебрасывались пустою бутылкою и ревѣли благимъ матомъ. Телѣга съ домашнимъ скарбомъ проѣхала мимо нихъ. Я сейчасъ же сообразилъ, что это обозначаетъ переѣздъ на другую квартиру. На телѣгѣ лежали источенные червями кровати и комоды, красные, грубые, трехногіе стулья, ро-

гожи, желѣзный хламъ, оловянная посуда. Маленькая дѣвочка съ отмороженнымъ носомъ сидѣла на этихъ пожиткахъ, держась обѣими, посинѣлыми руками чтобы не упасть. Подъ ней были ужасные, мокрые дѣтскіе тюфяки и она смотрѣла внизъ на ребятъ, перебрасывавшихся бутылкой.

Все это я наблюдалъ съ интересомъ и съ полнымъ пониманіемъ. Я прислушивался также къ пѣснѣ, которую вдругъ запѣла хозяйкина кухарка на кухнѣ, узналъ мелодію и замѣтилъ всѣ ошибки.—Нѣтъ, если бы я не могъ всего этого осмыслить, то я былъ бы идиотъ—но я, слава Богу, не безумнѣе всякаго смертнаго.

Я видѣлъ, какъ ребята на улицѣ заспорили; то были два мальчугана — одинъ изъ нихъ хозяйскій. Я открылъ окно, чтобы послушать ихъ, и вотъ подъ моимъ окномъ сейчасъ же собираются нѣсколько другихъ мальчишекъ и смотрятъ на меня въ ожиданіи. Чего они хотятъ? Я прекрасно понимаю чего: сухихъ цвѣтовъ, костей, сигарныхъ окурковъ, вообще бездѣлушекъ, которыми можно поиграть. Я подмѣчаю и ощущение холода на ихъ лицахъ, и умоляющее выраженіе глазъ.

Тѣмъ временемъ маленькіе враги продолжаютъ перebrаниваться. Слова, подобныя мрачнымъ призракамъ, вылетаютъ изъ этихъ дѣтскихъ устъ — страшныя ругательства, подслушанныя у уличныхъ дѣвокъ и матросовъ. Оба такъ заняты этимъ, что не замѣчаютъ сначала вышедшей на шумъ хозяйки.

— Онъ меня схватилъ за горло!—обращается къ ней сынъ; я чуть не задохся!—И онъ продолжаетъ отругиваться по адресу другого, который сердито оскалилъ на него зубы: — Чортъ бы тебя побралъ, халдейскій пѣтухъ! Этакій паршивецъ! За горло хватаетъ людей! Да чтобы тебя, мерзавца...

Но мать, беременная женщина, которая наполняетъ собою чуть ли не всю улицу, беретъ десятилѣтняго мальчика за руку и говоритъ:

— Молчи, пострѣленокъ! И откуда ты научился такъ

ругаться, какъ будто нѣсколько лѣтъ просидѣлъ въ каба-
кѣ!—Маршъ домой!

— Не пойду.

— Нѣтъ, пойдешь!

— Нѣтъ, не пойду!

Я вижу изъ окна, что женщина начинаетъ свирѣѣть, но не могу болѣе выносить этой отвратительной сцены и зову мальчика къ себѣ наверхъ. Я дважды обращаюсь къ нему, а во второй разъ говорю настолько громко, что хозяйка поворачиваетъ ко мнѣ голову. Сейчасъ же она овладѣваетъ собою, всматривается въ лицо дерзкими и умными глазами и говоритъ сыну настолько громко, что я слышу:

— Стыдись! Вонъ люди на тебя смотрятъ!

Все это происшествіе было для меня въ высшей степени ясно и понятно. Мой умъ отличался въ это время замѣчательной проницательностью; я тщательно воспроизводилъ въ своемъ воображеніи малѣйшую частность общей картинки, осмысливалъ ее.—Значить и разумъ мой въ порядкѣ!

Что же у меня не въ порядкѣ?

Нѣтъ, уже лучше не думать о своемъ разумѣ! Довольно я уже дурачился! Какое тутъ сумасшествіе, когда я дѣлаю столь тонкія наблюденія! Вѣдь это наконецъ просто смѣшно; дѣйствительно смѣха достойное приключеніе! Это впрочемъ со всякимъ бываетъ: мелочей, пустяковъ ни за что не сообразишь! Случайность—и больше ничего. Этотъ счетъ изъ мелочной лавочки, эти скверныя пять шестнадцатыхъ гадкаго дешеваго сыра, — ха, ха, сыра съ перцемъ и гвоздикой, за которымъ посылаютъ даже малыхъ ребятъ,—этотъ счетъ могъ бы сбить съ толку всякаго. Уже отъ запаха этого сыра можетъ закружиться голова. (Тутъ я засмѣялся). Нѣтъ, вотъ если бы дали мнѣ подсчитать пять шестнадцатыхъ масла, то я ни въ какомъ случаѣ не сбился бы!

Я захохоталъ надъ этой мыслью—столь забавной по-

казалась мнѣ она. — Да, у меня все въ порядкѣ. Все въ аккуратѣ! Я, слава Богу, — свѣтлая голова!

Веселость моя возрастала по мѣрѣ того, какъ я бродилъ по комнатѣ и говорилъ самъ съ собою; я громко смѣялся и чувствовалъ себя вполне счастливымъ. — Мнѣ казалось, что въ эту минуту находить на меня вдохновеніе. Поэтому я усѣлся за столъ и принялся за свою аллегорію. На нѣкоторое время работа двинулась впередъ; не скоро, но все-таки двинулась; во всякомъ случаѣ тѣмъ, что я писалъ, я былъ доволенъ. Такъ прошло около часу.

Я уже добрался до важнѣйшаго пункта этой аллегоріи — до описанія самаго пожара. Все написанное доселѣ казалось мнѣ только предисловіемъ. Я углубился въ мысль, что въ магазинѣ горятъ не книги, но мозги, человѣческіе мозги, что это своего рода Варооломеева ночь.

Вдругъ дверь отворилась и вошла хозяйка. Она не стала у дверей, но вышла на средину комнаты. Я испустилъ короткій, хриплый крикъ, какъ будто мнѣ нанесли ударъ.

— Только что явился пріѣзжій и намъ нужна эта комната, — сказала она. — Вы можете переночевать у насъ внизу; вамъ приготовятъ постель. — И не ожидая моего отвѣта, она принялась сгребать мои бумаги со стола.

Мое веселое настроеніе какъ рукой сняло, я разсердился, пришелъ въ отчаяніе и всталъ изъ-за стола. Однако я молчалъ и смотрѣлъ какъ хозяйка очищала столъ. Затѣмъ она сунула мнѣ мои бумаги въ руки. Мнѣ оставалось только уйти.

И такъ, пропалъ и этотъ драгоцѣнный мигъ!

На лѣстницѣ я встрѣтился съ новымъ постояльцемъ — то былъ молодой человѣкъ съ большимъ, синимъ знакомъ якоря на рукѣ; за нимъ шелъ носильщикъ съ чемоданомъ. Очевидно онъ морякъ и останется только переночевать въ моей комнатѣ. Можетъ быть завтра же, когда онъ уѣдетъ, ко мнѣ вернется на пять минутъ счастливое настроеніе и я окончу всю аллегорію. А пока надо покориться судьбѣ.

Я еще ни разу не бывалъ въ жилищѣ семейства, въ единственной комнатѣ, въ которой ночевали мужъ, жена, тещь и четверо дѣтей; кухарка спала обыкновенно въ кухнѣ. Съ отвращеніемъ постучался я въ дверь, но такъ какъ мнѣ никто не отвѣтилъ, то я вошелъ.

Мужъ не сказалъ ни слова и не отвѣтилъ на мое привѣтствіе; онъ взглянулъ на меня съ равнодушіемъ, и сейчасъ же пересталъ меня замѣчать. Онъ игралъ въ карты съ человѣкомъ, котораго я какъ-то встрѣчалъ на пристани, съ носильщикомъ по прозвищу «Стекло». На кровати лежалъ ребенокъ и болталъ съ самимъ собою. На нарахъ сидѣлъ старикъ, отецъ хозяйки, опутивъ голову на руки, какъ будто у него болитъ грудь или животъ. Въ своей позѣ онъ походилъ на какое-то пресмыкающееся.

— Я принужденъ, къ сожалѣнію просить здѣсь пріюта на ночь, -- сказалъ я мужу.

— Такъ распорядилась жена?—спросилъ онъ.

— Да. Мою комнату занялъ другой пріѣзжій.

Мужъ ничего болѣе не сказалъ и продолжалъ тасовать колоду.—Онъ просиживалъ такимъ образомъ цѣлые дни, играя въ карты со всякимъ случайнымъ гостемъ для времяпрепровожденія, чтобы только руки хоть чѣмъ-нибудь были заняты. Онъ болѣе ничего не дѣлалъ и сидѣлъ за столомъ, въ то время какъ жена его бѣгала по лѣстницамъ, хлопотала по хозяйству и залучала къ себѣ въ домъ новыхъ постояльцевъ. Съ послѣднею цѣлью она поддерживала постоянныя сношенія съ носильщиками и артельщиками, которымъ платила определенное вознагражденіе за всякаго доставленнаго ими гостя. Моряка доставилъ ей на этотъ разъ очевидно «Стекло».

Вошла пара ребятъ,—двѣ дѣвочки, тощія, въ веснушкахъ, оборванные. Вскорѣ явилась и хозяйка —Я спросилъ ее, какъ быть съ ночлегомъ и она съ сухостью заявила мнѣ, что я могу лечь или со всѣми въ этой комнатѣ, или въ передней, на нарахъ — какъ мнѣ угодно.

При этихъ словахъ она что-то прибирала и не смотрѣла на меня.

Я оторопѣлъ, сталъ у двери и постарался по возможности стусеваться; я дѣлалъ такое лицо, какъ будто мнѣ очень пріятно уступить другому свою комнату; къ тому же я боялся ее сердить, какъ бы она совсѣмъ меня не выгнала!

— Какъ нибудь устроюсь! — сказалъ я. Она поспѣшила меня осадить:

— Я васъ должна предупредить, что я не въ состоянїи давать квартиру и столъ въ кредитъ! Я уже сказала вамъ это.

— Однако, почтеннѣйшая, вамъ придется подождать не болѣе двухъ дней. Когда я окончу статью, я вамъ дамъ пять кронъ прибавки!

Она очевидно презирала и мою статью, и меня. Я однако не смѣлъ оскорбляться: я зналъ, что ждетъ меня, если я уйду.

Прошло нѣсколько дней.

Я жилъ попрежнему въ общей комнатѣ, такъ какъ въ передней, не имѣвшей печи, было слишкомъ холодно; ночью я спалъ на полу. Прїѣзжій все еще жилъ въ моей комнатѣ и не выражалъ намѣренія уѣзжать.

Въ этотъ день, во время обѣда, хозяйка заявила, что онъ заплатилъ ей за цѣлый мѣсяцъ впередъ. Онъ держитъ экзамень въ морскомъ училищѣ и проживетъ еще долго. Услышавъ это, я понялъ что моя комната потеряна для меня навсегда.

Я пошелъ въ переднюю и уѣлся тамъ: если ждать вдохновенія, то только здѣсь, потому что въ комнатѣ слишкомъ шумно. Аллегорія уже болѣе не занимала меня. Я возился съ новою идеею, которая мнѣ ужасно нравилась: съ драмой въ одномъ актѣ «Крестное знаменіе», на средневѣковый сюжетъ. Для меня уже вполнѣ уяснилось главное дѣйствующее лицо — великолѣпная фанатическая распутница, согрѣшившая въ храмѣ, у подножія

алтаря, не изъ страсти, но по ненависти, величавой ненависти къ небу.

Я долго обдумывалъ этотъ характеръ, пока наконецъ онъ не сталъ передъ моими глазами какъ живой. Тѣло ея довольно безобразно — она худа, смугла, и при каждомъ ея шагѣ подъ одеждой чувствуются длинныя ноги; къ тому же у нея большія, оттопыренныя уши. Для глазъ она не представляетъ ни малѣйшей приманки. Интересна и таинственна она своимъ непостижимымъ безстыльствомъ, отчаяннымъ исканіемъ грязи во что бы то ни стало.

Два часа кряду просидѣлъ я надъ этою драмою, исписалъ десять-двѣнадцать страницъ съ величайшимъ усиленіемъ и наконецъ совершенно изнемогъ отъ холода и напряженія. Я всталъ и вышелъ на улицу: такъ какъ въ послѣднія минуты въ общей комнатѣ заплакалъ ребенокъ, то все равно мнѣ пришлось бы уйти.

Я сдѣлалъ большую прогулку по Драмменсвейену и бродилъ по улицамъ до вечера, все обдумывая продолженіе своей драмы. При возвращеніи со мной произошло нижеслѣдующее.

Я стоялъ у лавки сапожника, на концѣ улицы Карла Йогана, почти у самой желѣзнодорожной площади. Богъ вѣсть зачѣмъ остановился я у этой лавки и сталъ смотрѣть въ окно, но думалъ не о томъ, что мнѣ нужны новые сапоги: мысли мои витали въ заоблачныхъ мірахъ. Мимо меня прошло нѣсколько болтающихъ прохожихъ, — и вдругъ я услышалъ голосъ:

— Добрый вечеръ!

То былъ «Красотка».

— Добрый вечеръ! — отвѣтилъ я разсѣянно. Я сразу не узналъ его.

— Какъ поживаете? — спросилъ онъ.

— Ничего хорошо... по обыкновенію!

— Ну, что, вы все еще у этого Христи?

— Христи?

— Вы кажется говорили мнѣ, что служите бухгалтеромъ у купца Христи.

— Нѣтъ, больше не служу. Невозможно было угодить на него. Онъ меня разсчиталъ.

— По какому поводу?

— Я ошибся въ цифрахъ....

— Намѣренно? — Онъ спросилъ это съ живѣйшимъ интересомъ. Я только презрительно взглянулъ на него и примолкъ.

— Ну, это со всякимъ можетъ случиться! — сказалъ онъ мнѣ въ утѣшеніе. Онъ былъ вполне увѣренъ въ томъ, что я мошенничалъ.

— Это что такое значить: со всякимъ можетъ случиться? — спросилъ я. — Какъ вы могли вообразить себѣ, что я способенъ на мошенничество?

— Но послушайте, любезнѣйшій, мнѣ показалось, что вы сами....

— Я хотѣлъ сказать, что ошибся въ цифрѣ, невѣрно выставилъ годъ — вотъ и все мое преступленіе. Нѣтъ, слава Богу, я могу еще отличать черное отъ бѣлаго! Что бы было со мной, если бы я замянулъ свою честь! — Понимаете, что такое для меня честь? Она меня до сихъ поръ спасала отъ паденія въ самыя тяжелыя минуты!

Я гордо закинулъ голову, отвернулся отъ «Красотки» и сталъ смотрѣть въ другую сторону. Взоръ мой скользнулъ по красному платью, по женской фигурѣ, шедшей рядомъ съ мужскою къ намъ навстрѣчу.

Боже мой! Если бы не эта грубость «Красотки» и не моя горделивая самозащита съ откидываньемъ головы, то вѣроятно я не замѣтилъ бы этого краснаго платья!

«Красотка» старался загладить свою провинность, но я уже не слушалъ его, пожирая глазами красное платье. Тихій, скользящій ударъ прошелъ по всему моему тѣлу и я скорѣй подумалъ, чѣмъ прошепталъ:

Илайяли!

«Красотка» обернулся и замѣтивъ пару, поклонился и проводилъ ихъ глазами. Не знаю, поклонился ли я. Красное платье двинулось дальше по улицѣ Карла Югана и исчезло.

— Съ кѣмъ это она идетъ?—спросилъ «Красотка».

— А вы развѣ не узнали «Герцога»? Но кто эта дама?

— По лицу я ее знаю. А вы — нѣтъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я.

— Что же вы ей такъ низко поклонились?

— Я?

— Ха-ха! Такъ это вы ему? — А она все время на васъ смотрѣла!

— Что вы знаете о ней? — спросилъ я.

— Собственно говоря, ничего. — Какъ-то осенью мы шли втроемъ, веселой компаніей съ прогулки на морскомъ берегу, — встрѣтили эту даму на Каммермейерѣ и затронули ее. Сначала она ничего не отвѣчала, но одинъ изъ насъ, молодецъ, прошедшій сквозь огонь и мѣдныя трубы, такъ смѣшно, умильно и убѣдительно просилъ позволенія довести ее до воротъ ея дома, что она разсмѣялась и согласилась.

— Ну и что же? — спросилъ я, затаивъ дыханье.

— Ну, и больше ничего... Это безусловно честная женщина.

Мы помолчали.

— Такъ это былъ «Герцогъ»!

— Ну, да, она пропадетъ, ее погубить этотъ «Герцогъ»! Но что мнѣ дотога? Она уже болѣе не прельщаетъ меня, со всѣми своими прелестями. — И я утѣшался тѣмъ, что думалъ о ней самымъ грубымъ образомъ и находилъ удовольствіе въ томъ, что мысленно топталъ ее въ грязь. — Неужели я въ самомъ дѣлѣ поклонился подобной парочкѣ? Развѣ можно снимать шляпу передъ подобными людьми? — Нѣтъ, она уже ничуть меня не прельщаетъ. Она совсѣмъ не хороша — фи, какъ она подурнѣла! Очень можетъ быть, что она смотрѣла внимательно на меня; что тутъ удивительнаго? — ее просто терзаетъ раскаяніе. Однако это еще не поводъ для того, чтобы кланяться ей. Ужасно глупо это было съ моей стороны, тѣмъ болѣе, что за по-

лѣднее время она-таки поотцвѣла! — «Герцогъ» сдѣлалъ завоеваніе. Ну, и на здоровье! При слѣдующей же встрѣчѣ ни за что не поклонюсь, но пройду мимо съ ордою осанкою. Напрасно я не скопилъ на нее глазъ въ ту минуту: этотъ пристальный взглядъ и ярко-красное платье вполне меня оправдали бы. Да, это легко могло бы случиться! Ха-ха! То-то было бы торжество!—Если мнѣ повезетъ, то втеченіе ночи окончу свою драму, а черезъ недѣлю пожалуй Илайяли будетъ сидѣть у меня на кобняхъ. Да, да, со всѣми своими прелестями — ха-ха!...

— Прощайте! — отрѣзалъ я.

Но «Красотка» остановилъ меня и спросилъ:

— Чѣмъ же вы теперь занимаетесь?

— Чѣмъ занимаюсь? Разумѣется, сочиняю. Чѣмъ же мнѣ еще заниматься? Я теперь пишу большую драму подъ заглавіемъ: «Крестное знаменіе», на средневѣковомъ сюжетѣ.

— Важно! — воскликнулъ «Красотка» вполне искренно. Если она будетъ удачна, то...

— Не безпокойтесь! — перебилъ я. — Черезъ недѣлю вы вѣроятно услышите обо мнѣ!

И отошелъ съ достоинствомъ.

По приходѣ домой, я тотчасъ обратился къ хозяйкѣ и попросилъ у нея лампу. Мнѣ чрезвычайно важно имѣть на эту ночь лампу: драма вся цѣликомъ уже сложилась въ головѣ и къ утру будетъ мною окончена. — Я изложилъ эту просьбу крайне смиреннымъ тономъ, такъ какъ замѣтилъ недовольную гримасу ея при моемъ входѣ. — Моя необыкновенно-удачная драма почти уже готова. Стоитъ только дописать двѣ сцены. Кто знаетъ, если она попадетъ когда-нибудь на сцену, то... словомъ хозяйка мнѣ окажетъ большую услугу, если дастъ мнѣ лампу.

Но у ней нѣтъ лампы! Она рѣшительно не знаетъ, чѣмъ помочь мнѣ. Если я согласенъ подождать до 12 часовъ, то могу взять кухонную лампу. Но развѣ не могъ бы я купить себѣ свѣчку?

Я помолчалъ. У меня не было десяти ѣръ на свѣчку,

и она прекрасно это знала. Опять неудача! — Кухарка сидѣла въ комнатѣ, а не въ кухнѣ; лампа значить и не зажигалась. Я сообразилъ это, но ничего не сказалъ.

Вдругъ кухарка обратилась ко мнѣ:

— Кажется, вы гуляли около дворца? Вы тамъ не пообѣдали? — И она громко засмѣялась собственной шуткѣ.

Я сѣлъ, вынулъ свои бумаги и попытался что нибудь написать. Я положилъ листъ на колѣни и сталъ смотрѣть въ полъ, чтобы не развлекаться. Напрасно — я не могъ писать.

Двѣ дѣвочки играли съ кошкой, удивительной, больной, совершенно облѣзлой кошкой; они прыскали на нее водой и смотрѣли, какъ струйки текли по ея мордѣ. Хозяинъ игралъ съ кѣмъ-то въ карты, у стола. Хозяйка по обыкновенію суетилась и работала — на этотъ разъ шила. Она прекрасно видѣла, что я не могу работать въ такой суетнѣ, но ничуть обо мнѣ не заботилась и даже улыбнулась на шутку своей кухарки. Все семейство было враждебно настроено по отношенію ко мнѣ и во всѣхъ взорахъ читалъ я презрительный вопросъ: «чего онъ здѣсь торчитъ?» Даже кухарка, маленькая, плоско-грудая уличная дѣвка, съ «гривкой» на лбу, спросила вторично при удобномъ случаѣ, не обѣдалъ ли я во дворцѣ? Даже она считала долгомъ глумиться надо мною.

Все это я ясно сознаю - и уже болѣе не въ состояніи продолжать свою драму. Нѣсколько разъ принимаюсь я за нее, но у меня начинается шумѣть въ головѣ и я долженъ наконецъ перестать. Я сую бумаги въ карманъ

Кухарка сидитъ передо мною; я смотрю на ея узкую спину, недоразвитыя плечи и недоумѣваю. Съ какой стати и она осмѣиваетъ меня? — Въ послѣднее время она пользовалась каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы похотать надо мною — напримѣръ, когда я спотыкался на лѣстницѣ или зацѣплялся платьемъ за гвоздь. Еще вчера она поймала разорванный планъ моей драмы, брошенный въ передней, сложила клочки и прочла ихъ въ общей ком-

натѣ, къ вящей потѣхѣ всей компаніи. Я никогда ни чѣмъ ея не оскорблялъ и даже ни разу не обращался къ ней съ просьбою о какой бы то ни было услугѣ. Напротивъ, по вечерамъ я самъ стлалъ себѣ постель на полу, не утруждая ея. — Она осмѣивала также меня за то, что у меня лѣзли волосы. По утрамъ, въ тазу, въ которомъ я мылся, оставались волосы, и она потѣшалась надъ этимъ. — Мои сапоги пришли въ совершенный упадокъ, въ особенности тотъ, черезъ который переѣхалъ извозчикъ. «Развѣ это сапогъ? — восклицала она неоднократно, — это собачья конура!» — Положимъ, она была права — сапоги дѣйствительно изнасились; но вѣдь я не могъ купить себѣ другихъ!

Пока я предавался этимъ размышленіямъ о непостижимой злобѣ кухарки, дѣти стали играть съ старикомъ, лежавшимъ на кровати; они лазили черезъ него по очереди. Затѣмъ каждая взяла по соломенкѣ и засунула ему въ уши. — Нѣкоторое время я смотрѣлъ на это совершенно безучастно. Старикъ почему-то не хотѣлъ шевельнуть пальцемъ въ защиту себя отъ своихъ мучителей — онъ только глядѣлъ на нихъ свирѣпыми глазами и моталъ головой, стараясь освободиться отъ соломенокъ.

Зрѣлище это мало-по малу меня взволновало. — Отецъ посмотрѣлъ на дѣтей и только засмѣялся; онъ даже обратилъ вниманіе своихъ партнеровъ на эту забаву. — Почему однако старикъ не шевелился? Отчего онъ не старается освободиться отъ дѣтей? — Я сдѣлалъ шагъ по направленію къ кровати.

— Оставьте его! Онъ разбитъ параличемъ! — сказалъ хозяинъ.

И боясь, чтобы мнѣ не указали ночью на дверь, я усѣлся спокойно на свое прежнее мѣсто. — Нельзя же терять пріютъ и бутерброды изъ-за чужого старика! Стоитъ глушить изъ-за этого живого трупа!

Но шалуныи продолжали дразнить дѣдушку. Ихъ раздражало то, что старикъ вертитъ головою и они сунули всѣ соломинки ему въ глаза и ноздри. Онъ

только смотрѣлъ на нихъ съ ненавистью, но не двигался. Внезапно онъ приподнялъ голову и плюнулъ одной дѣвочкѣ въ лицо; затѣмъ приподнялся вторично и плюнулъ въ лицо другой, но не попалъ. — Хозяинъ вдругъ бросилъ карты, — подбѣжалъ къ постели и закричалъ, побагровѣвъ отъ бѣшенства:

— Ты плеваться вздумалъ, старыи боровъ!

— Ахъ, Боже мой! Да они не давали ему покою! — воскликнулъ я, выйдя изъ себя. При этомъ я очень боялся, чтобы меня не выгнали и старался, смягчить свой тонъ, хотя дрожалъ отъ волненія всѣмъ тѣломъ.

Хозяинъ повернулся ко мнѣ:

— И этотъ туда же! Чего вы суετε носъ не въ свое дѣло? Помалчивайте—а не то...

Тутъ вмѣшалась его жена и зарычала на весь домъ:

— Оба вы съ ума спятили! — Если вы хотите оба здѣсь оставаться, то ведите себя смирно! Мало того, что даешь всякой сволочи столъ и квартиру—она тутъ еще будетъ скандалъ по ночамъ подымать. Я не потерплю буйства!— Цыцъ, ты тамъ! Утри свою морду, а то — смотри!—Нѣтъ, въ жизнь мою я не видала еще такихъ людей! Бѣгають цѣлый день по улицамъ, гроша у нихъ нѣтъ на мазъ отъ парши, а по ночамъ у честныхъ людей буняютъ! Я этого не допущу — слышите? Всѣхъ выгоню! Могу ли я требовать, чтобы въ моей квартирѣ сидѣли смирно!

Я ничего не сказалъ, даже рта не разинулъ и сѣлъ у двери. Я наблюдалъ. Всѣ кричали, даже дѣти и кухарка, старавшаяся объяснить все по порядку, какъ было дѣло. Если бы я заговорилъ, то очутился бы въ самомъ безвыходномъ положеніи. Да и что возражать! Развѣ на дворѣ не зима? Развѣ время теперь шумѣть, стучать по столу кулакомъ и козырять? Хозяйка совершенно права.—И я усѣлся спокойно, сознавая прекрасно, что меня въ сущности выгоняють. Я уставился на стѣну, гдѣ висѣла олеографія Христа и сталъ упорно отмалчиваться отъ всѣхъ намековъ хозяйки.

— Если вы намекаете на насъ, мадамъ, то мы можемъ и уйти, — сказалъ одинъ изъ игроковъ. Онъ всталъ, за нимъ поднялся и другой.

— Нѣтъ, не на васъ я намекаю, — сказала хозяйка. — Коли уже на то пошло, такъ я скажу, на кого я намекаю!

Она говорила это медленно, чтобы дать мнѣ почувствовать все мое ничтожество.

— Тише! — говорилъ я самъ себѣ. — Осторожьѣ! Она еще не сказала мнѣ ясно, что я долженъ уйти. Пожалуйста безъ гордости и ложнаго стыда! Ушки на макушки!... А странные, зеленые волосы. На простую траву это не похоже, но развѣ на сочную, луговую траву.

Да, совершенно вѣрное замѣчаніе: на сочную луговую траву.

Тутъ, по странной ассоціаціи идей въ головѣ моей пронесся цѣлый рядъ мыслей. Отъ зеленой травы я перешелъ къ библейскому тексту, уподобляющему жизнь травѣ изсыхающей, затѣмъ къ страшному суду, когда вселенная будетъ сожжена; затѣмъ мнѣ вспомнилась гравюра лиссабонскаго землетрясенія, затѣмъ испанская мѣдная плевательница и мебель, видѣнная у Илайяли. Да, все преходяще! Все подобно травѣ изсыхающей! Все кончается досками и саванами — отъ дѣвицы Андерсенъ, направо въ воротахъ...

— Онъ и не слушаетъ! — воскликнула хозяйка. — Я говорю вамъ, чтобы вы убирались вонъ изъ моего дома! Слышите ли вы! Дуракъ вы или сумасшедшій? Я говорю вамъ, чтобы вы сейчасъ же убирались вонъ! Вонъ!

Я взглянулъ на дверь, но не для того, чтобы уходить, никакъ не для того. Мнѣ пришла въ голову дерзкая мысль: еслибъ въ замкѣ торчалъ ключъ, то я бы повернулъ его, чтобы запереться вмѣстѣ со всѣми. На меня нападалъ истерическій ужасъ при мысли быть выброшеннымъ на улицу.

Однако ключа въ замкѣ не было и я долженъ былъ встать. — Все пропало!

Но тутъ вмѣшался хозяинъ. Я съ изумленіемъ при-

слушался: человекъ, только что грозившій мнѣ, принялъ теперь мою сторону:

— Нѣтъ, этого не полагается — выгонять людей на улицу ночью. За это — штрафъ!

Я не понималъ — какой штрафъ и за что, но увидѣлъ, что хозяйка вдругъ успокоилась и замолчала. Она даже дала мнѣ два бутерброда на ужинъ; изъ благодарности къ мужу я не взялъ ихъ и сказалъ, что перекусилъ въ городѣ.

Когда я отправился въ переднюю спать, ко мнѣ вышла хозяйка, остановилась на порогѣ, и громко сказала:

— Вы здѣсь ночуете послѣднюю ночь; замѣтите это!

— Да, да! — отвѣтилъ я.

Утро вечера мудренѣе. Можетъ быть я и найду себѣ какойнибудь пріютъ. Пока же я радовался уже тому, меня не выгоняютъ ночью.

Я проспалъ до шести часовъ утра. Было еще темно, какъ я поднялся. Одѣваться мнѣ не было надобности, потому что я легъ спать, не раздѣваясь. Напившись воды, я отворилъ дверь, стараясь какънибудь не встрѣтиться съ хозяйкой и вышелъ.

На улицахъ мнѣ повстрѣчалось нѣсколько городовыхъ, дежурившихъ на своихъ постахъ, и затѣмъ ламповщиковъ, гасившихъ фонари.

Я поскитался безъ всякой цѣли, завернулъ въ Киркегаде и отправился въ крѣпость. Полузамершій, все еще сонный и голодный, я скоро ослабѣлъ, почувствовалъ боль въ колѣняхъ и усѣлся на скамью.

Три недѣли жилъ я только бутербродами, которые мнѣ давала два раза въ день хозяйка. Теперь прошло ровно двадцать четыре часа со времени моего послѣдняго завтрака; голодъ опять терзалъ меня и никакъ незья было оставаться съ бездѣйствіемъ; съ этою мыслью я заснулъ на скамьѣ.

Я проснулся отъ говора и когда пришелъ въ себя, то оказалось, что на улицѣ началось движеніе. Я всталъ и пошелъ. Солнце поднялось изъ за холмовъ, небо было ясно и вѣжно и свѣтлое утро заставило меня позабыть

навремя всѣ невзгоды послѣднихъ недѣль: вѣдь мнѣ случалось бывать и въ гораздо худшемъ положеніи.

Я ударилъ себя въ грудь и заплалъ. Голосъ мой звучалъ такъ слабо и болѣзненно, что вызывалъ во мнѣ самомъ жалость. Къ тому же это великолѣпное, ясное утро подѣйствовало на меня слишкомъ сильно. Я заплакалъ на взрыдъ.

— Что съ вами?—спросилъ меня какой-то прохожій.

Я ничего не отвѣтилъ и убѣжалъ, пряча свое лицо отъ встрѣчныхъ. Сойдя внизъ къ набережной, я увидѣлъ огромный корабль подъ русскимъ флагомъ съ надписью «Кочегаръ» и нѣкоторое время наблюдалъ все, что происходило на его палубѣ. Корабль вѣроятно былъ уже разгруженъ, потому что сидѣлъ довольно высоко и шаги матросовъ по палубѣ глухо отдавались внутри судна.

Солнце, свѣтъ, соленое дыханіе моря, суетливая и веселая жизнь, кипѣвшая вокругъ, укрѣпили меня, и кровь задвигалась скорѣе. Мнѣ пришло въ голову, что теперь можно было бы окончить драму, и я вынулъ бумагу изъ кармана.

Я пробовалъ написать реплику монаха, которая должна была дышать суровостью и нетерпимостью, но она мнѣ не давалась. Поэтому я оставилъ монаха и перешелъ къ рѣчи судебного обвинителя—однако долженъ былъ прервать и ее на полустраницѣ. Обстановка очевидно не располагала къ сосредоточенности. Суетня, пѣніе матросовъ, скрипъ воротъ, лязгъ желѣзныхъ цѣпей слишкомъ противорѣчили мрачной, туманной обстановкѣ моей средневѣковой драмы. Я поэтому сложилъ бумаги и пошелъ.

У кого искать пріюта? увы, не оказывалось ни одного мѣстечка во всемъ городѣ, гдѣ я могъ бы на время прийтнуться. Мнѣ оставалось только вернуться туда, откуда меня вынали. Я съежился при этой мысли, повторяя себѣ, что это невозможно, и однако двинулся по направленію къ страшному мѣсту. — Конечно это позорно, даже

очень позорно — но чтоже дѣлать? Гордости у меня давно уже нѣтъ, и я смѣло могу забыть всякій стыдъ! Мнѣ подь конецъ даже стала пріятна мысль—войти въ прежнюю колею.

Предъ дверью я остановился, и призадумался. — Будь что будетъ, а надо пытаться! Вѣдь моя просьба пустячная. Я попрошу пріюта только на нѣсколько часовъ—Боже избави, если я когда либо еще разъ вернусь!

Я вошелъ во дворъ,—Еще есть время вернуться!— Но я стиснулъ зубы. Пожалуйста безъ самолюбія! Въ крайнемъ случаѣ у меня есть отговорка: зашелъ для того, чтобы проститься какъ слѣдуетъ и узнать точную цифру своего долга.

Я отворилъ дверь въ переднюю я остановился. Въ двухъ шагахъ отъ меня стоялъ самъ хозяинъ, безъ жилета и шляпы, и смотрѣлъ черезъ замочную скважину въ общую комнату. Онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я не трогался съ мѣста и продолжалъ смотрѣть въ скважину, причемъ сильно хохоталъ.

Я прошелъ мимо него къ окну, взялъ свои бумаги и постарался сосредоточиться. На чемъ бишь остановилось мое рукописанье? Да, на рѣчи судьи: «Такъ повелѣваетъ мнѣ Богъ и законъ, такъ повелѣваетъ мнѣ совѣтъ мудрыхъ мужей, такъ повелѣваетъ мнѣ собственная моя совѣсть».. Я заглянулъ въ окно, чтобы подумать о совѣсти моего судьи.

Изъ комнаты доносился до меня странный шумъ. Но мнѣ-то что за дѣло? Тише!

«Такъ повелѣваетъ мнѣ собственная моя совѣсть»..

Но все кругомъ какъ будто сговорилось противъ меня. Хозяинъ не стоялъ спокойно у замочной скважины, онъ ерзалъ и хихикалъ. Улица также развлекала меня. На тротуарѣ сидѣлъ уличный мальчишка и игралъ; онъ самымъ безобиднымъ образомъ связывалъ кусочки бумаги веревочкой и никому не мѣшалъ. Вдругъ онъ вскочилъ и сталъ ругаться: въ окнѣ второго этажа онъ

увидѣлъ рыжебородаго чловѣка, который наплеваль ему на голову. Ребенокъ заплакалъ отъ гнѣва и безсильно забранился; чловѣкъ изъ окна захохоталь. Я отвернулся, чтобы не видѣть этой сцены.

«Такъ повелѣваетъ мнѣ собственная моя совѣсть»...

Невозможно продолжать. Въ моей головѣ опять все пошло вверхъ дномъ. Мнѣ начинаетъ казаться вся эта рѣчь безсмыслицей. Можетъ ли быть рѣчь о совѣсти въ среднихъ вѣкахъ? Эту совѣсть изобрѣлъ... какъ его бишь... танцовальный учитель Шекспиръ! Значить, вся моя рѣчь—чепуха! Неужели и вся драма—тоже?

Я просмотрѣлъ ее, и всѣ мои сомнѣнія исчезли: я нашель въ ней великолѣпныя мѣста, тирады гениальной силы и снова почувствовалъ потребность углубиться въ свое произведеніе, чтобы окончить его.

Я всталъ и не обращая вниманія на яростные знаки хозяина, прошелъ по лѣстницѣ во второй этажъ, въ свою старую комнату. Морякъ очевидно былъ въ спальнѣ у хозяйки; кто бы мнѣ помѣшалъ посидѣть здѣсь? Я не буду трогать его вещей, даже не сяду за его столъ, но расположусь у двери, на стулѣ, самымъ комфортабельнымъ манеромъ. И я разостлаль бумагу на своихъ колѣняхъ.

Нѣсколько минутъ работалось великолѣпно. Реплика возникла въ головѣ за репликой.—Я исписываю страницу за страницей, катаю черезъ пень-колоду, и въ совершенномъ восхищеніи отъ своего генія, начинаю посмѣиваться. Мнѣ приходитъ въ голову колоссальная идея насчетъ колокольнаго звона, который непременно долженъ ударить въ извѣстный моментъ моей драмы. О, это будетъ обворожительно, прекрасно!

Тутъ послышались шаги на лѣстницѣ. Я задрожаль, приподнялся на стулѣ и не смѣлъ уже больше сѣсть; муки голода сразу возобновились.—Я прислушиваюсь въ величайшей тревогѣ. Драма моментально вышла изъ головы—Дверь отворилась и въ комнату вошла хозяйка съ морякомъ.

Прежде чѣмъ я успѣлъ пробормотать извиненіе, хозяйка какъ будто громомъ на меня грянула:

— Боже праведный! Да онъ опять торчитъ здѣсь!

— Извините,—сказаль я, хотѣлъ прибавить еще нѣсколько словъ, но не могъ.

Хозяйка распахнула дверь и закричала:

— Если вы сейчасъ же не уберетесь ко всѣмъ чертямъ, то я пошлю за полиціей!

Я всталъ.

— Я хотѣлъ только проститься съ вами,—пролепеталь я,—и потому ждалъ васъ здѣсь. Я здѣсь ничего не трогаль и сидѣлъ все время на этомъ стулѣ.

— Это ничего,—сказаль морякъ.—На кой чертъ орать? Пусть его сидить!

Я однако вышелъ; но сойдя съ лѣстницы, почувствовалъ припадокъ ярости противъ этой толстой, безобразной женщины, которая какъ будто цѣлью своей поставила—довести меня до гибели во что бы то ни стало. Она слѣдовала за мною по пятамъ и я вдругъ остановился, чтобы обдать ее потокомъ сквернѣйшей ругани, Но скоро одумался и помолчалъ изъ благодарности къ чужому человѣку, который шелъ за нею.---Хозяйка все преслѣдовала меня и ругалась, не умолкая, чѣмъ только возбуждала во мнѣ и безъ того возраставшее съ каждой минутой раздраженіе.

Такъ мы сходимъ во дворъ; я иду медленно и разсуждаю, затѣвать ли мнѣ ссору съ хозяйкой. Я полонъ самыми кровавыми намѣреніями и думаю, въ какое бы мѣсто живота ударить ее такъ, чтобы она и не встала.

Мимо меня проходитъ разсылный и кланяется. Я не отвѣчаю ему: онъ обращается къ этой женщинѣ и спрашиваетъ мое имя. Я не оборачиваюсь. Разсылный догоняетъ меня и вручаетъ мнѣ письмо. Я вскрываю его съ поспѣшностью и досадою; изъ него выпадаетъ десяти-кроновый кредитный билетъ—и больше ничего.

Я взглянулъ на разсылнаго и спросилъ:

— Что это за комедія? Отъ кого письмо?

— Не знаю,—отвѣчалъ онъ.— Мнѣ дала какая-то дама.

Я въ недоумѣніи. Разсылный уходитъ. Я сую бумажку обратно въ конвертъ, оборачиваюсь къ хозяйкѣ, бросаю ей письмо прямо въ лицо и, не говоря ни слова, ухожу.—

Да! Вотъ оно что значить—поступать честно! Ни слова не сказать, преспокойно всунуть кредитку въ конвертъ и бросить въ лицо своему врагу! Это называется—соблюсти собственное достоинство! Вотъ какъ надо учить этихъ скотовъ...

Когда я дошелъ до угла Томтегаде и желѣзнодорожной площади, улица внезапно заплясала передъ моими глазами и я долженъ былъ прислониться къ стѣнѣ. Я не могъ болѣе идти, не могъ выпрямиться изъ своей пришибленной позы; я стоялъ у стѣны и чувствовалъ, какъ постепенно лишаюсь сознанія.

Моя безумная ярость улеглась подѣ вліяніемъ этого припадка. Я сдѣлалъ еще нѣсколько тѣлодвиженій съ цѣлью набраться силъ, стиснулъ зубы, наморщилъ лобъ, ворочалъ глазами—и это помогло. Мысли мои прояснились и я понялъ, что близокъ мой смертный часъ.

Я простеръ руки и оттолкнулся отъ стѣны. Улица попрежнему кружилась и плясала. Началась икота. Я однако рѣшилъ бороться до послѣдней возможности и умереть стоя.

Мимо меня медленно катится тачка съ картофелемъ; но изъ бѣшенства и упрямства я увѣряю себя, что это не картофель, а капуста: съ страшными проклятiями клянусь я, что это капуста, прислушиваюсь къ своей брани и съ удовольствіемъ думаю, что вотъ-моль кощунствую. Я упи-ваюсь этимъ безпримѣрнымъ грѣхомъ, протягиваю два пальца вверхъ и дрожащими губами заявляю, что это капуста.

Такъ прошло нѣсколько часовъ. Я опустился наконецъ на ступеньки крыльца, отеръ потъ со лба, умѣрилъ свое дыханіе и постарался успокоиться.

Солнце заходило.

Голодь опять началъ проявляться въ самыхъ безстыдныхъ размѣрахъ. Часа черезъ два будетъ ночь—и что мнѣ тогда дѣлать—Снова я подумалъ о покинутомъ своемъ пансіонѣ. Я зналъ, что не вернусь болѣе туда, но не могъ не вспоминать о немъ. — Въ сущности женщина имѣла полное право на то, чтобы меня выгнать. Развѣ можно жить, не платя за квартиру? Она мнѣ давала даже время отъ времени ѣсть; еще вчера, когда я ее разсердилъ, она предложила мнѣ бутерброды, такъ какъ она знала, что я нуждаюсь въ подкрѣпленіи силъ. А что же я сдѣлалъ?—Я бросилъ ей десять кронъ въ лицо. Какой стыдъ! Какъ я раскаяваюсь въ своемъ поступкѣ!

Десять кронъ! Я тихонько посвисталъ. Откуда это письмо, принесенное разсылнымъ?—Теперь только догадался я въ чемъ дѣло.

Илайяли!

Я изнемогалъ отъ боли и стыда.—Не я ли вчера рѣшилъ пройти въ слѣдующій разъ мимо нея съ равнодушнымъ видомъ? А вмѣсто того я только возбудилъ состраданіе къ себѣ! Нѣтъ конца моему униженію, воистину нѣтъ ему конца! Какъ теперь взгляну я на нее, какъ соблюду свое достоинство? Я ушелъ въ грязь по колѣна, по грудь, окунулся въ нее и никогда мнѣ уже болѣе не выйти на свѣтъ Божій! Принять десять кронъ подаенія, схватиться за нихъ обѣими руками, уплатить ими за квартиру! О, позоръ!

А нельзя ли какънибудь раздобыть эти десять кронъ? Пойти къ хозяйкѣ и попросить ихъ обратно?—Это ни къ чему не поведетъ. Вѣроятно есть какойнибудь другой исходъ изъ этого положенія; стоитъ лишь хорошенько подумать. Надо подумать не просто, а такъ сказать, всѣмъ своимъ существомъ, ибо вопросъ слишкомъ важенъ.—Я усѣлся и сталъ думать.

Было часа четыре. Часа черезъ два я могъ бы зайти къ директору театра и предложить ему свою драму,—разумѣется, если она поспѣетъ къ тому времени...

Я вынимаю рукопись и принимаюсь съ рвеніемъ за послѣднія три сцены, — думаю, потѣю, перечитываю все сначала и ничего не выходитъ! «Только безъ глупостей!» убѣждаю я себя и снова принимаюсь за работу: валяю все, что мнѣ только приходитъ въ голову и пишу единственно для того, чтобы поскорѣе кончить.

Я стараюсь убѣдить себя, что на меня опять нашло вдохновеніе и не отрываюсь отъ бумаги для пущей самоувѣренности. «Вотъ это прекрасно! Вотъ это сущій кладъ! Запиши скорѣй!» — шептала я время отъ времени.

Однако мои послѣднія реплики начинаютъ казаться мнѣ очень подозрительными; въ нихъ какая-то разница въ сравненіи съ начальными сценами, а въ словахъ монаха что-то мало средневѣковаго духа! — Я перекусываю карандашъ, вскакиваю, разрываю пополамъ всю рукопись, раздираю ее на мелкіе клочки, бросаю вмѣстѣ съ ними шляпу и начинаю топтать ее.

«Все пропало!» шепчу я. «Милостивые государи и милостивыя государыни, все пропало!»

За мной слѣдитъ городовой и собирается подойти ко мнѣ. Я поднимаю шляпу, одѣваю ее и подхожу къ нему первый.

— Который часъ? — спрашиваю я.

Онъ пристально смотритъ мнѣ въ глаза, съ разсѣяннымъ видомъ вынимаетъ часы и отвѣчаетъ:

— Четыре часа.

— Вѣрно! — восклицаю я. — Я вижу, что вы прекрасно исполняете свои обязанности и буду имѣть васъ въ виду!

Съ этими словами я отхожу. Онъ смотритъ мнѣ въ догонку, разинувъ ротъ, съ часами въ рукахъ, совершенно сбитый съ толку.

Ха, ха! Вотъ какъ надо обращаться съ этими скотами! Съ изысканнѣйшимъ безстыдствомъ! Это ихъ пугаетъ, уничтожаетъ! — Я былъ очень доволенъ собою и замурлыкалъ пѣсенку. Я чувствовалъ себя легче пуху, прошелъ по базару и усѣлся на лавочкѣ у церкви Спасителя.

Это совершенно все равно, верну ли я десять кронъ, или нѣтъ. Если онѣ присланы мнѣ, то значитъ онѣ мои,

а со стороны благодѣтелей нѣтъ въ нихъ нужды. Вѣдь надо же имѣть въ виду намѣренія ближняго: нельзя же было ихъ оставить у разсыльнаго. По той же причинѣ нелѣпо было бы посылать мнѣ другой билетъ, взаменъ этого, назадъ. Кажется, это совершенно ясно и само собою понятно!

Чтобы поразсѣяться отъ этихъ мыслей, я сталъ обращать вниманіе на уличную суетню, такъ какъ мнѣ это не удалось и десять кронъ по прежнему лѣзли въ голову, то это наконецъ разсердило меня. — Если бы я отослалъ ихъ обратно ей, то оскорбилъ бы ее: зачѣмъ обижать человѣка? Я поступилъ, какъ благоразумнѣйшій джентльменъ: могъ имѣть теплую комнату, но промѣнялъ ее на улицу! Я гордо, при первомъ же оскорбленіи, выкинулъ деньги и ушелъ... Гмъ! Однако это все-таки неприятно — торчать теперь на улицѣ!

А впрочемъ — къ лысому дьяволу всю эту дребедень! Надо же и пожалѣть Илайяли: бѣдняжка въ меня влюблена! Какъ же не взять отъ нея эти презрѣнные гроши! — Эта мысль привела меня въ совершенный восторгъ: да, конечно она влюблена въ меня, бѣдняжка!

Было пять часовъ. Опять ощущеніе слабости и шума въ ушахъ. — Я уставился въ пространство широко-раскрытыми глазами, въ сторону аптеки «Слона». Голодъ свирѣпствовалъ въ моемъ желудкѣ и причинялъ мнѣ ужасныя страданія.

Внезапно передъ моими глазами вырисовывается образъ, принимающій все болѣе опредѣленные очертанія. Я наконецъ узнаю его и восклицаю: пирожница! — Это заставляетъ меня задуматься. — Да, она самая, за тѣмъ же столикомъ! — Я посвисталъ, пощелкалъ пальцами, подошелъ и сталъ передъ нею.

Я улыбаюсь, киваю торговкѣ какъ знакомый, и даю понять ей, что давно уже собирался увидѣть ее вторично.

— Вы развѣ меня не помните? — спрашиваю я.

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ она медленно.

Я улыбаюсь съ такимъ видомъ, какъ будто принимаю слова ея за очень милую шутку.

— Развѣ вы забыли, что я вамъ однажды далъ нѣсколько кронъ? Тогда, сколько помнится, я ничего не сказалъ вамъ, но таково уже мое обыкновеніе. Когда имѣешь дѣло съ честными людьми, то смѣшно вступать въ словопренія по поводу всякой бездѣлицы. Ха — ха! Вѣдь это я бросилъ вамъ тогда столько денегъ!

— Такъ это были вы? Теперь я вспоминаю..

Я не даю ей времени поблагодарить за подарокъ, но поспѣшно заявляю, пожирая глазами ея товаръ:

— А теперь я зашелъ для того, чтобы взять пирожковъ! Этого она не понимаетъ.

— Ну, да, пирожковъ! Я пришелъ именно для того! — Я нарочно говорю погромче, для убѣдительности.

Съ этими словами я взялъ съ ея стола пирожокъ и сталъ ѣсть. — Увидя это, торговка сдѣлала рукою движеніе въ защиту своего товара отъ моихъ поползновеній и заявила, что это грабежъ среди бѣла дня!

Вотъ какъ? Скажите на милость! Да она въ своемъ родѣ перлъ! Слыханное ли это дѣло, чтобы ей кто-нибудь давалъ деньги и не требовалъ при этомъ товара! Или она думаетъ, что ей бросили украденныя деньги? Нѣтъ, она конечно этого не думаетъ, и потому то я пришелъ поблагодарить ее за ея доброе мнѣніе обо мнѣ! Ха—ха!

— Съ какой же стати вы мнѣ дали тогда тѣ деньги? — воскликнула торговка, внезапно разбѣсилась и стала кричать.

Я объяснилъ ей чрезвычайно спокойно и вѣжливо: у меня ужъ такое обыкновеніе, потому что я всѣхъ людей считаю честными. Каждый разъ, какъ меня заставляютъ подписывать контрактъ, я качаю головою и наотрѣзъ отказываюсь: «нѣтъ!» Ей Богу!

Однако женщина все-таки меня не понимала. Я постарался прогнать изъ головы всѣ смѣшныя и глупыя мысли и заговорилъ съ особенной вразумительностью:

Развѣ ей никогда не случалось получать такимъ об-

разомъ деньги займы? Разумѣется, отъ людей богатыхъ, нипримѣръ, консуловъ? Никогда?—Конечно я не скрою отъ нея, что у насъ это довольно рѣдкій способъ денежной сдѣлки, но онъ весьма распространенъ за границей. Была ли она за границей? Нѣтъ?—Ну, такъ пусть и не разсуждаетъ!

Съ этими словами я взялъ еще нѣсколько пирожковъ со стола.

Она зарычала, вырвала изъ моихъ рукъ половину пирожка.—Я разсвирѣпѣлъ, ударилъ кулакомъ по столу и пригрозилъ полиціей.—Я очень снисходителенъ въ своихъ требованіяхъ,—заявилъ я ей,—и не хочу требовать товаровъ на всю данную мною сумму; въ противномъ случаѣ я разорилъ бы всю ея лавку, потому что далъ ей тогда ужасно много денегъ! Я прошу у нея товару только на половину этой суммы! Затѣмъ мои счета съ нею будутъ покончены. Я вѣдь не какой-нибудь плутъ.

Въ концѣ концовъ торговка отложила для меня пять-шесть пирожковъ, оцѣнивъ ихъ самымъ фантастическимъ образомъ, и просила ее оставить. Я спорилъ, доказывая, что она меня обманываетъ на цѣлую крону, что она сущій вампиръ-кровососъ!

— Знаете, какое наказаніе назначаетъ законъ за подобное мошенничество?—заклучилъ я. Несчастливая женщина! Васъ посадятъ на всю жизнь въ рабочій домъ!

Она бросила мнѣ еще одинъ пирожокъ и со скрежетомъ зубовнымъ прошипѣла, чтобъ я убирался.

Тогда я ушелъ.

Этакая несправимая женщина! Слыханое ли это дѣло.—Все время, пока я бродилъ по рынку, я ругалъ вслухъ безстыдство торговки и воспроизводилъ весь нашъ разговоръ.—При этомъ я съ жадностью ѣлъ на ходу пирожки.

Они исчезли одинъ за другимъ. Я былъ такъ голоденъ, что чуть было не съѣлъ даже того послѣдняго пирожка, который съ самаго начала предназначилъ для мальчика въ Вогмангаде — того, что игралъ бумажками. Онъ,

помнится, поглядѣлъ тогда, когда на него плюнули, и на мое окно—не смѣюсь ли надъ нимъ также и я? Надо его отыскать!

Я прошелъ мимо того мѣста, гдѣ лежали клочки моей драмы, мимо одураченнаго мною городского, и стоялъ наконецъ на Вогемандсгаде, передъ лѣстницей, у которой утромъ игралъ ребенокъ.

Но его тамъ не было. Улица была почти пуста. Уже смеркалось и я никакъ не могъ найти мальчугана: вѣроятно онъ былъ уже въ комнатѣ.—Я прислонилъ пирожокъ къ двери, постучалъ въ нее и поспѣшно убѣжалъ.— Теперь онъ, разумѣется, выйдетъ и увидитъ пирожокъ!— И на глаза мои навернулись слезы при мысли о томъ, какъ обрадуется малютка.

Я снова пошелъ на желѣзнодорожную площадь. Голодъ пересталъ мучить меня, но отъ съѣденныхъ мною сластей меня тошнило.

Въ головѣ моей бушевали самыя дикія мысли.— Не перерѣзать ли канатъ у корабля? Не закричать ли: «пожаръ»?

Дойдя до набережной, я сѣлъ на пустой ящикъ,— сложилъ руки и предался дикой игрѣ своей фантазіи. Я не дѣлалъ ни малѣйшихъ усилій обуздать себя.

Противъ меня стоялъ уже знакомый мнѣ корабль съ русскимъ флагомъ, «Кочегаръ». На мостикѣ стоялъ человекъ, освѣщенный красными фонарями, висѣвшими надъ нимъ.— Я почему-то считалъ своимъ долгомъ подойти и завязать съ нимъ разговоръ:

— Сегодня отчаливаете, капитанъ?

— Да, скоро, — отвѣтилъ тотъ пошведски.

— Гмъ. А не нужно ли вамъ лишняго человекъ?

Мнѣ было все равно, что онъ мнѣ отвѣтитъ.

— Юнгу нужно — сказалъ онъ.

Юнгу! Я вздрогнулъ, снялъ украдкою въ темнотѣ свои очки и сунулъ ихъ въ карманъ; затѣмъ взошелъ на палубу

— Я еще не служилъ на кораблѣ, — сказалъ я, —

но могу дѣлать все, что мнѣ прикажутъ. Куда вы ѣдете?

— Отвозимъ грузъ въ Лидсъ и заберемъ тамъ уголь для Кадикса.

— Мнѣ все равно, — сказалъ я. — Я буду дѣлать свое дѣло.

Капитанъ взглянулъ на меня.

— Ты еще на морѣ не бывалъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Но я повторяю вамъ, что могу исполнять любую работу. Я ко всему привыкъ.

Онъ подумалъ. Но мною уже совершенно овладѣла одна идея и я страшно боялся вернуться на берегъ.

— Такъ какъ же, капитанъ?—спросилъ я.—Я могу все дѣлать. Да что я говорю! Я могу работать даже сверхъ силъ своихъ. Мнѣ ничего не стоитъ не спать по двое сутокъ кряду.

— Ладно, посмотримъ,—сказалъ онъ наконецъ.—Въ случаѣ чего, мы можемъ высадить тебя въ Англии.

— Ну, разумѣется!—воскликнулъ я съ радостью.

Затѣмъ онъ указалъ мнѣ работу...

Только въ фіордѣ я очнулся отъ лихорадки и усталости, поднялъ голову, посмотрѣлъ вслѣдъ городу, блестящему вечерними огнями, и сказалъ ему—прости!

К О Н Е Ц Ъ.

Учебныя руководства и пособія.

- УРСЬ НАЧАЛЬНОЙ МЕХАНИКИ. И. Рикачева. Съ 197 рисун. Ц. 1 р. 50 к.
- ПРАКТИЧЕСКАЯ ГЕОМЕТРИЯ. А. Заблוצава. Съ 300 чертежами. Ц. 60 к.
- УРСЬ МЕТЕОРОЛОГИИ И КЛИМАТОЛОГИИ. Профес. Лѣснаго Инстит. Д. Лачинова. Съ 122 рис. и 6 карт. Ц. 2 р.
- СНОВАНІЯ ХИМИЧ. ТЕХНОЛОГИИ. В. Селезнева. Съ 70 рис. Ц. 1 р. 50 к.
- ПОЛНЫЙ КУРСЪ ФИЗИКИ. А. Гано. Переводъ Ф. Павленкова и В. Черкасова. 7-е изд. Ц. 4 руб.
- ПОПУЛЯРНАЯ ФИЗИКА. А. Гано. Перев. Ф. Павленкова. Съ 604 рис. Ц. 2 р.
- КРАТКАЯ ФИЗИКА. М. Герасимова. Съ 335 рисун. и 214 задачами. Ц. 1 р.
- ПОПУЛЯРНАЯ ХИМИЯ. Н. Вальберга и Ф. Павленкова. Съ 50 рис. Ц. 40 к.
- УЧЕБНИКЪ ХИМИИ. А. Альмедигена. 96 рис. и 140 задачъ. Ц. 2 р.
- ОБЩЕПОНЯТНАЯ ГЕОМЕТРИЯ. В. Потоцкого. Съ 143 фиг. Ц. 40 к.
- ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ ФИЗИОЛОГИИ. Бурдонъ Сандерсона. Переводъ Д-ра Фридберга. Переработанъ русскими профессорами. Въ 2-хъ частяхъ съ многими рисунками. Цѣна въ одной книгѣ 5 р.
- СБОРНИКЪ АРИМЕТИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ. Лубенца. 7-е издание. Ц. 40 к.
- Тотъ же "Сборникъ" по частямъ: Годъ I—12 к. Годъ II—15 к. Годъ III—20 к.
- САМОСТОЯТЕЛЬНЫЯ РАБОТЫ въ начальной школѣ. Т. Лубенца. Ц. 15 к.
- УЧЕБНИКЪ ГЕОГРАФІИ для город. училищъ. И. Плетенева. Съ рис. Ц. 30 к.
- МЕТОДИКА АРИМЕТИКИ. С. Житкова. 3-е изд. Ц. 75 к.
- СБОРНИКЪ АРИМ. ЗАДАЧЪ СЪ УЧЕТЕЛЕМЪ. Приложіе къ "Методикѣ ариметики". С. Житкова. Ц. 40 к.
- СБОРНИКЪ САМОСТОЯТ. УПРАЖНЕНІЙ ПО АРИМЕТИКѢ. Задачннкъ для учениковъ. С. Житкова. 2-е изд. Ц. 25 к.
- ЭПИЗОДИЧЕСКІЙ КУРСЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ. А. Кузнецова. изд. 2-е. Ц. 1 р.
- НАГЛЯДНАЯ АЗБУКА. Ф. Павленкова. Съ 800 рис. 10-е изд. Ц. 20 к.
- ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ "НАГЛЯДНОЙ АЗБУКѢ". Ф. Павленкова. 7-е изд. Ц. 15 к.
- РОДНАЯ АЗБУКА. Ф. Павленкова, 7-е изд. съ 200 рис. Ц. 5 к.
- АЗБУКА-КОПѢЙКА. Ф. Павленкова. 7-е изд. 12 стр. 100 рис. Цѣна 1 к.
- НАГЛЯДНО-ЗВУКОВЫЯ ПРОПИСИ. Ф. Павленкова. 1) "КЪ РОДНОМУ СЛОВУ" Ушинскаго (400 рис.). 2) "КЪ АЗБУКѢ БУНАКОВА" (460 рис.). 3) КЪ "ПЕРВОЙ УЧЕБНОЙ КНИЖКѢ" Цаульсона (430 рис.). 4) КЪ "РУССКОЙ АЗБУКѢ" Водовозова (470 рис.). 5) ОБЩІЯ НАГЛЯДНО-ЗВУКОВЫЯ ПРОПИСИ (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.). Цѣна каждой книжки 8 к.
- НАШЪ ДРУГЪ Книга для чтенія въ школѣ и дома. Барона Н. А. Корфа. 15-е изд. съ 200 рис. Ц. 75 к.
- ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРЕСТОМАТІЯ. А. Тарнавскаго. Для низш. учебн. заведеній и млад. классовъ гимназій. Съ 125 рисунками. 4-е изд. Ц. 60 к.
- НАЧАЛЬНАЯ РУССКАЯ ГРАММАТИКА Н. Бучинскаго. Ц. 30 к.
- ЗЕРНЫШКО. Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма Т. Лубенца 1-я книга Ц. 30 к. 2-я книга. Ц. 40 к.
- РУКОВОДСТВО къ "ЗЕРНЫШКУ". Лубенца. Ц. 50 к.
- ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЙ БУКВАРЬ. Т. Лубенца. 2-е изд. Ц. 5 к.
- РУКОВОДСТВО КЪ "ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ БУКВАРЮ". Т. Лубенца. Ц. 15 к.
- КНИГА ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКУ А Карюкова. Ц. 20 к.
- "Замѣтки для учителя, обучающаго по этой книжкѣ"—10 к.
- РУССКОЕ СЛОВО. А. Павлова. Хрестоматія для гор. училищъ. Ц. 1 р.
- РУКОВОДСТВО къ "РУС. СЛОВУ". П. 60 к.
- АЗБУКА ДОМОВОДСТВА И ДОМАШНЕЙ ГИГИЕНЫ. Сост. М. Елима. Ц. 75 к.
- 300 ПИСЬМЕН РАБОТЪ Задачи для упражненій въ письмѣ для 3-хъ отдѣлений начал. школы. Н. Корфа. Ц. 15 к.
- ПЕРВОНАЧ. ПРАВОПИСАНІЕ. Дитовки и грам. правила. Н. Корфа. Ц. 12 к.
- ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ФИЗИКОЙ. М. Герасимова. Съ 96 рис. Ц. 50 к.
- СБОРНИКЪ АЛГЕБРИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ. М. Савицкаго. Ц. 40 к.
- ПЕРВЫЯ ПОНЯТІЯ О ЗООЛОГИИ. Поля Бера. Переводъ подъ ред. проф. И. Мечникова. 345 рис. 2-е изд. Ц. 1 р.
- Въ папкѣ 1 р. 20 к., въ переп. 1 р. 50 к.
- КРАТКІЙ КУРСЪ БОТАНИКИ. М. Сіазова. Съ 118 рис. Цѣна 50 к.
- СБОРНИКЪ ЗАДАЧЪ ПО РУССКОМУ ПРАВОПИСАНІЮ. Разыграева: 1) Элементарныя свѣд. о правописаніи. Ц. 50 к. 2) Систематическія свѣд. о правописаніи. Ц. 50 к. 3) Элемент. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к. 4) Систем. свѣдѣнія о знак. препинанія. Ц. 35 к.
- ДЕШЕВЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ. Десять раскрашен. картъ. Ц. 30 к.
- ОЧЕРКИ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРИИ. Григоровича. 5-е изд. 52 портрет. Ц. 2 р.
- ОБЩЕДОСТУПНОЕ ЗЕМЛЕМѢРІЕ. А. Колтановскаго. 279 рис. Ц. 75 к.
- РИСОВАНІЕ АКВАРЕЛЮ А. Касаня. Перев. съ франц. О. Кочетовой. 120 политип. и 6 акварел. Ц. 1 р. 50 к.
- ОГОРОДНИЧЕСТВО. Практическіе совѣты Ф. Шубелера. Съ 130 рис. Ц. 60 к.
- НАЧАЛЬНЫЙ КУРСЪ ГЕОГРАФІИ. Корнеля. 11-е издание, съ 10-ю раскраш. карт. и 82 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ГРАММАТИКА РУССКАГО ЯЗЫКА. А. Чудинова.
Изд. 5-е. Ц. 50 коп.

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ биогр-
фическая библиотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ библиотеки войдутъ біографіи слѣдующихъ лицъ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ: Андерсенъ, Аристотель, Байронъ, Бальзакъ, Беккариа, Ф. Беконъ, Беранже, Клодь-Вернаръ, Верне, Верпль, Бетховенъ, Бисмаркъ, Боккачіо, Бокль, Бомарше, Дж. Бруно, Будда (Санія Муни), Р. Вагнеръ, Вашингтонъ, Виклефъ, Л. Винчи, Вирховъ, Вольтъ, Вольтеръ, Гайднъ, Галилей, Гавней, Гарибальди, Гарриксъ, Гегель, Гейне, Гете, Гладстонъ, Говардъ, Гогартъ, Гракхи, Григорій VII, А. Гумбольдтъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Дагерръ и Ніэпсъ, Даламберъ, Дантъ, Дарвинъ, Декартъ, Дефо, Дженнеръ, Дидро, Диккенсъ, Жанна Даркъ, Жоржъ-Зандъ, Золя, Ибсенъ, Кантъ, Кальвинъ, Канова, Карлейль, Кеплеръ, Колумбъ, Амось-Коменскій, Коптъ, Конфуцій, Коперникъ, Кромвель, Кукъ, Кювье, Лавуазье, Лапласъ, Лейбницъ, Лессепсъ, Лессингъ, Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лойола, Локкъ, Лютеръ, Магометъ, Макиавелли, Массе (основатель международной лиги образованія), Мейерберъ, Меттернихъ, Минель-Анджело, Милль, Мильтонъ, Мирабо, Мицневичъ, Мольеръ, Мольтке, Монтеסקье, Морзе, Т. Моръ, Моцартъ, Т. Мюнцеръ, Наполеонъ I, Ньютонъ, Оуэнъ, Паскаль, Пастеръ, Песталоцци, Платонъ, Прудонъ, Рабле, Рафаэль, Рашель, Рембрандтъ, Риттеръ, Ришелье, Ротшильды, Руссо, Савонарола, Санія-Муни (Будда), Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ, А. Смитъ, Сократъ, Спенсеръ, Спиноза, Стэнли, Стефенсонъ, Тацитъ, Теккерей, Уаттъ, Фарадей, Франклинь, Францискъ-Ассизскій, Фридрихъ II, Фултонъ, Цвингли, Цицеронъ, Шекспиръ, Шелли, Шиллеръ, Шопенгауеръ, Шопенъ, Эдисонъ, Дж. Эліотъ, Эразмъ, Ювеналъ, Юлій Цезарь, и другіе.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ: Аввакумъ, Аксаковы, Аракчеевъ, Богданъ Хмѣльницкій, Воткинъ, Булгаринъ и Гречъ, Бутлеровъ, Бѣлинскій, Бэръ, Верещагинъ, Волковъ (основатель русскаго театра), Воронцовы, Глинна, Гоголь, Гончаровъ, Грановскій, Грибоѣдовъ, Дашкова, Демидовы, Достоевскій, Екатерина II, Зининъ, Ивановъ, Иванъ IV, В. Н. Каразичъ (основатель харьк. университета), Карамзинъ, Катковъ, С. В. Ковалевская, Кольцовъ, Баронъ Н. А. Корфъ, Н. И. Костомаровъ, Крамской, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ, Менделѣевъ, Меншиковъ, Миклуха-Маклай, Н. Милютинъ, Некрасовъ, Никитинъ, Никонъ, Новиковъ, Островскій, Петръ Великій, Пироговъ, Писемскій, Посошковъ, Потемкинъ, Пржевальскій, Пушкинъ, Радищевъ, Салтыковъ, Сенковскій, Скобелевъ, С. Соловьевъ, Сперанскій, Струве, Суворовъ, Л. Толстой, Тургеневъ, Гл. Успенскій, Ушинскій, Фопъ-Визинъ, Шевченко, Щепкинъ и другіе.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается особая книжка, въ 80—100 страницъ съ портретомъ. При біографіяхъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются геогр. карты, снимки съ картинъ и ноты.

Жирнымъ шрифтомъ напечатаны имена лицъ, біографіи которыхъ вышли до 15 февраля 1892 г. Новыя біографіи выходятъ по 4 въ мѣсяцъ.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова (Спб., Лештуковъ пер., № 2). Цѣна каждой книжки 25 к.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA

839.83 H18SRC

C001

Gold : roman /

3 0112 092437240